

Чарльз Майер

Как я ловил
диких
зверей

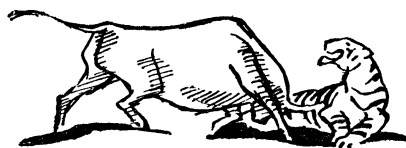

Путешествия Приключения Фантастика

Чарльз Майер

КАК Я ЛОВИЛ
ДИКИХ
ЗВЕРЕЙ

Государственное Издательство Географической Литературы

м о с к в а • 1959

Создание современных зоопарков и цирков было невозможно без смелых и находчивых охотников — ловцов диких зверей.

В этой книге один из пионеров этого дела — Чарлз Майер — рассказывает о наиболее красочных эпизодах своей жизни и работы в Малайе, на Суматре и Борнео.

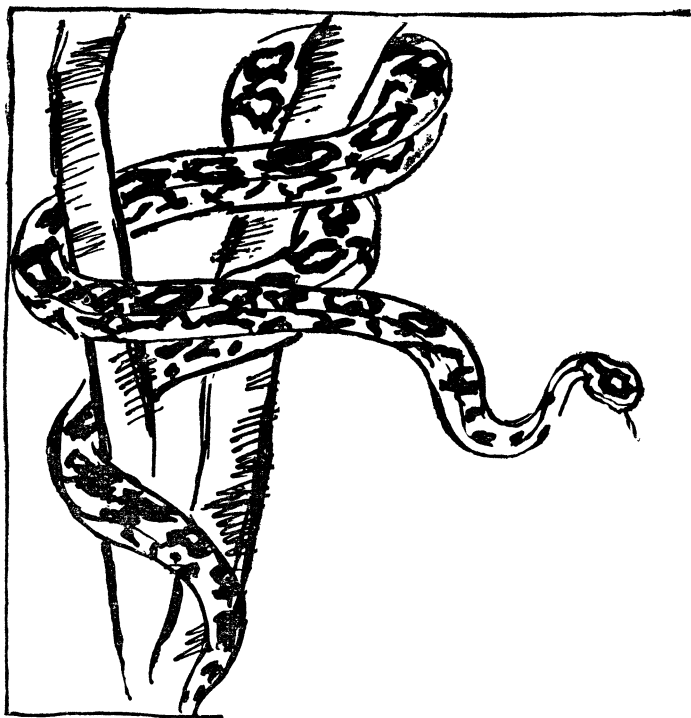
Описание джунглей и их обитателей, жизни и быта коренных жителей тропиков в начале XX века дано ярко, живо, реалистично.

Перевод с английского
Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

*с послесловием и примечаниями
доктора биологических наук*

П. Б. ЮРГЕНСОНА

Художник В. А. ДУВИДОВ

Гора Духов

Восемнадцать лет жизни я провел на Малаккском полуострове, ловя диких зверей; возвратясь в Америку, я написал книгу о моих приключениях. Я получил много писем от читателей со всевозможными вопросами: «Какое животное может считаться самым сильным в мире?», «Каковы размеры грудной клетки у большого орангутанга?», «Может ли орангутанг победить слона?» Мне писали врачи, интересовавшиеся причинами и историей обычной в джунглях лихорадки, которой я переболел. Дрессировщик слонов просил у меня сведения о способах дрессировки.

У меня было много дел. Я отправил в Сиднейский зоологический сад целый корабль диких зверей. Но мне очень хотелось раздобыть носорога и нескольких тигров

и леопардов, в которых нуждался Гамбургский зоосад Гагенбека. Я решил опять поехать в Тренгану¹, изобиловашую дикими зверями.

Прибыв в куалу (столицу) Тренганы, я сразу направился к знакомому султану. Он был очень рад мне, потому что я привез ему подарок — фонограф. Фонограф необычайно занял его. Он уже успел создать должность «мастера музыки», чтобы управляться с шарманкой (снабженной барабаном, цимбалами и другими усовершенствованиями), которую я ему привез в прошлый свой приезд. Султан призвал «мастера музыки» и приказал ему заставить фонограф играть на расстоянии. «Мастер» дрожал от страха при виде нового таинственного, как духи, существа, воспроизводившего человеческий голос. Султан, однако, не боялся ничего и очень забавлялся страхом своих приближенных. Банджо и оркестр их положительно пугали. Зато смех им очень понравился. Женщины, впрочем, были от всего в восторге.

Я сказал султану, что хочу ехать в глубь страны — попытаться половить зверей. Он пожелал удачи и предложил мне своих людей.

После пятидневного пути вверх по реке Тренгане, мы достигли последнего кампонга (становища) на северо-западе: дальше этого не проникал ни один туземец. Там лежала «Гора Духов» (Букит-Ханта). О ней шла дурная слава. Я давно стремился в эти края, потому что, по рассказам туземцев, они изобилуют дикими зверями. Но туземцы говорили: там водятся духи. Тот, кто отважится подняться на эту гору, или будет съеден тигром, или — что еще хуже — будет превращен в тигра...

Когда я начал расспрашивать о дороге на эту гору, я наткнулся на непроницаемую стену молчания. О Горе Духов даже говорить не полагалось. Я решил бороться с суеверием таким же оружием, т. е. с помощью суеверия же и рассказал всей деревне, что я — пауанг (заклинатель духов). Уверив туземцев, что с самого дня рождения меня никогда не преследовал ни один злой дух и пообещав им защиту и безопасность, я попросил их только идти со мной до подножия горы и взялся достать проводников из племени сакаев, живших поблизости в джунглях и говорил так уверенно, что убедил туземцев. В конце концов мне удалось собрать доста-

точное число мужчин, пожелавших пойти со мной. Я решил подняться на Гору Духов, если только это вообще возможно человеку, в надежде найти какую-нибудь реку, текущую оттуда к морю. Ведь я находился в глубине страны, и, если мне удастся поймать каких-нибудь зверей, мне необходимо будет найти средства транспорта.

Мы дошли до ближайшего кампонга и застали его пенг-хулю (старейшину) в состоянии сильнейшего смутения. Его окружали плакавшие и кричавшие женщины и дети. Он метался из стороны в сторону, тщетно приказывая: «Тише!.. Тише!..»

Мне он крикнул: «Беда, беда, туан (господин)! Ох, какая беда!..»

Я спросил у него, в чем дело. Его ответ удивил бы меня, если бы я не знал так хорошо обычаев этих краев. Оказалось, только что был страшный бой за обладание деревом «дюриан²», в диком виде росшем в джунглях. Туземцы готовы на любой подвиг, на любую жертву, чтобы только добыть необыкновенные плоды этого дерева. В побоище было убито четверо мужчин и одна женщина, а двое мужчин и одна женщина тяжело ранены. Убитых только что похоронили. Теперь старейшине предстояло отправиться в куалу и донести обо всем случившемся султану. В данную минуту он собирался отправить раненых в столицу, чтобы там заключить их в тюрьму. Они лежали тут же на грубых носилках; состояние их казалось мне безнадежным. Я уверен был, что они не вынесут дороги и умрут раньше, чем прибудут в куалу. Я так и сказал старейшине, но он отвечал, что ему нет дела до страданий раненых. Если они умрут по дороге, значит, такова воля аллаха. Но они должны быть в куале, все равно, живые или мертвые, иначе султан накажет его. Как старейшина, он за все отвечает.

Отчаянные битвы за обладание дюриановыми деревьями случаются там постоянно. Если такое дерево попадает на пограничной линии, то бывает, что целые племена истребляют друг друга в борьбе за захват его.

Плод этого дерева видом и размером немного напоминает ананас. Он заключен в зеленую кожуру, утыканную твердыми колючими шипами. Хотя кожура очень плотная, но режется или отрывается легко. Сам плод

внутри делится на пять-шесть долей, вроде апельсина. К сожалению, никто не может попробовать этого плода, не побывав в джунглях: он портится слишком быстро, и вывозить его невозможно. Дерево, на котором плоды растут, похоже на наши вязы, только кора у него глаже; оно достигает шестидесяти-семидесяти футов вышины. Созревая, плоды сами падают на землю, так что туземцам не надо взбираться за ними на дерево. Когда приближается пора созревания, туземцы строят шалаши вокруг дерева и ждут. При этом они очень остерегаются, чтобы плоды, падая, не задели людей, так как острые шипы дюриана причиняют опасные, кровавые раны.

У этих плодов необыкновенный вкус и запах. Когда везут повозку с дюрианами, запах слышен задолго до того, как она появится в виду. Для европейца запах отвратителен. Мне он был так противен, что я только на восьмой год моего пребывания на Малаккском полуострове отважился попробовать его. Туземцы уговаривали меня:

— Попробуй... хорошо... станет жарко.

Но стоило мне понюхать, как я отворачивал голову. В первый раз, когда я решился его попробовать, то проделал это с величайшей осторожностью, заткнув нос. Группа туземцев собралась вокруг меня, им очень хотелось, чтобы мне понравилось их любимое лакомство, и они смеялись над моими гримасами. Первый глоток показался мне сомнительным; после второго я подумал, что, может быть, это и вкусно; после третьего я понял, что это очень вкусно. Мякоть плода напоминает по мягкости крем; если растереть мякоть банана, смешать с равным количеством густых сливок, прибавить немного шоколаду и сильно сдобрить... чесноком, то получится смесь, напоминающая дюриан. В то же время запах чрезвычайно тонок и вместе с тем силен; до моего отъезда я прямо-таки пристрастился к дюриану; и вот сейчас, когда я пишу о нем, мне нестерпимо хочется тут же, сейчас же, съесть спелый дюриан.

В разгаре лета и люди и животные чувствуют такую потребность в плодах дюриана, которая доходит прямо до какого-то иступления.

Как зверолову, дюриан мне служил очень хорошую службу: где он растет, там и место для охотничьей закладки; ни один зверь, по-видимому, не в силах противо-

стоять искушению его запаха. Слон катает плод по земле, пока не притупятся все его острые шипы, затем открывает плод, осторожно наступив на него, и съедает сперва мякоть, а потом и самую кожуру. Носорог, тапир, дикий кабан, буйвол и лань топчут его, пока он не треснет. Медведь же, тигр, леопард и меньшие звери кошачьей породы разрывают плоды своими острыми когтями.

Очень забавно наблюдать, как борется с дюрианом маленькая обезьяна. Обезьянам, конечно, не нужно ждать, когда плод упадет на землю, и часто случается, что малютка-обезьяна ухватит не совсем созревший плод и сорвет его с ветки. Но тут встает вопрос: как очистить его? Нужна всего-навсего маленькая трещинка, чтобы обезьяне только просунуть в нее палец, и тогда кожура порвется. Обезьяна взбирается по ветвям наверх, бросает плод на землю и кидается за ним вслед. Но может случиться, что другой, находящийся под деревом зверек схватывает добычу и уносит, пока обезьяна еще не успела спрыгнуть с дерева. Тогда ее крики раздаются на все пространство джунглей. Крик, гам и ссоры обезьян часто помогают найти дюриановое дерево.

Один кампунг, где я остановился, имел редкое счастье — насчитывать в своем владении целых четыре дюриановых дерева. Он был обнесен высокой оградой из бамбука, обернутого в тростник и усаженного длинными острыми зубцами. Это делало частокол недоступным для ланей и диких кабанов, которыми изобиловала местность. Я как-то застрелил там восемнадцать кабанов в течение одного часа.

Но никакие ограды не помогали от птиц и обезьян, и необходимо было придумать что-нибудь для защиты от них, иначе не осталось бы ни одного дюриана. То, чего не могли достигнуть никакие шипы и острия, достигалось шумом. Туземцы остроумно устроили огромные трещотки из бамбука. Полый внутри ствол бамбука крепко прикреплялся к ветви дюрианового дерева, а второй был прикреплен свободно, но так, что если резко дернуть за веревку, второй бамбук ударялся о первый и производил оглушительный шум. Одним из моих любимых развлечений было наблюдать за детьми, которые усаживались с раннего утра группами, по семь-восемь человек, под каждым деревом и по очереди дер-

гали за веревку. На вид это была простая детская игра, но действие ее на обезьян и птиц было неотразимо и вызывало в них панику. Позже, днем, когда солнце было в зените и жара невыносима, обезьяны и птицы переставали искать корм, и дети мирно засыпали.

Случается, что туземцы заставляют дрессированных обезьян собирать плоды дюриана так же, как в других местностях кокосовые орехи. Когда я в первый раз увидел обезьяну за этим делом, то был очень удивлен. Что обезьяну, которую хозяин держит на длинной веревке, можно заставить взобраться на известное дерево, это совершенно естественно, но как заставить ее выбрать именно желаемый плод? Это мне казалось трудным. Однако обезьяна легко положила лапку на первый колючий плод, который она могла достать, и боязливо взглянула вниз. Но это был не тот плод, который хотел ее хозяин. Он резко дернул за веревку и закричал: «Тидак, тидак!» (Нет, нет).

Обезьяна тронула другой, потом еще один...

Наконец она попала правильно, и ее хозяин крикнул: «Иа!» (Да).

Отлично, но плод-то оставался еще на дереве!

Осторожно, чтобы ее не поранили колючки, обезьяна крутила плод в одну сторону; время от времени она принуждена была останавливаться, чтобы быстрым движением своих лапок отогнать мошкарку от глаз и мордочки. Когда стебель ослаб, она перекусила его зубами. Плод упал вниз. Надо было видеть мордочку обезьяны в это время — в ней было все: и страх, и нетерпение, и наконец радость, когда хозяин закричал ей слова одобрения.

Мы покинули селение, куда дюриан принес смерть, и продолжали наш путь к Горе Духов. Со мной были старейшина, десятеро его людей, три моих лодочника и китайский «бой». Нам пришлось прокладывать себе дорогу сквозь девственную чашу джунглей. Каждый человек нес тридцать фунтов рису и сушеной рыбы.

Пройдя около трех часов, мы вдруг вышли из леса на опушку поляны, усыпанной чистым песком. Она тянулась футов на сто двадцать пять. Я только что хотел идти вперед, как старейшина Уэн-Мэт схватил меня за рукав и воскликнул:

— Берегись, туан! Полосы зыбучего песка!..

Он спас меня и моих спутников от скверного приключения. Впрочем, я никогда не слышал, чтобы животные погибали вzybучих песках.

Мы продвигались вперед гуськом, десятеро мужчин из кампонга вели нас. Вскоре передовые начали громко браниться и кричать. Они наткнулись на острые бамбуковые колышки, которые обыкновенно сакаи³ втыкают в землю, чтобы обезопасить себя от босоногого врага. Послышался невообразимый шум: удары о выдолбленное бревно, крики, проклятия. Откуда ни возьмись, с деревьев посыпались люди.

Уэн-Мэт крикнул: «Не стреляйте — это я, Уэн-Мэт!»

Он стоял неподвижно и вызвал старейшину сакаев. Он объяснил ему, что я — белый раджа, и потом проделал свой салам (приветствие). Он сказал, что я нахожусь под покровительством султана, и тогда все проделали салам. Они все должны помогать мне, что бы я ни потребовал, иначе они навлекут на себя гнев султана.

Если бы он не защитил меня, сакаи попрятались бы и подстрелили бы меня из своих воздушных трубок... Воздушная трубка, стреляющая отравленными стрелами, сделанными из средней жилки пальмового листа, — опасное оружие.

Когда мы пришли в становище, женщины и дети рассыпались во все стороны. Это было не из скромности: они просто боялись меня. Они никогда до сих пор не видели белого человека. Но хотя через минуту после моего появления никого не было видно, я чувствовал, что десятки глаз подсматривают за мной из-за деревьев или из чащи листвы.

Туземцы сносятся с внешним миром через старейшину ближайшей деревни, которому они продают сырой каучук в обмен на рис и сушеную рыбу. Старейшина ведет торговлю и является представителем своей деревни. Он продает резину в виде шаров: сырой каучук кладут в горячую воду, он становится мягким, как патока, тогда из него скатывают шары и прибавляют слой за слоем. А так как его покупают на вес, в него, то там, то сям, подкладывают камешки. Таким образом, туземцы надувают местных торговцев. Но им никогда не удастся надуть китайца. Китаец берет длинный, острый, как бритва, нож и перерезает шар в четырех местах, так что камешки оказываются на виду.

Сакаи считаются исконными жителями этих мест. Они темнее малайцев. Волосы у них курчавые, часто сбивающиеся в колтуны. Это беспокойный кочевой народ, не любящий оставаться на одном и том же месте дольше нескольких недель: они часто перекочевывают и строят свои высокие шалаши (вроде свайных построек) в разных частях джунглей. Вместо лестниц они употребляют бамбуковые стволы, в которых делают зарубки. Мужчины, женщины и дети взбираются по этим столбам, как обезьяны. Взамен всякой одежды сакаи носят кусок грубой ткани вокруг бедер, а женщины — нечто вроде передника или же кусок кожи, который свешивается у них от талии.

Сакаи очень суеверны. Раз я протянул одному сакаю бритвенное зеркальце. Он взглянул в него, потом просунул за зеркало руку и с вытаращенными от страха глазами принялся твердить сакайское слово, которое означало «духи». Сакаи считают, что душа покойника остается на месте своего погребения; поэтому после похорон все становище собирает свои пожитки и в ужасе отправляется подальше — искать себе нового места.

Мы, однако, были не «духи», а вполне живые люди, друзья султана. Поэтому сакаи разрешили нам остановиться у них и расположиться лагерем. Мы выбрали четыре молодых деревца, чтобы из них построить себе шалаш. Нам пришлось срубить окружающие деревья, чтобы в случае бури они не повредили нашей хрупкой постройке. Потом мы сделали платформу из ветвей футов на двадцать от земли. После этого мы покрыли постройку крышей из бамбука, который захватили с собой. Затем разостлали наши «тикары» — циновки для спанья, — прикрепили пологи от москитов, и наша квартира на ночь была вполне устроена.

За все мои похождения по джунглям я никогда еще не встречал такой москитной дыры. Всякий разговор прерывался постоянным «шлеп... шлеп... шлеп»... и проклятиями. Я хотел спастись под пологом, но едва я на минуту приподнял его, чтобы взять свой ужин, как москиты налетели целыми тучами. К счастью, я позаботился, чтобы мои люди из куалы и бой запаслись пологам, но Уэн-Мэт и его спутники прямо измучились. В реке под нами лежало множество крокодилов. Они открывали пасти и так держали их, пока влажные языки, липкие, как

бумага от мух, не покрывались сплошь москитами и ночными насекомыми. Тогда они с шумом захлопывали пасти. И снова открывали, как живую западню, и опять захлопывали с шумом,— и так всю эту долгую, бессонную, бесконечную ночь. Этот звук смешивался с непрестававшим «шлеп, шлеп, шлеп»: это туземцы били москитов, опасаясь, что те заживо их съедят. Единственно только страх перед мраком джунглей удерживал людей от того, чтобы вскочить и бежать из этих мест. Утром на них страшно было смотреть.

И, однако, сакаи добровольно жили в этой mosquito-ной дыре, без каких бы то ни было признаков mosquito-ных сеток: вероятно, их кожа непроницаема для укусов.

Пользуясь Уэн-Мэтом как переводчиком, я побеседовал с Нэйзаром, вождем сакаев. Он сказал, что видел следы слонов, носорогов, тапиров и тигров, и указал по направлению, противоположному тому, откуда мы пришли. Нэйзар объяснил, что они никогда не отходили от своего становища дальше, чем на полдня пути. Как пробраться на Букит-Ханту, он не знал:

— Нет, нет, туан! Никто не ходит на Гору Духов, никто никогда там не был!

Вождь смотрел на меня с каким-то тупым изумлением. Я взял с него обещание, что он придет на этих днях в становище Уэн-Мэта, и обещал ему, что я покажу ему, как ставить капканы для тигров и леопардов и как рыть западни. Я убедился, что по части сетей, тенет и силков он был замечательным мастером.

Во время этого разговора люди приготовили все для нашего обратного путешествия. Они страшно обрадовались, когда я подал сигнал к отправлению в путь. Обратно идти казалось шуткой — дорога была открыта нам. Когда мы приблизились к нашему становищу, мужчины, женщины и дети выбежали нам навстречу, напуганные, уверенные, что наше неожиданное возвращение означает какую-нибудь беду по дороге к Горе Духов. Узнав, что все благополучно и что все наши раны от москитов, они принялись хохотать и отпускать грубые шутки; но мы не могли смеяться с ними: мы шатались от усталости и хотели спать.

На следующий день явился Нэйзар, старейшина сакаев, в сопровождении шестерых мужчин, учиться строить капканы. Мы построили грубую западню, они с ин-

тересом смотрели. Капкан напоминал огромную мышеловку: полом служила земля, а вместо проволоки были врыты в землю колья. Все было прикрыто ветками. Мы показали, как действует дверца и почему она захлопывается, как только животное войдет в капкан. Сакаи наблюдали за каждым нашим движением, и я по их лицам видел, что они схватывают суть дела. Это был практический урок без слов. Потом мы предложили сакаям угощение: чай в кокосовой скорлупе вместо чашек и белый сахар. Они видели все это в первый раз и пить чай побавались, попробовали на язык и сказали: «горько». Мы положили сахар в чай — это им понравилось, и они стали его пить большими глотками, но один сахар нравился еще больше; им казалось, что это расточительность — тратить его на то, чтобы подслащивать горький чай. Сакаи радовались угощению, как дети. Ушли они от нас в прекрасном расположении духа и надеясь заработать «ринггиты» (доллары), ловя животных для туана.

Пока ожидали возвращения Нэйзара, мы расставили силки и тенета в разных местах по соседству, но без блестящих результатов. Целую неделю мы ждали, как вдруг появился Нэйзар. Он бежал галопом и кричал:

— Тигр!.. Тигр в западне!

Мы тут же принялись мастерить переносную клетку. Делали ее из ветвей и стволов молодых деревьев. Для пола мы скрепляли их плотно и связывали ратаном (тростником). Крыша и стенки были сквозные: ветки отстояли одна от другой на полтора дюйма. Все соединения связывались ратаном. Туземцы делали эту работу с удивительной быстротой: до вечера клетка была окончена. Она была длинная и узкая, то есть достаточных размеров для того, чтобы в ней поместился большой тигр, но такая, чтобы повернуться он не мог. Она была прикреплена к двум длинным шестам, которые с обоих концов далеко выдавались вперед. На одном конце клетки было отверстие, в которое тигр должен был войти.

На следующее утро, на рассвете, мы отправились за нашей добычей. Внутри клетки привязали живую курицу для первого угощения тигра в его темнице... Нэйзар вел нас, и приблизительно через четыре часа мы дошли до того места, где он устроил западню. В западне находился великолепный взрослый тигр, самец, ростом около

девяти футов. Животное было в превосходном состоянии — один из красивейших образчиков кошачьей породы, какой когда-либо попадался мне на глаза.

Мы поставили клетку входом к западне, вытащили часть кольев из земли и стали гнать тигра, пока он не прополз в отверстие клетки. Закрывать клетку было уже легким делом. Вообще в переводе тигра из западни в клетку нет ничего трудного — для охотника с ним гораздо меньше возни, чем с суетящейся и вопящей обезьяной.

Войдя в клетку, тигр припал к полу, крепко прижав уши к голове и полузакрыв глаза. Его верхняя губа приподнялась, открыв великолепные клыки. Дыхание со свистом вырывалось из его груди. Живая курица, трепыхавшаяся над его головой, раздражала его. Одним ударом лапы он убил ее, но был слишком взбешен, чтобы съесть курицу в эту минуту. В лучшем настроении, если бы не был голоден, он принялся бы играть с ней, как кошка, подкидывая ее и представляя себе, что она жива и старается спастись от него.

Ловля животных для меня не спорт, а профессия, но я всегда чувствовал волнение охоты и всегда наслаждался грацией и странными повадками самих животных. Этот тигр был полон тайны, тайны его породы. Я глядел ему в глаза, но он избегал моего взгляда; я старался угадать степень его свирепости, в неволе она обратится против него самого. Случается, что пойманные тигры в клетке пожирают собственные хвосты. Они делают это, как доведут сами себя до безумного неистовства. Я никогда сам не видел такого приступа бешенства, но один туземец описывал мне такой случай.

Я решил обращаться как можно осторожнее с моей драгоценной добычей. Переноску клетки поручил шестнадцати носильщикам: восьми малайцам из кампонга и восьми сакаям. Уэн-Мэт, еще один мужчина с ружьем и я — вели шествие. Дорога перед нами лежала открытая. Мы получили то, за чем пошли и во всей маленькой процессии царило праздничное настроение.

Вдруг из чащи джунглей послышался рев, вопль...

Оруженосец быстро опустил мой винчестер, обернувшись, чтобы передать его мне, но нечаянно так ударил меня дулом, что я свалился с ног. Я запутался в чаще кустарника и лиан и тщетно старался подняться на ноги, а в это время кругом раздавались крики, вопли и

вой. Приподнявшись наполовину, я увидел, что мимо меня неслась огромная масса. Первое слово, которое я мог разобрать в этом хаосе, было «бадак» (носорог).

«Бадак!» — кричали люди на все лады в диком ужасе. Кое-как я высвободился из цепкой чащи кустарника и выбрался опять на дорогу. Передо мной валялись обломки переносной клетки, тигр был погребен под ее развалинами. Большая рана зияла у него в боку, кровь лилась из нее потоком, и с каждым дыханием он жалобно ревел. Его рев почти заглушался страшным человеческим криком. Саженьях в трех на земле лежали три сакая. Один из них был уже мертв, двое других тяжело ранены. Остальные кричали и размахивали руками.

Все произошло так мгновенно, что люди не успели поставить клетку на землю и убежать. Носорог вырвался из джунглей, пригнул к земле голову и ринулся в атаку. Стараясь добраться до тигра, огромное животное убило одного сакая и свалило двух других. Одним ударом головы носорог разбил клетку как игрушку, рогом своим он распорол тигру бок, и стопудовая туша протащила за собой и клетку и тигра сажени на четыре. Потом с ревом он отбросил их от себя, и, рыча и ворча, скрылся в джунглях. Он, вероятно, не понял даже, что, в сущности, встретил вещь необычную: тигра, которого несли в клетке, как даму в старомодном портшезе. Он просто почуял запах тигра, нанес ему смертельный удар и отправился дальше по своим делам.

Носорог — животное близорукое, но у него необычайно тонкое чутье. Он всегда по чутью нападает на тигров. Со слоном он в борьбу не вступает. Оба огромных животных боятся друг друга, хотя, конечно, носорогу не справиться со слоном, когда тот, отведя свой хобот, чтобы он ему не мешал, пускает в ход клыки. Но тигру не одолеть носорога, и он даже не пробует бороться с ним: у него нет для этого достаточно сильного оружия. Его способ убивать больших животных, когда он нападает на них, например на быка, — это ломать им шеи. Он встает на задние лапы, а передними хватает быка, — одной за плечо, а другой за бедро; потом захватывает зубами за шею, откидывает голову и дергает шею быка взад и вперед, пока она не хрустнет. Конечно, с носорогом этого тигр проделать не может: его шкура слишком плотна. Поэтому он всячески из-

бегают встречи с названными двумя животными. Вообще тигр далеко не такой мощный и бесстрашный зверь, как это думают. И, несмотря на то что леопард старается не попадаться ему на глаза, я думаю, что два небольших леопарда легко справятся с большим тигром. Они в течение одной минуты могут искушать и исцарапать втрое больше, чем тигр. Я не встречал ничего похожего на дружбу или союз между разнородными или даже однородными зверями: дикие животные — инстинктивные враги.

Наш тигр, раненный носорогом, делал отчаянные усилия, чтобы вывободиться из клетки. Не было ни малейшей надежды спасти его. Единственное, что я мог сделать для него, это сократить его страдания. Я отнял мое ружье у туземца, который проделывал им какие-то бессмысленные движения, и пристрелил зверя разрывной пулей. Он кашлянул, захрипел — и умер. Я не стал тратить времени на бесплодное сожаление и занялся одним из раненых сакаев. Симпровизировал перевязку из наиболее чистых клочков собственного моего белья и устроил хирургические лубки для его сломанной ноги из обломков клетки. У второго сакая была так тяжко повреждена спина, что с ним я уже не мог справиться.

Я заставил малайцев сделать пару носилок из сохранившихся частей клетки. Они были так возбуждены, что успокоить их было выше моих сил. Старое суеверие всецело владело ими. Они все были твердо уверены, что носорог был злой дух и Гора Духов выслала его, потому что не хотела, чтобы хоть один из ее тигров живым покинул ее сень. Разговоры их представляли смесь из действительных фактов, фантазий и явной лжи. Один из них уверял, что носорог был белый, — белый, как все духи, или, как он выразился, «белый, как детские зубы». Другой настаивал на том, что это была кормящая самка. Он видел хорошо, рассказывал он, что носорог, после того как повернул в джунгли, погнал вперед своего детеныша, подталкивая его сзади своим рогом. Правда, в открытых местах можно видеть, как самка носорога таким образом ведет своего детеныша, но в густой заросли кустов он, конечно, никак не мог этого разглядеть.

Самка носорога примерная мать; она держит детеныша при себе и водит его, как заботливая нянька.

Носорог в джунглях часто раздражается. Он жестоко страдает от укусов насекомых, которые устраиваются в густых складках его шкуры. Когда пойманного носорога купаешь, то следует проводить палкой по этим складкам — это прогоняет насекомых и доставляет ему большое облегчение.

Убитого сакая унесли трое его товарищей. Их осталось слишком мало — только пятеро, уцелевших после нападения носорога, — чтобы заботиться о раненых. Кроме того, так как я считал себя ответственным за постигшее их несчастье, то решил, что сделаю все, что в моих силах, чтобы они получили наилучший уход. Если бы я и хотел отнести их в становище, построенное на деревьях, подобно гнездам, я не мог бы заставить малайцев вернуться опять на дорогу к Букит-Ханту.

И вот снова мы двинулись в путь, на этот раз с двумя носилками вместо клетки с великолепным тигром. Уцелевшие сакай, которые тупо глядели на наши приготовления, простились со своими соплеменниками странными односложными звуками. Одного из них им не суждено было больше увидеть. У него оказалась сломанной спина, и он умер, когда мы пришли в кампунг.

Малайцы завернули его тело в холст и пропели над ним какую-то печальную песнь. Может быть, это была песнь благодарности за то, что все их земляки уцелели.

На время я оставил мысль о восхождении на Гору Духов. Я решил, что если я когда-нибудь опять задумаю это предприятие, то возьму с собой даяков — охотников, которые не боятся ни людей, ни зверей, ни духов.

Облава на слонов

Мой дом в Тренгане стоял на песчаной полосе между рекой Тренганой и Южно-Китайским морем. Я отдыхал там после своей неудачной попытки взобраться на Гору Духов, размышляя, что в дальнейшем я должен более основательно обдумывать мои планы. Сидя на веранде, я лениво глядел на реку. В отдалении я заметил что-то, подсказавшее мне, что, может быть, мои планы уже кем-то обдуманы за меня. Восемь коричневых гребцов, обнаженных до пояса, приближались в бе-

лой лодке прямо к моему дому. В лодке был один пассажир, над ней развевался белый флаг без всяких рисунков или украшений, похожий на тот, который поднимают в знак перемирия. Но это просто был флаг султана Тренганы: не фамильный, а его личный. Пассажиром же оказался Абдул, доверенный слуга султана.

Когда лодка причалила к берегу, Абдул подошел к веранде. Не осмеливаясь взойти на нее, он поднес руку ко лбу в знак приветствия и сказал:

— Табек, туан (Здравствуй, господин)!

— Апа хабар (Что нового)? — спросил я.

— Султан мау джумпа, туан (Султан хочет тебя видеть, господин)!

— Баик (Хорошо)! — ответил я. — Сейчас буду готов.

Гребцы (не знаю, можно ли их так называть, у них вместо весел были шесты) быстро доставили нас к пристани, ближайшей ко дворцу. Это был скромный кирпичный дом недалеко от реки. Дом был обнесен кирпичной оградой с деревянными воротами, у которых стоял на страже привратник. Он меня знал, и когда я подошел, он молча проделал салам. Я направился мимо приемного павильона прямо в аудиенц-залу султана и вошел к нему без доклада. Он сидел на красной с желтым подушке и курил местную папиросу, сделанную из грубого табака, завернутого в пальмовый лист.

Спокойно приветствуя меня, он хлопнул в ладоши и приказал появившемуся слуге:

— Бауа туан крази (Принеси господину стул)!

Принесли стул: жесткий стул с прямой спинкой. Взглянув на него, я сказал: «С вашего разрешения я сяду напротив вас на подушку». И уселся на пол.

Он опять хлопнул в ладоши — резким, властным звуком.

Принесли кофе и печенье. Печенье представляло собой маленькие четырехугольники из сахара и рисовой муки, сахара было очень много, муки очень мало. В кофе было почти столько же сахара, сколько и самого кофе, состоящего главным образом из гуши. Султан пил его с очевидным удовольствием.

— Туан, — сказал он, — есть слоны! — И он улыбнулся.

Улыбка эта выражала уважение, которое я приобрел тем, что поймал шестьдесят слонов в мою первую

большую поездку в Тренгану. Она не только сделала меня знаменитостью в один день, но и доставила мне неофициальный титул «Господин слонов».

— Где? — спросил я.

— В округе реки Тар-пу. Там их десять, а может быть и пятнадцать. Один человек их видел, и еще один и еще один, и все это люди, которые не делают из маленькой правды большой лжи, как большинство моих подданных. Слоны, наверно, есть. И ты, который ловишь диких тварей и которого так же трудно поймать, как тех, кого ты ловишь, здесь, налицо. Это послано мне аллахом, чтобы я получил слонов. Слоны, я заметил, как ринггиты: у кого их много, тот хочет еще и еще.

— Я отправлюсь и поймаю их,— ответил я.

Он медленно кивнул головой.

— Я возьму с собой,— сказал я,— четырех ваших больших слонов и четырех, принадлежащих Тунку-Безару.

Он опять важно кивнул головой.

Тогда я назначил ему свои условия: он должен был предоставить мне необходимое количество людей. Я обязуюсь поймать все стадо. Всех больших слонов я отдам ему, а всех маленьких возьму себе.

Он принял мои условия. Это был «джентльменский» договор: ничего не было написано черным по белому, никаких специальных мерок не было предусмотрено, каких животных считать большими и каких маленькими.

Ручные слоны, с которыми мне предстояло работать, были прекрасные экземпляры. Четверо, принадлежавшие султану, были с клыками, и каждый из них вышиной футов восемь или выше. Слоны Тунку-Безара, его шурина, были почти так же велики и все самцы. Всех их я поймал в мою первую поездку. Я смотрел на них с авторской гордостью. Со времени поимки за слонами был прекрасный уход, и их хорошо приручили. Но было одно обстоятельство, которое могло в моем предприятии представить опасность для их жизни: эти слоны никогда еще не принимали участия в охоте на слонов. Впрочем, они были очень сильны, вожаки хорошо их понимали, а они отлично понимали своих вожakov. К тому же элемент опасности прибавлял к предстоявшей охоте тот привкус спорта, благодаря которому я с нетерпением ожидал ее.

Я был очень рад в ту минуту, что Тренгана не Сиам. В Сиаме все дикие слоны составляют собственность короля. Горные слоны предоставляются горцам. Те же, которые блуждают в долине, вряд ли могут считаться «дикими». Они находятся под специальным наблюдением правительства. Стадам, которые часто состоят из четырехсот голов, предоставляется бродить на свободе, но они всегда находятся под надзором, и время от времени их окружают и подвергают осмотру. Каждые два-три года происходит большая охота; в это время отбираются слоны с клыками, а остальные отпускаются на развод.

Что касается моего дома, мне оставалось просто запереть дверь: внутри не было ничего такого, что соблазнило бы воров.

Я послал моего боя за реку раздобыть припасов: рису, рыбы и две дюжины кур. Куры продавались дюжинами по доллару, поэтому я накупил сколько мог захватить с собой.

Одежда моя была приблизительно та же, в какой я был у султана. Только сапоги я надел высокие и с двойными подошвами, а кроме того, я взял еще шерстяные обмотки, чтобы надеть на ноги перед тем, как пуститься в джунгли.

Затем я собрал несколько перемен платья, необходимых в этом жарком, но сыром климате. Но самая важная часть багажа — это сетки от москитов. Их я навешивал обыкновенно над матрацем, тоненьким и благодаря этому легко свертывавшимся в трубку, удобную для переноски. Эти вещи всегда следовали за мной, куда бы я ни отправлялся.

Во время моего свидания с султаном мы условились, что я поеду в кампонг по реке Тар-пу на следующий же день, а людей и слонов он отправит мне вслед на второй день после моего отъезда. Я проделал свой салам и переправился через реку к своему дому, чтобы заняться несложными приготовлениями к экспедиции.

На закате следующего дня мы начали путешествие вверх по реке, против быстрого течения. Кроме шести гребцов, которые должны были управлять моей круглодонной лодкой, и рулевого, со мной был только мой китайский бой Хси-Чу-Ай. Он служил мне дворецким, лакеем и поваром одновременно. Я устроился на корме

лодки под навесом из пальмовых листьев, укрепленным на бамбуковых шестах.

Бой занялся приготовлениями к чаю. Как бы ни было быстро речное течение, я никогда не пил сырую речную воду. Сколько бочек чаю я выпил за свое пребывание на Малаккском полуострове в течение восемнадцати лет, страшно подумать! Плитой Хси-Чу служил ящик с песком, помещавшийся на противоположном конце лодки. Он воткнул в песок три палки, повесил к ним котел и развел под котлом огонь. Способ первобытный, но вполне удовлетворительный.

Гребцы ударили веслами в лад, а рулевой у кормы правил ими. «Оранг камуди» (человек руля) называли его. Он правил при помощи большого плоского шеста, который держал обеими руками. Должность его была ответственная, и я платил ему двадцать пять мексиканских долларов в месяц. Обыкновенные гребцы получали только двадцать. Всем я давал рис, сушеную рыбу и чай. Кроме набедренной повязки, гребцы не носили никакой одежды, по крайней мере во время работы.

Через шесть часов после захода солнца рабочий день был окончен. Лодка остановилась. Я сбросил одежду и кинулся в реку, чтобы выкупаться и поплавать. Мои спутники все поскакали за мной. Все были превосходные пловцы. И естественно, потому что каждого из них в свое время окунули в реку, когда ему еще не было и часа времени. «В мир — и сейчас же в воду» — таков девиз малайца. Зато у моего боя не было страсти к речному купанию. Его пришлось уговаривать. У него «хати сама айам!» (куриное сердце) — был приговор малайцев.

После купания лодку вытащили на песок и прикрепили к колу. Поставили варить рис на огонь и начали готовить чай.

Я пил чай с сахаром. Малайцы потихоньку подкрадывались в полумраке к моему бою и просили шепотом: «Дай сахарку!»

На что следовал ответ: «Ступай, ешь песок!..»

Во время ужина шутили, смеялись и забавлялись совершенно детскими играми. Когда истощались все игры, я был уверен, что услышу:

— Мэн хобатан, туан (Поиграй в колдовство, господин)!

Я выучился множеству фокусов, основанных на проворстве рук, когда еще мальчиком служил в цирке. Этим я заслужил большое уважение среди малайцев.

Мои люди собирались в кружок около меня, а я показывал им несложные фокусы с монетой или с тремя картами при свете костра. Раздавались крики изумления. Когда кто-нибудь из них брал не ту карту, которую следовало, его дразнили: «Акаль сам айма!» (Куриные мозги).

— Конечно! — восклицал я и отправлял их на краткий ночной отдых под каянг. Это было нечто вроде навеса из пальмовых листьев. Они возили его с собой свернутым на дне лодки, а потом устанавливали на вбитых в землю шестах. Спали они на другом каянге, разостланном на песке в виде циновки, в то время как я возвращался в лодку, раскладывал там матрац и вешал свою сетку от москитов.

Все мы вставали на заре и плыли по реке до восьми часов утра, когда солнце прогоняло нас на берег; там мы ели и спали до заката солнца. Наше путешествие против течения отняло у нас три ночи.

Когда мы прибыли в кампунг в округе реки Тар-пу, на берегу стояли женщины и дети и громкими криками приветствовали нас. Все они меня знали. Маленькие голые ребятишки бежали перед нами, крича: «Туан да-танг!» (Господин приехал).

Старейшина вышел мне навстречу. Он проделал са-лам, улыбаясь во весь рот.

— Рума апа (В какой дом)? — спросил я его.

— В мой дом, господин, — быстро ответил он.

Мой бой занял для меня лучший дом в деревне. Прежде чем повесить мою москитную сетку, он вымел пол, дощатый, выструганный вручную и гладкий от времени. Это был великолепный пол, так как в нем не было дыр и щелей. В обычных малайских жилищах в полу проделывают широкие дыры, в которые сбрасывают сор и всякие остатки. Так как дома строят на высоких кольях и под ними помещаются куры и утки, то это устройство очень практично.

Никаких «верительных грамот» у меня с собой не было. Всем было известно, что я приехал от султана, и что слово мое — закон. Первым моим приказом я от-

правил четверых людей набрать ратана для изготовления петель и канатов.

Мои посланные возвратились с полными руками колючих стеблей, из которых многие достигали футов двадцати в длину. Их снесли на реку и там очистили, т. е. сняли с них колючую верхнюю кору.

Потом начали готовить петли и канаты. Это было довольно просто. Петли, сплетенные из ратана, были достаточно широки для того, чтобы захватить ногу слона и держать ее, как в кандалах. Другого вида петля (я велел изготовить оба) делалась в виде простого кольца, которым можно было бы охватить обе ноги слона. Ко всем петлям были прикреплены канаты, придерживавшие их. Эти канаты предназначались для того, чтобы, перекинув их через плечи слону, образовать нечто вроде сбруи. Канаты делались из плетеного сырого тростника. Иногда, если стебли были расщеплены или слишком тонки для плетения, они брались вдвойне. Один конец прикрепляли к дереву, и стебли заплетали, как косы, причем туземцы, особенно если их усердие подстегивалось присутствием зрителей, необыкновенно быстро сплетали такую косу в три пряди.

К тому времени как прибыли ручные слоны (им пришлось пробираться сквозь чащу джунглей вдоль берега реки), петли и канаты были готовы, и я послал двадцать загонщиков, чтобы зайти в голову дикому стаду — заставить его двигаться по кругу. Этого они должны были достигнуть шумом там-тамов (барабанов). Я предостерег их, что если они хотят остаться в живых, то пусть помнят, что животные не должны видеть их. Я постарался вбить им в головы, что если слоны их заметят, услышат голоса или хруст сухой ветки под ногой, то кинутся в паническом страхе и растопчут загонщиков, те же, кто уцелеет, будут жестоко наказаны султаном за то, что распугали стадо и лишили его слонов.

Выборный от загонщиков выступил вперед, поднес руку ко лбу и сказал: «Господин, мы пойдем, как змея, которая ползет на брюхе!»

— Хорошо, — ответил я, и они отправились на свое трудное и довольно опасное дело.

Мне пришлось сказать, что по реке приближается лодка. Я побежал на берег. Четырнадцать сильных лодочников гребли в лад, помогая себе монотонным пе-

нием. Лодка быстро неслась против течения. На ней развевался желтый флаг. Это было судно Тунку-Безара (Большого Принца). Он был шурином султана и его премьер-министром. Принца любили, но и боялись во всем государстве. Он был неподкупен в деле правосудия. Я никогда не встречал на Востоке человека веселее, искреннее и великодушнее, чем он. Я был очень рад повидаться с ним. Знакомы мы были много лет. В наших интимных беседах его любимым вопросом было:

— А что вы думаете об этом?

И я всегда чувствовал, что в моем ответе он видел не столько мое личное мнение, сколько выражение западной точки зрения.

Я несколько не был удивлен, что перспектива охоты на слонов привела его сюда; с ним была его любимая жена Асай и ее четыре прислужницы.

Я помог Асай выйти из лодки. Она взяла мою руку совсем спокойно, и лицо ее не было закрыто. Мы были старые друзья, часто разговаривали и смеялись.

Малайская любовь измеряется количеством подарков. Однажды Асай показала мне шелковый саронг — прямую малайскую юбку, которую принц подарил ей и которая, по ее словам, стоила сто пятьдесят долларов. Первая жена не могла похвалиться таким же ценным даром. Я плохой знаток женских туалетов, но даже я видел, что это очень красивая вещь. Шелковая ткань была малайского красного цвета с желтым и лиловым и расшита узором из золотых нитей; узор шел кольцами. И сейчас, хотя она приехала на окраину джунглей, ее баджу (кафтан) застегивался тремя брошками в виде пряжек, называющимися «крузанг» и сплошь усыпанными бриллиантами.

С приездом Большого Принца весь кампонг пришел в неописуемое волнение. Старейшина приказал установить открытую беседку и велел женщинам приготовить пир. Охота на слонов становилась торжеством.

Я собрал вожakov и держал перед ними длинную речь. Суть ее заключалась в том, что каждый ручной слон должен был везти трех человек: своего вожaka и двоих охотников, которые будут вязать дикого слона.

Достигнув окруженного стада, вожак должны были работать попарно. Им предоставлялось выбрать какого-

нибудь слона и осторожно, так чтобы не напугать остальных, отогнать его от стада прочь, поближе к какому-нибудь дереву. Тогда ручные слоны, на которых они ехали, должны были удерживать его с обеих сторон, пока двое охотников соскочат на землю, опутают слону ноги и привяжут канаты к высокому дереву. Погонщики хорошо поняли мои указания, но и для слонов и для охотников надо было устроить репетицию — генеральную репетицию, так сказать, со всеми костюмами и бу-тафорскими принадлежностями.

Приготовления к этой пробе были очень забавны. Место для нее мы выбирали так тщательно, словно для цирковой палатки. Оно находилось как раз напротив праздничной беседки. В беседке, усевшись на циновке на корточках, расположился Тунку. За ним так же усе-лись Асай и ее четыре прислужницы. Из уважения к их великой скромности, их отделили занавесками, сделанными из материи, предназначенной на саронги, но эти занавеси были отдернуты в стороны.

Я выбрал самого понятливого из ручных слонов и поручил ему роль «дикого слона». Его загнали спиной к дереву, и к его очевидному изумлению два других слона сжали его по обоим бокам. Тогда я приказал людям, которые должны были спутать ноги слона, соскользнуть наземь. Соскользнуть со спины слона — вещь нелегкая. Малайцы свалились как мешки. Из беседки послышался женский смех.

— Тидак баик (Не годится)! — воскликнул Большой Принц. — Он трясся от хохота.

— Чобы лаги (Еще раз)! — закричали женщины.

Я решил, что если этот трюк удастся моим малайцам при таких условиях, то целые стада диких слонов их уже не испугают. Я крикнул им: «Держитесь за веревки от седла!»

Вторая попытка удалась отлично. Они соскользнули на животах и отпустили веревки, как только коснулись земли. В первый же раз, как только слон, репетировавший за «дикого», приподнял ногу, петля захлестнулась вокруг его ноги, и сейчас же конец петли прикрепили к дереву. Тут требовались быстрота и ловкость. Малайцы были грациозны, как кошки. Весь день мы посвятили этой репетиции, занимались с животными, пока все не пошло без сучка и задоринки. И весь день, кроме часов

величайшего зноя, наша публика в беседке смотрела на представление и шумно одобряла нас. Не думаю, чтобы люди чувствовали усталость: они были счастливы, как играющие дети, которыми любят взрослые.

На другой день после нашей репетиции мы на расвете тронулись в путь. С нами было пятьдесят пеших загонщиков, которые должны были окружить дикое стадо и держать его в кругу.

Несмотря на ранний час, Тунку-Безар встал проводить нас.

— Подумали бы вы, да поехали бы с нами! — крикнул я ему со своего слона.

— Если я проеду на слоне, — ответил он, — я целый месяц не в состоянии буду есть!

— Это верно, — сказал я. — Помню, как я в первый раз ехал на слоне. Это было в цирковой процессии. Я сидел в великолепном паланкине. И мне было так дурно, что одной из цирковых наездниц пришлось поддерживать мне голову. Публика думала, что это любовная сцена.

— Здесь нет цирковых наездниц, — заметил принц, — и вы меня не заманите на слона!

Между верблюдами попадают хорошие и плохие для езды; слоны все плохие.

Поездка на слоне — самая несносная поездка в мире. Шкура слона никуда не годится. Она так широка для него, что скользит и свисает при каждом его движении. Кроме того, поступь слона пытка для наездника. Поездка в маленькой лодке по бурному морю не так губительна для пищеварения. В цирке женщины, которые ездят на слонах, посылая публике воздушные поцелуи, требуют добавочной платы; они ее заслуживают.

На этот раз я уселся на слона позади вожака. Двое людей, которым предстояло спутывать слона, поместились за мной. Остальные слоны следовали вереницей.

Проехав часа два, мы увидели наших загонщиков. Я отдал приказ «полного молчания» и выстроил в линию пятьдесят человек, которые должны были окружить диких слонов. Я скомандовал им расширить круг за «анак сунгай» (маленькая речка), откуда хотел начать ловлю, и дал им полчаса на то, чтобы установить круг. Время они прекрасно считают по солнцу — по изменению солнечного света, проникающего сквозь густую

листву, и по углу падения и отражения лучей на листьях. По прошествии получаса, они должны были начать смыкаться очень медленно и главное без всякого шума. Но если бы, несмотря на все предосторожности, слоны все же испугались и побежали по направлению к ним, им следовало бы начать бить в там-тамы, кричать и отгонять их. После этого наставления я отправил их.

Когда я высчитал, что они уже успели окружить животных, я подал сигнал, и мы тронулись вперед. Восемь ручных слонов были вытянуты колонной почти в прямую линию, каждый на расстоянии футов в десять от другого. Всего у нас получился фронт в восемьдесят футов. В таком порядке мы дошли до стада. Я насчитал двенадцать взрослых слонов и пять молодых, между ними одного сосунка.

Когда мы приблизились, старый самец повернулся и посмотрел на нас. Остальное стадо стояло неподвижно, ожидая его первого движения. Ни один не издал ни малейшего звука. Медленно мы стали продвигаться среди них. Вожакам было внушено начать ловлю с самок и детенышей. обыкновенно в девяти случаях из десяти молодые слоны первые начинают панику и кидаются в разные стороны.

Я приказал следующему за мной вожаку начать со старого самца, который теперь стоял подняв голову, наострив уши, глухо ворча. Он был в бешенстве. Заворочал головой, сильно постучал хоботом о землю и резко протрубил. Мы пробились среди остального стада. Я говорил раздельно, пониженным голосом, отдавая приказания тому вожаку, который должен был работать вместе с моим. Постепенно нам удалось окружить слона с двух сторон. Я тихо сказал ближайшим вожакам:

— Йага, дия мау бер-пранг (Берегитесь, он будет драться)!

Перед схваткой со старым самцом я уже больше не мог обращать внимания на остальных вожаков. Мне оставалось только надеяться, что они исполнят все мои указания.

К этому времени круг загонщиков приблизился к нам. Они стояли с вытаращенными глазами, готовые каждую минуту взобраться на дерево в случае, если бы началась паника.

Когда мы с двух сторон окружили старого самца, он вдруг повернулся и хотел вонзить свои клыки в того слона, который был налево от меня; но в одно мгновение, быстрее молнии, он был встречен другим ручным слоном: тот нанес ему сильнейший удар хоботом, заставивший его остановиться. В ту же секунду мой слон ударил его клыками в грудь. Я закричал второму вожаку, чтобы он повернул своего слона и заставил его драться. Старый слон одновременно и хрипло ворчал и трубил, бешенство и страх слышались в этих звуках, в то время как оба ручных слона без перерыва то вонзали в него клыки, то колотили его хоботами. Убедившись, что слон уже не в состоянии заметить того, что делается на земле под его ногами, я сказал моим охотникам: «Скорей слезайте, спутайте ему обе ноги, привяжите его к дереву!»

Ручные слоны, прижав головы к шее дикого слона, удерживали его, пока мои люди соскользнули на землю, накинули петли на его задние ноги и привязали его к дереву. Дело опасное, но оно потребовало всего нескольких минут. Сперва один, потом другой крикнули:

— Хабис, туан (Готово, господин)!

Ручные слоны в последний раз хорошенько стиснули своего противника и отошли в сторону. Он рванул за ними вперед и упал на колени, воя от бешенства и ужаса и изо всех сил натягивая державшие его канаты. Но порвать сырой ратан невозможно.

Теперь я мог подумать и об остальном стаде. Наш самец был единственный, выдававший воинственность характера; остальные сбились в кучу в полнейшем недоумении; это сделало их поимку легкой. Вожак и вязальщики делали свое дело хорошо и быстро.

Загонщики начали пробираться ближе и тесниться к нам. Им хотелось видеть добычу.

Но я крикнул им: «Стоп! Не подходите близко и стойте смирно!»

Мне надо было осмотреть канаты и петли: убедиться, что все надежно. Перевязаны были все слоны, кроме четырех детенышей: они все равно не ушли бы от своих матерей. Когда я удостоверился, что ни один из пойманных слонов не сможет вырваться и освободиться, я позволил людям подойти ближе. Одного из ручных слонов я отправил обратно с донесением к Тунку-Безару.

Я велел передать ему, что охота была очень успешна, и прибавить, что я не скоро еще попаду к нему, так как у меня очень много дел.

Наша добыча состояла из трех самцов и девяти самок, вполне взрослых, одного сосунка, одного пятилетка и двух слонят поменьше. Самки были приблизительно футов по семи с половиной высоты. Большой старый самец был ценным призом; клыки у него были длиной фута в четыре.

Я отправил людей вырубить часть деревьев. Надо было построить загон, чтобы в нем поместить слонов и некоторое время их тут и держать. Люди вырубали чаще своими парангами — короткими, прочными ножами. Работа была тяжелая. Раньше, чем они кончили ее, я скомандовал:

— Довольно работы на сегодня; пока диких слонов будут держать деревья. Домой!

Не было ни одного циркового парада, который мог бы сравниться с нашим торжественным возвращением в кампунг. Ручные слоны шли вереницей один за другим. За исключением моего слона, все они везли на своих спинах все количество людей, какое только могло уместиться на их широких шкурах. Мой слон шествовал впереди всех, а перед ним в виде авангарда шли пешие охотники; они смеялись, пели, кричали и били в там-там. Вся деревня высыпала к нам навстречу. В эту ночь не спал никто. Устроили целое празднество. Началось с роскошного пира: подали рис, рыбу, кур и, как особое лакомство, уток, жаренных на углях, причем вместо вертела служил сахарный тростник. Все это приготовили женщины. Они и прислуживали, но принимать участие в трапезе вместе с мужчинами им не дозволялось. Тунку-Безару и мне подавали первым. Мы сидели на циновках на корточках. Нашу еду подавали на тарелках: их привез с собой Большой Принц. Особе его ранга не подобало есть с листьев, как ели остальные пирующие. Впрочем, ел он руками, в этом не было ничего необычайного. Он ловко скатывал из риса шарики и отправлял их себе в рот. Я сам научился этому искусству после долгой и усердной практики. Дичь и птиц мы раздирали руками и обгладывали кости. Никогда я не ел ничего вкуснее! Пили мы воду и чай из кокосовых чаш, спиртных напитков никаких не было. После трапезы на-

чалось пение. Один особенный мотив пели всю ночь напролет. Голоса поющих повышались и понижались в бесконечно монотонном однообразии. Большой Принц объяснил мне, что это была любовная песня. Мне после трудной работы это казалось каким-то с ума сводящим жужжанием.

На следующий день тридцать человек под наблюдением старейшины отправились обратно на место поимки слонов, чтобы окончить вырубку чащи и построить сараи для стада, в которых животные будут содержаться и приручаться.

Тунку-Безар непременно хотел видеть мою добычу, но вместе с тем ни за что не хотел ехать на слоне. Он был грузный человек и не слишком подвижный: пройти пешком это расстояние для него также было бы невыносимо. Поэтому я постарался наспех устроить два паланкина. Из бамбука сплели два грубых кресла и привесили их к двум параллельным шестам. Такие паланкины употребляются в некоторых местностях Китая. Я выбрал шестнадцать человек носильщиков — по восьми на каждого из нас, причем восемь самых сильных для Тунку. На сиденья положили подушки. Носильщики двигались легко и быстро. Легкое покачивание было даже приятно, и Тунку решил, что я изобретательный человек.

Когда мы пришли на место, Тунку был изумлен количеством пойманных животных и проделанной за такое короткое время работой.

Почва под деревьями, к которым были привязаны слоны, была вся взрыта и истоптана. Все они натягивали свои канаты, ревели, выпускали трубные звуки и гневное ворчание. А детеныши гуляли тут же, совершенно невозмутимо и безмятежно.

Тунку слез со стула и протянул одному из маленьких банан. Тот жадно съел его. Тогда Тунку попросил подать ему вареного риса. Ему принесли рис, и он стал кормить с ладони слоненка. Слоненок, очевидно, находил эту новую пищу восхитительной. Большой Принц был счастлив, как ребенок.

— Смотрите! — восклицал он. — Он думает, что я тоже слон! Он доверяет мне!

Может быть, это было и так, но мать слоненка не разделяла этого доверия. Она испустила предостерегаю-

щий крик, обращаясь к своему детенышу. Он не обратил на это ни малейшего внимания.

Но больше всех очаровал Тунку сосунок. Он настаивал на том, что сам отнимет его от груди: он принес молока и в ведре размешал его с теплой водой, потом окунул в молоко хобот слоненка и затем сунул ему хобот в рот. Слоненок наполовину понял в чем дело. Он обсосал хобот, но вместо того, чтобы проглотить жидкость, выпустил ее опять через хобот и обрызгал всего принца. К счастью, тот снял свой баджу и стоял в одном саронге и широких китайских шароварах. Молоко потекло по его коричневому телу.

— Смотрите! — воскликнул он. — Он думает, что у меня тоже шкура.

Я никогда еще не видел его в таком восхищении. Он отвел меня в сторону.

— Я думаю, — сказал он, — что слоненок смешнее обезьянки, если бы подарить его Асай, это прогонит от нее все печальные мысли.

— Верно, — согласился я. — Это смех на четырех ножках. Он по условию принадлежит мне. Но первым идет султан. Если он позволит, чтобы слоненка получила Асай, он будет ее.

— Отлично, — ответил он, — там посмотрим!

Тем временем тридцать человек, которых я послал утром на работу под наблюдением старейшины, трудились вовсю. Некоторые из них распиливали срубленные деревья на бревна для постройки сараев, другие собирали пальмовые листья для «атапа» (крыши), а десяток малайцев заготавливали кокосовые орехи, мягкую кору и банановые растения на корм слонам.

Работа шла так хорошо, что я оставил их под надзором старейшины и вернулся в кампунг с Тунку-Безаром. Я объяснил ему, что пройдет по крайней мере неделя, пока мы устроим животных в их помещениях. Он решил не дожидаться этого, а возвратиться в куалу на следующий день.

Я был в числе провожавших его на берег реки и присутствовал при торжественном отплытии принца и его дам.

— Саламат джалан (Счастливого пути)! — долго кричали мы им вслед.

Асай на прощание крикнула:

— Когда вы мне привезете моего слоненка?

— Ини мингго (На будущей неделе),— ответил я.

Я отвечал несерьезно, да и она не принимала моего ответа буквально: просто она увозила с собой приятное ожидание.

Сараи были готовы, и я решил начать со старого самца и его первого перевести в закрытое помещение. Я нашел его в состоянии «воинственного безумия». Глаза у него были налиты кровью, и он не переставал угрожающе реветь. Он был слишком опасен для того, чтобы его связывать, опасен и людям и ручным слонам. Я счел лучшим оставить его привязанным к дереву еще на день-два и испытать на нем действие голода и одиночества...

Пока что мы загнали более спокойных животных в сарай. Для этого мы употребляли следующий способ: подводили двух ручных слонов к дикому; они с обеих сторон сжимали шею пленника в то время, как мы привязывали ему веревку к задней ноге. Только разъяренному старому слону мы сочли необходимым сразу связать обе задние ноги. Потом животное отвязывали от дерева. Десять или двенадцать человек держали веревку от задней ноги, и эта веревка должна была служить якорем в случае сопротивления. Один ручной слон шел впереди пленника, чтобы помешать ему кидаться вперед, один — сзади, и с каждой стороны шли тоже ручные слоны. Ручные слоны подталкивали пленника и ударяли его клыками, а если он упрямылся, то слон, шедший позади него, изо всей силы ударял его головой в зад, и он невольно от толчка летел вперед.

В общем, со стадом справиться нам было совсем не трудно. Две или три самки попробовали бороться, но ручные слоны быстро усмирили их. Мать сосунка упиралась сильно. Людям пришлось колоть ее заостренными шестами, а шедшему за ней слону приходилось изо всей мочи толкать ее. Слоненок все это время веселился и играл: очевидно, вся процедура казалась ему очень занимательной. Когда все остальные животные уже находились в загонах, мы решили взяться за старого слона. Шел уже четвертый день, как он был пойман. Он был голоден и томился жаждой. Мы не давали ему пить. Он рвался и старался ударить всякого, кто подходил к нему. Слон то вставал, то падал на колени,

рыл клыками землю и натягивал изо всех сил канаты, спутывавшие его задние ноги. Он совершенно изнемогал, и как это ни жестоко было, но я добился того, чего хотел: не мог же я рисковать жизнью моих людей. Я решил не действовать с ним наудачу и выждать, пока его ярость пройдет от усталости.

Я приказал поставить перед ним одного из ручных слонов, чтобы отвлечь его внимание, в это время два других слона набросились на него сбоку и свалили его на землю. Он тяжело рухнул на землю, дыхание у него перехватило. Четверо людей бросились к нему с плетями из ратана и били его минуты три. После этого слону дали подняться. Он, шатаясь, встал на ноги и стоял ошеломленный; его голова качалась из стороны в сторону. Я подал сигнал, и опять его свалили и начали бить. На третий раз, когда побои еще сыпались на него, он вдруг испустил рев, страшный рык, и уступил. С него довольно было наказания: сопротивление его было сломлено.

Я приказал, чтобы ему дали встать. Все его огромное тело тряслось, но по взгляду его маленьких глаз я понял, что вряд ли безопасно прибегнуть к обычному способу загона в сарай, и выбрал другой способ, более медленный, но и более безопасный. Мы врыли в землю двойной ряд столбов, начиная от того места, где он стоял. Каждый был от другого на расстоянии обычного слового шага — шесть футов в длину, и они чередовались в шахматном порядке.

К этим столбам привязали ноги пленника. Один ручной слон стоял впереди него, другой сзади. По сигналу люди быстро отвязали его левую переднюю ногу и правую заднюю, дернули за веревки и привязали их сразу к столбам, вколоченным на шесть футов впереди тех первых столбов. Проделав это, таким же способом передвинули на один шаг вперед его правую переднюю ногу и левую заднюю. Старый слон шел, сам того не желая. Хобот его качался назад и вперед, но он был слишком обессилен для того, чтобы управлять им по собственной воле. Он не переставал глухо рычать.

Через два часа слон очутился в крытом помещении. В земляной пол вколотили два длинных, тяжелых столба. Между ними поместили его голову, и затем столбы связали между собой верхушками. Столбы

крепко держали слона позади ушей. У него не было ни сил, ни охоты сопротивляться. Под брюхом у него тоже привязали в длину шест, устойчиво прикрепленный снизу. Кроме того, поперек этого шеста укрепили еще две палки: одну позади передних ног слона, а другую впереди задних. В первый раз за всю его долгую жизнь он оказался беспомощным. Он мог приподнимать ноги и немного двигать ими назад и вперед, мог делать что хотел хоботом, но это было и все. Лечь или сделать несколько шагов было невозможно.

Когда мы привели все в надежный порядок, его худшие мучения кончились. Ему налили питьевой воды в колоду, которую поставили прямо перед ним. Он жадно погрузил в воду свой хобот и выпил не отрываясь пятьдесят галлонов (пятнадцать ведер). Потом он начал обливаться водой, поливая из хобота себе спину и повизгивая от удовольствия. Это было началом его примирения с жизнью, довольно быстрого, по правде сказать. Ему набросали свежих банановых побегов, зеленой коры и кокосовых веток. Никогда еще ему не приходилось так пировать.

Тело его было сплошь покрыто ранами. Но, кажется, они ему не очень докучали. Хоботом набросал он на них земли, чтобы предохранить их от мух; они начали уже заживать. Я приказал, чтобы его разодранную кожу натерли марганцевым кали, я начинал чувствовать к старику уважение и даже восхищение. Как все его сородичи, он уступил физическому страданию, но не так скоро, как обыкновенный слон...

Работа моя была в разгаре, как вдруг прибыл посланец с письмом от Джона Андерсона, находившегося в то время в Сингапуре. Он просил меня понаблюдать за отправкой морем партии животных, которых из Сиам надо было переправить в Испанию. Поручение было очень ответственное и важное. Я видел, что наш старейшина отлично справляется со слонами. Поэтому я поручил ему смотреть за животными во время моего отсутствия, чтобы люди хорошо кормили, мыли и вообще ухаживали за слонами и особенно заботились о маленьких слонятах.

Он дотронулся рукой до лба и сказал торжественно: — Господин, с ними будут поступать как с единственными сыновьями!

Я решил отправиться в куалу и попросить Тунку-Омара поехать вместо меня присмотреть за воспитанием слонов; он был со мной во время моей первой охоты и хорошо знал, что делать с неприрученными животными. Прибыв в куалу, я прямо направился к султану. Он осыпал меня поздравлениями. Я ему рассказал все с начала до конца. Он хотел знать все подробности.

— Еще! — потребовал он. — Расскажи еще!

Я объяснил ему, что у меня очень мало времени, так как мне предстоит работа для сиамского правительства.

Это произвело на него сильное впечатление, но все-таки он не отпустил меня, пока я ему не повторил всего про старого слона, о котором Тунку сказал:

— Иту гаджа баньяк джахат: диа би-кин сюза (Этот слон очень плохой: он наделает беды).

Я уверил его, что животное никакой беды уже не наделает, что с ним справились и что это великолепный экземпляр. По-моему, ему было между сорока пятью и пятьюдесятью годами: я основывал свое мнение на его впалых висках и на том, как выглядели его уши. Они были очень откинuty назад и ободраны на краях, со многими рубцами — следами бывших битв. Один из его клыков имел почти четыре фута в длину, а другой четыре фута два дюйма. Рост его был девять футов восемь и три четверти дюйма, а весил он полных три тонны.

Я предсказывал, что он станет вполне ручным. Это предсказание блестяще оправдалось впоследствии. Я много раз видел старого слона перед моим отъездом в Америку. У него оказался кроткий характер, и он был совершенно доволен своей новой жизнью. Он сделался государственным слоном. Султан прозвал его Чантек-Куат, что в переводе значит «красивый и сильный». Надеюсь, что ему еще много лет предстоит «покрывать славой» государство Тренгану.

Он был единственным из всего стада, которого султан сохранил за собой. Остальные, кроме маленьких слонят, отошедших по уговору ко мне, были разделены между Тунку-Безаром, младшими принцами и наследником Раджа Муда, в то время тринадцатилетним мальчиком. Отец подарил ему двух слонов. С собственными двумя слонами он сразу стал необычайно важной особой.

В конце беседы я намекнул султану о желании Тунку-Безара получить маленького слоенка. Большой Принц, вероятно, уже подготовил почву у султана, потому что тот ответил мне:

— Этот малютка-слоненок просто околдовал его. Отдай ему слоенка.

И вот младенец из джунглей, когда его окончательно отняли от матери, проводил почти все свое время на террасе дома Тунку. Он бегал вверх и вниз по ступеням и визжал от удовольствия. Слононок считался любимцем Асай, он как собачка, следовал всюду за самым принцем. Тот играл с ним целыми часами и даже позволял ему входить в дом. Вероятно, «ребенок» в настоящее время уже вырос и лишился этой привилегии, так же как и своего мягкого красного ошейника из плетеного ратана, обернутого материей.

Тунку-Безар любил разговаривать со мной о слонах. Они чем-то притягивали его и занимали его воображение. Как-то он спросил меня:

— Но почему же, когда загоняют дикое стадо, слоны не стаскивают людей с ручных слонов? Ведь они ломают ветки деревьев, почему же им не сбросить человека на землю и не растоптать его, ведь они могли бы это легко сделать?

Этот вопрос я часто задавал сам себе. Я не могу на него дать ответа. Все, что я знаю,— это что человек, который сидит на спине ручного слона, остается посреди дикого стада в полной безопасности.

Если бы это было не так, старый слон не выпустил бы меня живым, и эта история не была бы написана.

Клетки за борт

Поручение от сиамского правительства — большая удача. Если оно доверяет кому-нибудь, то этому человеку оно дает все полномочия и приказ денег не жалеть. Я был в восторге, получив от Джона Андерсона письмо из Сингапура, в котором он сообщал мне, что Сиам намерен послать в подарок Испании большую партию диких зверей и ответственность за их доставку возложить на меня. Тут же я решил отправиться в Банг-

кок, чтобы заведовать погрузкой и отправкой животных и ни на минуту не отлучаться от них до конца путешествия. Поручение это совпадало с моими планами. Скоро должен был наступить сезон муссонов, а это всегда прерывало мою работу. Я любил проводить зимы в Европе, и обыкновенно мне это удавалось.

Когда я возвратился в Сингапур после моей удачной охоты на слонов, оказалось, что на другой день отходил в Бангкок маленький паровой катер.

Я приказал моему китайскому бою Хси-Чу-Аю укладываться. Мне достаточно было для этого сказать: «Кемас-кан пакиан» (Уложи одежду). Но я прибавил: «Мау перги Бангкок» (Еду в Бангкок).

Мы прекрасно доехали до Бангкока за четыре дня. Министра, давшего мне поручение, в Бангкоке не было: он часто совершал поездки, и, таким образом, мне пришлось вести переговоры с его братом, министром внутренних дел. Он говорил со мной всегда по-английски и очень хорошо, если не считать легкого акцента. Мы условились, что за поездку я получу две тысячи пятьсот мексиканских долларов и проезд в первом классе в Испанию и обратно в Сингапур. Он припомнил одну мою очень удачную поездку несколько лет тому назад, когда я также отвез и доставил в Австрию партию диких животных. Это были большей частью хищные звери кошачьей породы; я доставил их в полной целости, шкуры их лоснились и глаза блестели; такими я их вручил представителям австрийского правительства в Триесте.

Когда я ознакомился с теперешней партией, оказалось, что она состояла из двух тигров, великолепных больших животных, шести леопардов, из них четыре пятнистых и два черных, одного тапира, четырех цивет⁴, четырех небольших тигровых кошек, двух гиббонов и двадцати обезьян других пород, нескольких длиннохвостых и нескольких короткохвостых. Компания достаточная, чтобы открыть небольшой зоологический сад.

В Сиаме встречаются разнообразные животные, которые рассылаются оттуда почти по всей Европе, в самые различные страны: начиная от Португалии и кончая скандинавскими государствами; животные кошачьей породы легко переносят холод.

Но есть одно животное, с которым Сиам не расстается; ни при мне, ни после моего отъезда, не случилось, чтобы из Сиам послали куда бы то ни было слона. Хотя сиамцы и не поклоняются слонам, как это обыкновенно предполагают, но они питают к ним большое почтение. А среди суеверной части населения это почтение к белым слонам не далеко от поклонения, потому что считается, что в них переселяются души предков короля.

Белые слоны в сущности не что иное как альбиносы и представляют ненормальное явление. Называя их «белыми», погрешают против правды: они розоватые, и глаза у них розовые. Единственные четыре белых слона, которые были найдены в Сиаме, живут во дворце в Бангкоке. Я нередко видел их торжественно прогуливающимися по дворцовому парку, но они были так закутаны в разные попоны, сбрую и украшения, что невозможно было рассмотреть, на что они в сущности похожи.

Вожак белых слонов наживает большие деньги, продавая волосяные кольца, якобы сделанные из волос с хвоста их питомцев. Но, принимая во внимание, что кольца эти делаются и продаются десятками, а у слона на хвосте совсем немного волос, ясно, что почтение вожаков к слонам не мешает им прибегать к мошенничеству.

К счастью для меня, животные, поступавшие на мое попечение, священными отнюдь не были. Они помещались в сарае, в тюремном дворе, в нелепых клетках, предназначенных для отправки на корабле. Это были огромные железные сооружения с полусгнившими деревянными полами. Один леопард, например, помещался в клетке шесть футов на шесть, сделанной из железных перекладин, отстоявших одна от другой не больше чем на дюйм. Тут животному было достаточно места, чтобы на все лады себя портить. Пол клетки был для путешествия совершенно непригоден, а вес всей постройки прямо немислим. Мне предстояло пересаживаться со всем грузом в Сингапуре, где остаются местные суда. Значит, надо было грузить клетки на плашкоуты, выгружать на землю, нагружать на повозки, запряженные быками, и затем опять грузить на большой пароход, отправлявшийся в Европу. Понятно, что в таких условиях каждый лишний фунт веса — опасность. Немудрено, что

сиамскому правительству обыкновенно не везло с отправкой своих зверей.

Я решил раздобыть лучшего китайского мастера-плотника, какой только был в Бангкоке, и заказать ему сделать все клетки заново, и как можно скорее. Хси-Чу-Ай взялся найти нужного человека, так как в Бангкоке все плотники говорили на его языке. Он сразу почувствовал всю важность возложенного на него поручения и научил меня нескольким китайским выражениям, которые мне предстояло употреблять в беседе с плотником. Особенно ему нравилось слушать, как я твержу фразу, о которой он выражался, что это «очень сильные слова»; к ней я должен был прибегать в случае, если работа пойдет медленно.

Я нарисовал эскиз и внушил, что заказ идет от самого министра. Клетки должны были быть сделаны из крепкого дерева серайи толщиной (пол, стенки и потолок) в полтора дюйма со скреплением по краям дюймовыми железными перекладинами. Высота их должна была быть достаточной для того, чтобы животные могли стоять в клетках, но не имели бы возможности поворачиваться в них.

Каждому экземпляру полагалась отдельная клетка, за исключением обезьян, которых можно было разместить в двух больших клетках: в одной длиннохвостых, а в другой короткохвостых. Обезьянам всегда следует предоставлять достаточное пространство, чтобы они могли лазать и скакать, но с животными кошачьей породы узкие клетки дают в пути лучшие результаты. Некоторое время после выгрузки животные еще чувствуют себя одеревеневшими, но скоро приходят в себя. Я заказал, кроме того, деревянные щиты, чтобы закрывать железную решетку на время погрузок. В них были проделаны дыры для воздуха.

Переместить дикое животное из одной клетки в другую — дело несложное. На пол новой клетки ставится пища, потом клетку придвигают вплотную к старой — решетками одна с другой. Потом решетки поднимают, и животное переходит в новое помещение. Кажется, ничего не может быть легче. И однако, в то время, о котором идет речь, я еще полон был ужасным воспоминанием об одном случае, когда переводил в новую клетку большого орангутанга в моем зверинце в Сингапуре.

Это был уже почти взрослый, очень мирный малый. В его новую клетку положили его любимую еду — большую луковицу — и придвинули к старой. Я стоял на ее крыше и поднимал решетку, чтобы дать ему выйти. Железные пазы заржавели, и железные прутья вытаскивались с трудом. Наконец, остался всего один, но он не поддавался моим усилиям. Я тряс и тащил его обеими руками, и вдруг прут подскочил, как живой, и я получил страшнейший удар в нос, совершенно сплющивший его, такой удар, что ошеломленный, без сознания свалился с клетки. Мои рабочие, не понимавшие что случилось, хохотали.

Выяснилось следующее: орангутанг, наблюдавший как я вытаскивал прутья, понял, что я делаю, и так как ему нетерпелось скорей добраться до соблазнительной луковицы, он решил помочь мне — схватил прут и подтолкнул его кверху изо всех сил. Если бы я не держал в это время острого конца прута левой рукой, прикрыв его верхушку, я был бы убит на месте. Когда я в следующий раз увидел моего оранга, Хси-Чу-Ай кормил его вареным рисом и разговаривал с ним по-малайски. «Если бы я мог заставить тебя работать, сын джунглей, я бы сам не делал ничего целый год!» Действительно, животное было непомерно сильное. Доказательство этому — легкая кривизна моего носа, оставшаяся у меня на память от этого удара.

С животными всегда случаются самые неожиданные вещи. Однако люди, помогавшие мне в Бангкоке, были так же спокойны и относились к своему занятию так же небрежно, как будто имели дело с домашними любимцами, и я не мог выругать их как следует. Я мог только изливать целые потоки наставлений и предостережений через переводчика. Этот переводчик был одновременно и тюремным надзирателем, а помощники мои все были арестанты. Министр разрешил мне использовать любое число арестантов. Я попросил вызвать мне шестерых. Они явились, закованные в тяжелые ножные кандалы. Чтобы кандалы не гремели, они подвязали их веревкой к другой веревке, обмотанной вокруг пояса. Кандалы как будто не очень мешали работать, только придавали им своеобразную походку. В Сиаме вы узнаете человека, который долго просидел в тюрьме, так же легко, как моряка: по его походке. Это были здоровые и

веселые парни; они очень заинтересовались животными, все время смеялись и шутили.

Готовые клетки были доставлены из плотничьей мастерской на повозках, и вместо быков тащили их тоже арестанты, скованные и впряженные попарно. Их «одолжил» департамент уличного благоустройства. Судьба этих арестантов была такова: в течение года они были приговорены возить повозки, а затем их должны были предать смертной казни. Так наказывают в Сиаме убийц и бандитов.

Во время доставки первой партии клеток было много крику, смеху и шуток. Хси-Чу-Ай объяснил мне, — он узнал это от одного из китайцев — что все люди, привезшие повозки с клетками, на другой день будут казнены.

— Они шутят, господин, — сказал он, — потому что завтра у них будет пир. Их накормят вволю, господин, больше, чем каждый может вместить.

На следующий день было столько разговоров о казни, что я решил приостановить работу, чтобы посмотреть на казнь. Сиамцы из казни делают нечто вроде праздника. Пиршество должно было продолжаться три дня. Приговоренных было тридцать шесть человек; казнить предполагалось по двенадцати человек в день. Осужденные сидели на полу на циновках в открытом павильоне, окруженные всеми своими родственниками и друзьями, и тут им устраивали последнюю трапезу. Приносили всевозможные блюда, лакомства и редкости, и всем принимавшим участие в пиршестве разрешалось наесться до отвала. Единственное, что не разрешалось на этой пирушке, — это алкоголь (ни в каком виде) и опиум. Специальные чиновники исследовали пищу и удостоверились, что все было в порядке.

В назначенный час из павильона вышла процессия и пошла к месту казни, находившемуся оттуда приблизительно в одной миле, около дворца. Впереди шел человек с большим колоколом, который он раскачивал во время ходьбы. За ним следовали приговоренные между двумя рядами полицейских. Рядом с полицейскими, или замыкая шествие, шли друзья и родственники. Когда мы приблизились к месту казни, там уже набралась тысячная толпа, помещавшаяся в тени пальмовой рощи. Полиция вежливо предоставила родственникам и друзьям

осужденных лучшие места, с которых все можно было хорошо видеть. Я тоже нашел себе хорошее место.

Посреди просторной площадки, шириной футов в триста-четыре, положили с трех сторон по двенадцати банановых листьев. На каждый из них усадили по приговоренному. Они сидели скрестив ноги. За спиной у каждого был столб с перекрестной палкой, к которой были привязаны их локти. Руки их были скованы, но кисти могли двигаться. За столбом с перекладиной возвышался еще столб. Назначение его я понял позже. Осужденным дали папиросы, и они усердно задымили. Когда все они были привязаны, один из полицейских стал подходить к каждому поочередно; наклонившись, он брал с земли ком грязи и забивал этой грязью сперва одно ухо осужденному, потом другое. Мне объяснили, что это делалось затем, чтобы они не слышали шагов подходящего к ним палача. Потом он наклонил им головы и смазал затылки грязью. Все это время, даже когда он наклонял им головы, они продолжали курить. Когда все двенадцать были смазаны грязью и все головы были склонены, подали сигнал, и выступили двенадцать палачей. Они подходили танцуя и размахивая над головой длинными прямыми саблями. Одеты они были в ярко-красное, их саронги были перехвачены так, чтобы походить на шаровары, а лица их были разукрашены полосами и пятнами красного и желтого цветов. Они заняли свои места, каждый позади своей жертвы. Толпа волновалась: бились об заклад, который из палачей чище исполнит свое дело. Подали опять сигнал. Двенадцать сабель описали в воздухе фантастический круг и опустились все зараз. Этим ударом были разделены пополам пятна грязи на затылках приговоренных и перерезаны их шеи, но головы еще не отделились от тела. Это предоставлено было сделать следующим двенадцати палачам, они покончили все и насадили головы на острые столбы, находившиеся позади казненных. Пока раздавались удары — толпа замерла. Как только головы были насажены на столбы, несколько женщин с воплем убежало. Я взглянул на ближайшую голову: из ноздрей у нее еще шла тоненькая струйка табачного дыма. С меня было довольно...

После казни мне очень трудно было сосредоточить мои мысли на посадке животных в клетки. Тем не менее

дело было закончено без приключений. На решетки были надеты деревянные щиты, и клетки погружены на повозки. Присужденных к смертной казни оставалось, по-видимому, больше чем достаточно у департамента уличного благоустройства в Бангкоке, и для перевозки животных нам дали их сколько потребовалось. По двое спереди каждой повозки и по двое сзади, связанные попарно, они везли диких животных к докам, где ожидала нас «Пу-Анна».

Я еще не видел парохода, но уже чувствовал, что на нем груз копры. Копра — это мякоть кокосовых орехов, вынутая и высушенная на солнце. Для западного обоняния это почти самый отвратительный запах в мире. Самый же отвратительный — это блачан (гнилая рыба), восточный деликатес, но копра еще хуже, чем дюриан, вполне заслуживающий прозвище «вонючего дюриана», которое ему дали путешественники с Запада. Однако для туземцев все эти вещи — прекраснейшие «айер ванги» (ароматы). В заднем трюме «Пу-Анны» находилось шестьдесят тонн копры. «Пу-Анна» везла еще партию быков (всего сто голов) для сингапурского рынка; их как раз только что погрузили, когда мы явились с нашими клетками. Быков грузили так: к рогам их привязывали канаты, животных на канатах поднимали на воздух и втаскивали прямо на палубу. Там их привязывали к перилам веревками, пропущенными в кольца в носу. Мои клетки подняли на борт и опустили в средний люк. Я сам присмотрел за тем, чтобы клетки стояли устойчиво и к ним был легкий доступ для того, чтобы кормить, поить и чистить зверей. Так как было восемнадцать клеток, то задача моя была довольно трудной.

После того как погрузили животных, приняли на борт людей. Пассажиров было около ста, не считая детей, все малайцы, ехавшие в Сингапур. Они везли свои пожитки и еду, упакованные в бесчисленные узлы. У некоторых были в руках маленькие сундучки, служившие им сиденьями и подушками. Все они столпились на верхней палубе у кормы. Иного помещения для них не было, не было и достаточно места, чтобы улечься на ночь. Им давали рис и воду — больше ничего. Им предстояло просидеть под брезентовым навесом все пять дней.

Мои животные находились в гораздо лучших условиях. Обезьянам давали не только рис, но еще и ямс

(вид тропического картофеля), сырой или вареный, и лук — любимое лакомство обезьян. Для тапира я запасся большим количеством плодов хлебного дерева, растущего в джунглях: плоды эти часто достигают двух с половиной футов длины и восемнадцати дюймов толщины, причем разделяются на доли, размером каждая с грушу.

Тапир очень труслив и необыкновенно прожорлив. Что касается корма моим хищным зверям, то при наличии сотни голов рогатого скота на пароходе в нем недостатка быть не могло. Не успели мы отплыть, как мясник-китаец хватил одного из быков молотком по голове, чтобы оглушить его, и потом перерезал ему горло. Так как мои мясоядные не имели никакого моциона, я с мясом давал им серу. Это очень полезно в таких случаях. Над клетками я разостлал просмоленный брезент и для прохлады велел поливать его. «Пу-Анна» была старым железным судном, и ее металлические палубы очень нагрывались. Необходимо было постоянно их поливать.

Хси-Чу-Ай почти не хуже меня понимал, что нужно животным. Я смело мог оставлять животных на его попечение, предоставив ему двух-трех помощников. Поэтому у меня было достаточно времени, чтобы играть в криббедж (карточная игра) с английским капитаном Беском. Я его давно знал, он мне был очень симпатичен, и с ним я разделял каюту. Он готов был играть в криббедж с утра до ночи. Мы уселись за криббедж, не успев выйти из реки Менам, а когда корабль вошел в Сиамский залив, мы все еще объявляли: «Пятнадцать и два, пятнадцать и четыре»...

Шла первая неделя ноября. Уже начались северо-восточные муссоны, но серьезных бурь еще рано было ждать. Однако на второй день пути я услышал, как один из тигров завыл долгим протяжным воем.

— Майер, — сказал капитан, — будет погода! Тигр это знает.

— У него морская болезнь, — ответил я, — оттого он и воет, больше ничего.

— Ну нет! У него еще нет морской болезни, она у него будет. А когда мы прибудем, он будет настоящим морским тигром, старым моряком.

Я пошел взглянуть на обезьян. Некоторые из них болтали между собой, но большинство сидело с закры-

тыми глазами, головы их качались из стороны в сторону. Я держал в руке луковцу. Но обезьяны не обратили на нее никакого внимания, даже болтавшие. Многие из них хватались руками за животы. В других клетках хищники тоже почти все были больны.

Я пошел разыскать Хси-Чу-Ая. Он валялся у штурмана на койке, скорчившись в три погибели. Я решил прилечь тоже. Когда я встал, ветер свежел. Я пошел в каюту и застал там капитана в хлопотах. Кругом были разбросаны всевозможные части его туалета.

— Вы что это — к балу готовитесь? — спросил я его.

— Да, бал будет чертовский!

Я понял, чем он занят: он вынимал все свои бутылки с виски и джином, заворачивал их в белье и платье и плотно укладывал в свой шкафчик. Потом он захлопнул его, повернул ключ и вышел, не говоря ни слова. Я бросился на свою койку. С каждой минутой ветер все крепчал. Мы уходили от него. Ясно было, что Беск боится повернуться и встретить шторм лицом к лицу. Сквозь рев бури я слышал крики и вопли с палубы: ветром сорвало брезентовый навес, и пассажиры были во власти ветра и дождя.

Мои звери понемногу выходили из своего оцепенения. Один из тигров жалобно завыл. Другие хищники скоро присоединились к нему. Но ветер все усиливался, и вскоре уже стало невозможно различать звуки — все слилось: шум бури, вой зверей и вопли палубных пассажиров.

В середине третьей ночи, перевернувшись на своей койке, я увидел, что капитан лежит на полу и разглядывает свою карту, стараясь разобрать, где мы находимся.

— Где мы? — проревел я ему.

— Если так будет продолжаться, то мы высадимся в Борнео или Австралии.

Он свернул карту и потянулся к пятифунтовой жестянке с сухарями. Взял горсть сухарей и нацедил немного воды из каменного фильтра. Я развязал ремни, удерживавшие меня на койке, выполз и тоже лег на пол. Я прислонился спиной к шкафчику, а капитан — к стенке каюты. Ногами мы уперлись для устойчивости друг в друга и начали медленно «кормиться». Мы жевали сухари, пока не начало светать. Штурман-малаец

просунул голову в дверь. С ним ворвался ветер, но штурман крепко держался за косяк двери. Он шатался, стараясь удержать равновесие и все же умудрился отсалютовать капитану. Это рассмешило меня.

— Союза (Беда), капитан! — прокричал он.

— Что?.. Какая еще беда? — заорал капитан в ответ.

— Быки! — завопил штурман. — Некоторые сорвались с привязи. Поломали ноги... Сваливаются за борт... Бьют все кругом. Другим ломают ноги.

— Майер, — проревел мне Беск, — эти проклятые быки разобьют нашу старую железную посуду!..

Он вел себя так, как будто бы на мне была ответственность за происходившее: толкнул меня ногами, точно хотел, чтобы я провалился в шкаф.

— Валяй их за борт! — прорычал он.

— Как это сделать, капитан? — заорал в ответ штурман.

— Выбросить каждого быка в море!

Положение было так скверно, что я даже забыл морскую болезнь. Я выбрался на мостик, откуда мог наблюдать, что происходило внизу. Быки с ревом катались по палубе, ударялись друг о друга, били в стенки... Очутиться между ними — смерть. И вдруг я увидел, как один парень скользил по борту, он был обвязан канатом под мышками, два других матроса, стоявших неподалеку от меня на мостике, держали канат. К его руке был привязан молоток: он пытался открыть шкафут (ступени по борту). Не думаю, чтобы кто-нибудь, кроме малайского матроса, решился на подобную попытку. Пока я следил за ним, он вдруг поскользнулся и упал в море. Матросы, стоявшие на мостике, вытащили его обратно. На этот раз он дошел до шкафута. Борт поднялся вверх, матрос стал бить молотком по железным болтам, запиравшим дверцы. Мне казалось, что дело у него не подвигается, как вдруг дверца распахнулась, и в море вылетели бывшие поблизости быки. На «Пу-Анне» было четыре шкафута — по два с каждой стороны нижней палубы. Один за другим они отпирались. Некоторые из злополучных быков, в которых еще оставались признаки жизни, видя, как их товарищи исчезают в отверстиях, пробивались к ним и тоже падали в море. Бедняги!

После того как палуба была частью расчищена, четыре матроса отважились войти на нее и начали сваливать в отверстия мертвых и полумертвых животных. Иногда — когда они подтаскивали быка уже к самой дверце — качка вдруг перекидывала его обратно. Я услышал страшные звуки из моих клеток. Клетки начали двигаться... Они ударялись одна о другую и потом общей массой скользили по палубе. Собственно, сами животные не были опасны. Даже если бы клетки сломались, тигры и леопарды были так обессилены последними днями, что были бы не опаснее обыкновенных кошек. Но скверно было то, что клетки начали своими ударами и толчками грозить целостности старого судна.

Я не был удивлен, когда Беск подошел ко мне и заорал у меня над самым ухом:

— Выкидывайте ваш зверинец!

— Пусть лучше бы разбилась ваша посуда! — заорал я в ответ.

Быки с поломанными ногами, клетки, полные воющих животных, — все смешалось в копошащуюся, живую кашу, от одного вида которой мне становилось дурно. Были вызваны свистком все наверх, чтобы помочь «Пу-Анне» освободиться от своего полуживого груза... Люди делали, что могли, но главную работу сделали качка и открытые шкафуты. Одна за другой мои клетки из серайи сами сваливались, или соскальзывали, или же их скидывали в море. Они держались на воде, конечно. Я видел, как они качались на волнах. Некоторое время я глядел им вслед, потом ушел в каюту. Я привязал себя ремнями к койке и много часов пролежал в полузабытьи. Время от времени я приподнимался и дотягивался до воды или брал сухарь и жевал его. Почти все время капитан был тоже в каюте. Я не отличал ночи от дня. Вдруг я услышал, как капитан сердито разговаривает с шотландцем-механиком. Шторм успокоился, и им уже не надо было орать до хрипоты. Шотландец пришел доложить, что уголь почти на исходе.

— Жгите дерево! — командовал Беск. — Сожгите эту дверь, сожгите койки, вообще все, что есть.

Это не было выходом из положения, и шотландец отлично это знал. Капитан тоже знал это. Деревя на всем этом старом железном судне едва хватило бы, чтобы мы продвинулись на десять узлов. Но как ни беспо-

лезна была эта идея, пришли матросы с топорами и унесли с собой дверь.

Когда ее унесли, пахнуло отвратительным запахом. Меня так и сбросило с койки. Я пошел искать капитана и наткнулся на него на мостике.

— Майер,— сказал он мне,— подлая старая лохань течет. Мы пропали!

— Копра! — ответил я.— Копра!

Он посмотрел на меня, как на помешанного.

— Жгите копру, о чем вы думаете? Жгите копру!

— Чорт меня побери,— заревел он,— как же это штурман не подумал об этом? И как это мне самому не пришло в голову?

Он воззрился на меня с глупым недоумением.

— Майер,— спросил он,— но я никогда не видал, чтобы топили копррой. Как она горит?

— Как сальная свечка.

Он посмотрел на меня, словно я подарил ему тысячу долларов.

Капитан Беск был человек лет пятидесяти, но тут он побежал, как мальчишка. «Пу-Анна» через два дня вошла на сингапурский рейд, извергая тяжелый черный дым из топок, набитых кокосовыми орехами. Китайские сампаны (маленькие лодки) собрались кругом судна, чтобы свезти нас на берег. Мы уселись в них. Но лодкам, рассчитывавшим на груз, пришлось отплыть ни с чем. Мы оставили морю сотню быков, тридцать девять хищных и диких зверей и трех палубных пассажиров, смытых в море, когда откололась часть борта.

Когда я появился в конторе Джона Андерсона, он так и вскочил, увидав меня.— Майер! — воскликнул он.— Я думал, что вас и в живых нет! Мы получили сообщение, что «Пу-Анна» затонула.

— Она стоит на рейде,— сказал я,— но двенадцать клеток с дикими животными носятся по волнам Китайского моря.

Мне ужасно было сказать ему это. Я чувствовал себя так, будто я ограбил сиамское казначейство.

— Не делайте такой кислой физиономии! — воскликнул он.— Вы должны благодарить судьбу, что живы остались! Я по крайней мере этому очень рад.

— Ну, если вы рады,— ответил я,— так и мне остается только радоваться.

Волшебная сеть

Это случилось в то время, когда я лениво нежился и отдыхал в Тренгане, каждый день посещая султана. У меня вдруг блеснула идея, захватившая меня настолько, что сразу отбила вкус к мягким подушкам, табаку и медлительным беседам. Я немедленно решил отправиться в Палембанг, на Суматру, и приняться за дело.

— Укладываться! — приказал я Хси-Чу-Аю, а султану сказал: «Теперь мне пора уехать».

— Ты похож на человека, — сказал он, — которого манит какая-то рука. Кто делает тебе знаки? И добрые ли это знаки?..

— Не могу ответить вам на это словами, — ответил я, — потому что это мне привиделось как картина. Я рисую ее вам.

Я взял карандаш и бумагу и начал чертить ему план. Тут черным по белому была изображена моя новая идея: как ловить тех диких животных, что лазают по деревьям. Все было необыкновенно просто. Странно было одно, что никто раньше не додумался до этого. Я давал султану краткие пояснения, пока рисовал, и закончил словами: «Вот леопард и попался». Султан взглянул мне прямо в глаза.

— Ты очень умен, — медленно промолвил он.

В эту минуту я так был доволен своей выдумкой, что готов был с ним согласиться.

От Тренганы до Палембанга путешествие долгое. Но я знал Суматру, знал, что это рай для охотника на диких зверей, и мне нетерпелось испытать мою новую выдумку. Я поехал в Сингапур и сел на небольшой катер, который в два дня доставил меня в Палембанг.

Со мной высадилось человек двадцать пассажиров, малайцев и голландцев. Я был единственный американец. Когда я увидел знакомые места, кучки низеньких домишек, ютящихся на песках на фоне густых джунглей, то понял вдруг, что меня привело сюда не только намерение ловить диких зверей, но еще и сильнейшее желание повидать старого хаджи, моего пер-

вого настоящего друга в Малакке. Я не видел его с того раза, как посетил после трагической смерти Али, его племянника и моего верного слуги, которого на моих глазах забодал селаданг⁵.

Как ни спешил я в малайский квартал, мне все же пришлось сперва представиться властям. Я отправился вместе с остальными пассажирами к двухэтажному зданию, где меня стал допрашивать чиновник в белой парусиновой военной форме. В далекие мои «цирковые» дни, когда я был очень молод, я бы поколотил всякого, кто осмелился бы так расспрашивать меня, как этот чиновник. Сколько вопросов он мне задал! После того как я успокоил его, что не собираюсь вызывать никаких волнений, что понимаю малайцев и их обычаи и что не употреблю во зло никаких дарованных мне прав, он отпустил меня, предоставив некоторую свободу: так, например, я не только мог ходить в малайский квартал, но мог по желанию и покидать его — даже ночью — и идти в квартал китайский или голландский. Малайцам это не разрешается. Если они хотят выйти за пределы своего квартала после захода солнца, они должны испрашивать разрешение от старейшины и брать с собой зажженный фонарь. Я не мог прийти в себя от удивления, встретив такие строгие законы на окраине джунглей.

Пока я шел к жилищу хаджи, я видел, что меня узнали. Мужчины, помнившие меня, вставали, чтобы дружелюбно меня приветствовать. Хаджи вышел мне навстречу. Он поднес руку ко лбу, потом к груди, и его морщинистое, добродушное лицо просияло от удовольствия. Он никогда не возлагал на меня ответственность за смерть Али. Малаец не так смотрит на смерть, как мы.

— В смерти нет проклятия, — говорил хаджи. — Эта жизнь вся наводнена дьяволами.

Когда мы пришли к дому, хаджи кликнул вдову Али. Хорошенькая молодая женщина показалась в дверях и стала спиной к нам спускаться по короткой лесенке. Ее звали Нанг. Я с трудом узнал ее — так она выросла и развилась. Ей было теперь около двадцати двух лет, а когда Али на ней женился, ей только что минуло тринадцать.

Она посмотрела на меня с улыбкой.

— Табек, туан (Здравствуй, господин)! — сказала она.

— У меня для вас есть подарок, — ответил я и протянул ей стодолларовую бумажку мексиканскими деньгами.

— Не будьте неблагоразумны, господин! — воскликнул хаджи, но я уловил нотку удовольствия в его голосе.

— Это было бы желанием Али, — ответил я.

Нанг грациозно поблагодарила меня. Малайцы — и мужчины и женщины — умеют не только делать подарки, но и принимать их.

Собравшаяся кругом нас толпа очевидно наслаждалась происходившей сценой. Я узнавал знакомые лица и раздавал маленькие подарки — по одному, по два, по три доллара — соответственно близости наших прежних отношений. Я видел, что этим людям доставлял большое удовольствие, но что несомненно для них гораздо больше, чем деньги, значило то, что я узнал их, и та манера, с какой раздавались подарки.

Когда я выразил удивление, что Нанг не вышла вторично замуж, она объяснила мне, что не взяла другого мужа потому, что ей незачем торопиться: она в любое время может выйти замуж. Боюсь, что я был отчасти невольной виной ее разборчивости. Али трагически погиб во время службы у меня. Нанг, юная вдова, трогала меня своей печальной судьбой, и я часто посылал ей деньги. Она тратила их на дело: покупала краски и сделалась первоклассной художницей в работе «батик» (особенный, местный способ художественной окраски материй). Ее саронги славились, и китайские купцы дорого платили за них. Она понимала, что, выйдя она теперь замуж, ей придется кормить мужа. Она посылала мне множество саронгов. Хотя я любовался их красотой, но носить не мог: они делались из бумажной ткани и казались мне жесткими и неудобными.

Хаджи не только любил Нанг, но и на меня смотрел как на сына. Поэтому меня не удивило, что у него появились брачные планы. Он спокойно отвел меня в сторону и сказал мне:

— Она красивая девушка и добрая. Руки ее дружны с работой. Почему тебе не жениться на ней?

Я не нашелся сразу, что ответить ему, и только мед-

ленно покачал отрицательно головой. Хаджи, не желая больше смущать меня, кротно вздохнул и сказал своим приятным тихим голосом:

— Такие вещи в руках аллаха...

Потом опять вздохнул и прибавил.

— Ты приехал навестить меня, старого человека, доставить мне честь твоим посещением, но тебя привело и что-то другое. Что именно?

— Мне явилась картина,— ответил я,— она пришла словно на ногах, я увидел себя, будто я ловлю диких зверей на деревьях новым и странным способом.

— Ты всегда был искусным волшебником, туан,— ответил он.— Расскажи мне эту картину словами.

Мне так хотелось, чтобы он одобрил мой план, что я подождал ему рассказывать, пока мы не уселись удобно на его веранде, поджав ноги. Тогда я начал:

— Когда я хочу поймать носорога, я стараюсь заманить его в такое место, чтобы он думал, что у него под ногами твердая земля, а когда он ступит туда, почва провалится у него под ногами.— То же самое будет с леопардом. Он вскочит с полным доверием на ветку, которая ему покажется надежной, но она будет надпиlena пополам и подломится под его тяжестью.

— Тогда он свалится на землю, на все четыре ноги по своей привычке, и убежит...

— Нет, нет!.. Прежде чем убежать, привлеченный запахом живых кур, он попадет в сетку, растянутую на надпиленной ветке во всю длину.

— И тогда и сетка и животное оба свалятся на землю?

— Опять-таки нет. Кругом, в крайние отверстия сетки продета веревка. Ее конец прикреплен к крепкой ветке выше той, на которую зверь вскочит. Когда нижняя ветка подломится и упадет, она, в своем падении и благодаря тяжести попавшегося в сетку животного потянет веревку, которая затянет отверстие сетки... Сетка будет висеть, пока я не приду с моими людьми и не обрежу ее.

Пока я рассказывал, я нарисовал ему чертеж. Он обрадовался, как ребенок, которому показали новую игру.

— Опять ты будешь творить волшебные чары, туан? — воскликнул он.

— Завтра,— сказал я,— мы сделаем сетку, подпилим ветку и испытаем эти чары.

Хаджи со всеми удобствами устроил меня в своем доме. Для меня отделили занавесью угол комнаты. Хси-Чу-Ай, последовавший за мной с парохода с моими немногочисленными пожитками, разложил мой матрац и повесил сетку от moskitov. Мне приготовили купание. Это было делом несложным: в огромном китайском кувшине принесли воды; я встал на решетчатый пол и кружкой обливался с головы до пят. Очень жаль, что нельзя было поплавать как следует в реке: она как раз в это время кишела крокодилами. Туземцы делали купаленки в реке, втыкая в ил бамбуковые колья в виде ограды, за которую крокодилы не могли проникнуть, и так купались, но этот способ меня не соблазнял. Мысль о голодных крокодилах, фыркающих за оградой, портила бы мне удовольствие от купания.

Ночью мы все четверо спали в одной комнате, разделенной занавесками: хаджи, его первая жена, отягощенная годами, как и он, Нанг и я. И все же хаджи, для малайца, жил богато. Он был человек уважаемый и со средствами. Он отвечал за порядок перед голландским резидентом. Никто из туземцев не имел права уйти из малайского квартала без его разрешения. Он был старейшиной и получал на этом посту двадцать пять фунтов в год. К тому же, хаджи был еще и ученый человек и зарабатывал некоторые суммы тем, что писал по-арабски документы и письма. Все эти заработки были только дополнением к его доходам от торговли — в небольших размерах — каучуком, ратаном и живыми зверями. Своим остальным трем женам он давал гораздо больше, чем полагавшиеся им в месяц пятьдесят сентов.

Хси-Чу-Ай приготовил завтрак в своем ящике с песком, воткнув туда палки и подвесив на них котелок для варки риса. Никогда, с тех пор, как я вернулся в Америку, не случалось мне есть так чудесно сваренный рис, где отделялось каждое зернышко.

После утренней трапезы началось плетение пробной сетки из ратана. Хаджи выбрал двух искусных работников. Кругом них собрались зрители: пальцы плетельщиков так и летали. Сетка была быстро окончена. Длины она была достаточной, чтобы вместить большого

леопарда, а круглое отверстие имело в диаметре три фута. Вокруг отверстия была продета плетеная веревка из ратана с длинным свободным концом. К тому времени, когда все было готово для пробы, слава обо мне проникла во все уголки малайского квартала, и когда мы отправились выбирать дерево, за нами уже шла толпа.

На окраине кампонга мы нашли подходящее дерево, выбрали на нем две прочные ветки, одну над другой, нижнюю надпилили на середине, а вдоль ветки положили сетку, так что надпиленное место приходилось по середине сетки. Сетка и отверстие удерживались в открытом виде тоненькими бечевками из ратана, привязанными к веточкам. Конец веревки прикреплен был к верхней ветви. Тогда один из людей забрался на дерево и уселся верхом на ветке, прямо перед отверстием сетки, ему подали камень весом фунтов в двадцать. Он с минуту подержал его в руках и затем опустил в сетку. Раздался треск. И все полетело вниз: ветка, сеть и камень. Люди отпрыгнули прочь, но сетка не упала на землю: она осталась висеть на верхней ветке не касаясь земли, отверстие ее было туго стянуто. Пока что мое изобретение действовало хорошо. Хаджи объяснил изумленным зрителям, что это репетиция и что вместо камня в сетке будет впоследствии леопард. Интересно было наблюдать за выражением их лиц, по мере того как они начинали понимать суть дела. «Бетюль» (верно), — говорили они. И опять повторяли: «Бетюль, бетюль!» — медленно покачивая головами.

Для меня было большой удачей, что среди присутствующих находился некий Абдул Рахман, приехавший с юго-запада, с реки Муси, из местности в шести днях пути отсюда. Он приплыл на бамбуковом плоту и привез с собой на продажу сырой каучук и лучший сорт ратана, называемый «сэга айер», приготовленный уже на продажу в шестнадцатифутовых связках по сто штук в каждой связке. Плот тоже должен был быть разобран, и бамбуковые колья из которых он был сделан, проданы. Он со своими рабочими собирался ехать обратно в лодке, которую привели на буксире, и забрать в обратный путь запасы риса, сушеной рыбы и ножей. Таков был первоначальный план, но так как он был человек смелый и решительный, то он тут же решил изме-

нить план и взять меня с собой. Он прямо влюбился в мою сетку.

Абдул Рахман был старейшиной над тремя кампонгами и очень уважаемым человеком в своем округе. Он обыкновенно доставлял свои официальные донесения голландскому резиденту в Палембанге и писал: «Все спокойно». Потому что, если и не все было спокойно, он уж умел успокоить и без промедления.

Ни один губернатор не мог бы с большим достоинством пригласить меня в свои владения, чем Абдул Рахман, пригласивший меня в свой кампонг.

— Там много зверей в джунглях,— сказал он,— много-много; и шкуры у них блестят, как тихие воды на солнце.

Я посоветовался с хаджи, мнением которого я очень дорожил. Он уверил меня, что этот человек говорит истину.

Бамбуковый плот Абдула Рахмана и та легкость, с которой он передвигался по реке, послужили мне главной приманкой. Самые лучшие животные в мире не стоят ничего для меня, если их нельзя легко перевезти, куда следует.

— Я поеду,— согласился я.

Абдул Рахман поклонился так, будто бы я оказал ему великую честь.

Хаджи сам выбрал для меня лодки. Та, в которой я должен был ехать сам, имела сорок футов в длину, а лодка для запасов и багажа — тридцать пять. Грузовая лодка могла поднять полторы тонны груза. Лодки были сделаны из огромных выдолбленных стволов, отлично сработаны и формой напоминали индейские пироги.

Когда наступило время выбирать помощников, положение стало затруднительным. Почти все мужское население кампонга предлагало свои услуги. Обо мне шла слава не только искусного волшебника, но еще и человека, щедро раздававшего деньги. Хаджи отобрал для меня десять человек — великолепных парней — по пяти на каждую лодку. Каждому из них я выплатил жалованье вперед за месяц — пятнадцать мексиканских долларов, с тем, чтобы они могли оставить деньги, все или часть, своим женам. Я предупредил их, что мы будем в отлучке не меньше месяца.

Малайцы путешествуют налегке. Они взяли с собой только по лишнему саронгу, скрутив его на голове в виде тюрбана. Некоторые из них захватили остроконечные китайские шляпы. Они иногда надевали их от солнца, но чаще употребляли вместо корзин, чтобы держать в них орехи бетеля и табак. У всех за поясом были паранги — тяжелые восемнадцатидюймовые ножи. Малаец без ножа — не малаец.

Я привык сводить мои запасы к минимуму. Рис, сушеные фрукты, ружья, большое количество пуль, рубахи, брюки хаки, носки, сапоги, матрац, непромокаемые одежды и сетка от москитов — вот почти и весь список. Я также брал с собой заступы и кирки для рытья ям. У кормы пристроили каянг, чтобы защищать меня от палящего солнца. В грузовой лодке Хси-Чу-Ай поместил свой неизменный ящик с песком для стряпни.

На закате мы тронулись в путь. Хаджи и толпа провожающих стояли на берегу и желали нам счастья. «Саламат джалан» (счастливого пути) и «энтонг» (всякой удачи) неслись нам вслед.

Лодка Абдула Рахмана шла впереди, указывая фарватер. Для того чтобы править рулем, не требовалось особого знания реки. Она была достаточно глубока для наших лодок, которые сидели в воде всего фута на полтора. При обыкновенном течении лодка с четырьмя гребцами шла очень быстро. Когда течение было чересчур сильно, гребцы оставляли весла и брались за шесты. Двое гребцов становились на нос, втыкали свои бамбуковые шесты глубоко в дно реки, потом напирали на них плечом и шли по направлению к корме по краю выдолбленной лодки, имевшему около шести дюймов в ширину. Они отбивали такт своими босыми ногами, всей тяжестью налегая на шесты, и лодка спокойно продвигалась вперед. Когда они доходили до конца, где уже не было опоры, вторая пара гребцов начинала то же от носа, и таким образом ни минуты перерыва не было. Сменяя друг друга, они вели лодку и выводили ее против сильного течения в более спокойные воды.

Час за часом мимо нас проплывали все те же картины: густые джунгли, спускавшиеся к самому берегу реки, точно две бесконечные зеленые стены, изредка прерываемые песчаными отмелями. В тех местах, где река становилась уже, ветки и выющиеся растения

смыкались над ней, образуя над нашими головами зеленые арки. Порой слышались вой тигра или леопарда, неприятный крик павлина или карканье и трескотня клюворога. Иногда доносились нежные звуки — песни певчих птиц, но их скоро заглушала болтовня обезьян. Большой журавль торжественно смотрел на нас несколько минут, потом захлопал крыльями и снялся с места. На песчаной косе стоял кабан, пришедший напиться.

Мы плыли ночью и ранним утром, а в зной спали. Только на второй день нам встретился кампунг. Мы причалили к берегу. Приятно было выйти и размять ноги. Абдул и его люди отправились за бамбуковую ограду навестить своих приятелей. Мои люди остались со мной перед оградой. Забавно мне было смотреть на их кривлянье! Они отлично знали, что за ними наблюдают женские глаза. Все они выставили напоказ свои ножи. Головы держали гордо, спину выпрямили. Отпускали для невидимых слушательниц шутки, очень вольные притом. Время от времени слышался подавленный девичий смех. Мои молодцы даром тратили драгоценное время, им давно следовало спать.

Вечером на шестой день мы приблизились к кампунгу Абдула Рахмана. Даже на расстоянии я увидел, что его расположение на редкость удачно. Почва была песчаная. Река в этом месте неглубока. Кокосовые деревья растут в песке, а крокодилы его ненавидят. Они любят глубокую воду и густой ил. Племя Абдула Рахмана сумело выбрать себе жилище.

На берегу собралась толпа. Кампунг, конечно, ждал возвращения своего старейшины и готовился к нему: и вдруг — вместо одной лодки — целых три. Мой каянг сразу сказал им, что едет европеец, потому что туземцы никогда не стараются защититься от солнца. Когда мы приблизились на достаточное расстояние, я увидел испуганные лица. Единственное, что они могли подумать, это то, что я прибыл от голландского начальника для сбора какого-нибудь налога или какого-нибудь донесения, о чем — они не знали. Я никогда не видел туземцев в таком испуганно-встревоженном состоянии. Однако со всеми проявлениями почтения они вытащили мою лодку на берег.

Абдул Рахман подождал, пока мы все высадились и толпа окружила его. Тогда он возвестил:

— Туан — мудрый пауанг. Никакой зверь не может отнять у него жизни. Он приехал, чтобы убить всех диких зверей в джунглях. Он свершает чары — я видел сам.

Толпа молчаливо расступилась, чтобы пропустить меня и моих людей. Туземцы были преисполнены благоговейного ужаса.

Абдул поместил меня в своем жилище. Пока я сидел на веранде, его женщины занялись отчаянной чисткой и уборкой. Мои пожитки вносило множество народу. Хси-Чу-Ай позволил им нести все, кроме ружей: за ними он присматривал лично. Каждый мужчина, юноша и мальчик добивался чести нести какую-нибудь вещь, принадлежащую туану. Я слышал, как они переговаривались: «Он не голландец» и добавляли: «Он может совершать чудеса: пенг-хулю видел сам».

Абдул Рахман в Палембанге слышал очень преувеличенные рассказы о моих подвигах и сам еще украсил их. Если бы тут был кто-нибудь из людей моей расы, я, наверно, испортил бы всю свою игру: не удержавшись, переглянулся бы и засмеялся. Но теперь я торжественно разрешил вознести меня на пьедестал и поклоняться мне. Они хотели, чтоб я сейчас же отправился в джунгли, но я объяснил им, что нуждаюсь в отдыхе. Им всем, однако, задал работу. Я сказал Абдулу, что мне нужно огромное количество ратана длиной по крайней мере футов в тридцать и что, кроме того, его люди должны нарубить мне прямых молодых деревьев дюйма в два толщиной и не меньше двенадцати футов длиной.

Пока все это делали, я решил пройтись в джунгли на разведку и осмотреться хорошенько. Я взял с собой десять человек и Абдула с тремя из его людей.

Нигде я не видел столько красных муравьев, как в этой местности. Мы все время только и смотрели, чтобы не наступить на их кучи. И нигде в джунглях не видел я столько змей. Пифоны⁶ свешивались с деревьев, как толстые канаты, и так похожи были по окраске на ветки и листья, что требовалось огромное напряжение зрения, чтобы уберечься от них. Мы прошли очень немного, как вдруг передовые стали как вкопанные.

— Римау ада (Тигр)! — закричали они.

Тигра застали врасплох, и он был, вероятно,

удивлен не меньше нас, потому что этот зверь редко встречается днем. Люди отскочили назад, и я остался впереди всех. Обыкновенно в джунглях я не ношу ничего, кроме паранга, в руках. Мое ружье нес Абдул, который шел позади меня. Он протянул мне ружье вперед, и я схватил его. Это было мое первое испытание на глазах у туземцев. Момент был крайней важности. Тигр-красавец был от нас футах в ста. Он поднял хвост. Я знал, что тигры всегда поднимают хвосты перед тем, как кинуться на жертву. Через секунду он испустит свой, похожий на кашель рев и одним прыжком отделится от земли. Я десятки раз слышал этот рев. Он положительно парализует. Ни человек, ни животное не могут слышать его спокойно. Но рев так и не раздался. На груди полосатого красавца было снежно-белое пятно, как всегда у тигров, созданное специально для охотников. Я быстро, но внимательно прицелился и прямо в это пятно всадил страшную разрывную пулю. Тигр взвыл, захлебнулся и покатился по траве.

Я подбежал к нему, туземцы за мной. Пуля нанесла смертельную рану и жестоко разорвала шкуру.

Люди начали осыпать оскорблениями убитого тигра. Они плевали на него и выкрикивали ругательства.

— Чего дома не сидел! — кричали они. — Хотелось посмотреть, кто приехал? Ну, что же, вот и увидел! Курицы захотелось, а?.. Вот покушай свинца теперь.

Они повесили убитого тигра так, чтобы до нашего возвращения его не съели другие животные. Когда мы вернулись часа через два, все начали помогать нам сдирать кожу. Малайский способ сохранять шкуры, это счищать их и солить. Это, правда, сохраняет шкуру, но делает ее очень твердой. Если шкура достаточно хороша, чтобы ее купил китайский купец, ее всегда дубят.

Усы тигра были осторожно вытащены. Их продают малайским и китайским докторам, которые жгут их и золу употребляют как лекарство. Внутренности также сохраняются: их сушат, и китайцы считают их хорошим лекарственным средством. Зубы берут на амулеты.

У туземцев был свой порядок, как делить добычу. Все обошлось вполне дружелюбно. Я взял себе когти. Для них всегда есть сбыт: суеверные люди и в Европе и в Азии употребляют их как талисманы. Тот, у кого

на часовой цепочке висит тигровый коготь, может быть спокоен, что он застрахован от бед! В зоологических садах и зверинцах зверям в клетках делают «маникюр». Их веревками притягивают к самой решетке, так чтобы лапы высовывались наружу, и так держат, а в это время обрезают им когти почти до самого мяса. Как они воют! Но для сторожей было бы слишком опасно оставлять когти в их естественном состоянии.

Наша компания возвратилась в кампунг с ликованием — не столько оттого, что убили тигра, сколько оттого, что я выдержал испытание. Когда под моим надзором сделали несколько сеток, я созвал мужчин, чтобы объяснить им, как эти сетки должны быть пущены в дело.

Настала ночь. Принесли факелы. Они были сделаны из дамара, горючей древесной смолы, вложенной в скрученные пальмовые листья, и давали дымный красный свет. Я начертил схему на песке при свете этих факелов и объяснил им так, как объяснил бы у нас, чтобы понял восьмилетний ребенок. Они кивали головами. Говорили: «Иа, иа», но, очевидно, не понимали ничего. Усилие утомляло их.

Абдул Рахман дотронулся до своего лба:

— Туан, они не могут понять на песке, что тут изображены деревья в джунглях и сетки. Когда их глаза увидят это, они поймут.

На следующий день я отправился выбрать деревья, пригодные для сеток, и нашел по крайней мере десятков таких, у которых на коре были свежие следы леопардовых когтей. Леопард, как кошка, привыкает к месту, и где побывал раз, наверно, опять пойдет туда же. К счастью, пока я еще не взялся за дело, я вспомнил об обезьянах. Местность кишела ими, и любопытству их нет пределов. Если обезьяна заметит одну из моих веревок, привязанных к верхней ветке дерева, она постарается развязать узел или начнет лазать по веревке, чтобы разузнать, в чем дело. Чтобы избавиться от этой опасности, мы решили — после того как вся предварительная работа с сетками была закончена — смазать и верхнюю ветку и самую сетку птичьим клеем, который сделан из смолы и каучукового дерева. Этот клей употребляется туземцами как средство для ловли обезьян и даже тигров и леопардов. Способ ловли животных

очень прост: охотник смазывает листья птичьим клеем. Животное наступает на них, и как только его лапа попадает в клейкое вещество, оно уже не может ее вытащить. Зверь старается скусить лист, но тогда он попадает в клей мордой, и в конце концов он весь оказывается вымазанным клеем. Это приводит его в полное бешенство и делает таким беспомощным, что поймать его уже ничего не стоит.

В данном случае мы могли защитить всю нашу ловушку при помощи клея, кроме, конечно, места у самого отверстия. Это оставляло обезьяне возможность забраться в сетку и, прыгнув, сломать ветку; но на этот риск приходилось идти.

Я с величайшей заботливостью устроил все сетки, относясь к делу с интересом и волнением изобретателя.

В каждую из сеток мы привязали по паре хороших бойких кур и вернулись в кампунг, где, должен сознаться, я провел бессонную ночь.

Около восьми часов утра на следующий день мы отправились взглянуть, что-то нам послала судьба. Со мной было человек двадцать. Первая сетка была пуста. Но на ней сидела глупая обезьяна и без умолку болтала. Она вымазала лапу в птичьем клее и испортила бечевки из ратана, которые держали отверстие открытым. Мы поправили беду и отправились к следующей. Тоже пуста. Мы приближались к третьей, Абдул Рахман шел впереди. Завидев ее издали, он остановился, как вкопанный, поднял предостерегающим движением обе руки и продолжал стоять безмолвно и не двигаясь. Я подбежал к нему. Он обернулся и взглянул на меня странным, точно помраченным взглядом. Этот человек, выросший на окраине джунглей, увидел что-то, что испугало его... С минуту я ничего не понимал. Я ясно видел сетку: она мешком свешивалась с верхней ветки, сильно растянутая. Очевидно, в ней было какое-то животное. Но тут случилось нечто странное, чего мне еще в жизни видеть не приходилось. Мешок медленно покачнулся сперва вправо, потом влево и наконец поднялся прямо вверх. Когда он приостановился в воздухе — без всякой точки опоры снизу или сверху, — то опять покачнулся пугающим движением, медленно опустился и повис. Люди столпились, глядя на чудо. Я слышал их прерывистое дыхание.

— Ханту!.. Иа, ханту! (Дух!.. Да, дух!) — перешептывались они.

Все кругом было полно суеверного ужаса. Такие вещи заразительны. Я никогда не видел до тех пор, чтобы так необыкновенно нарушались законы притяжения. Абдул Рахман заговорил:

— Уйдем, уйдем, туан!..

Тут я словно очнулся и кинулся вперед. Солнечные пятна мешали мне видеть хорошо, и я все понял, только когда почти вплотную подбежал к сетке. Облегчение мое выразилось в том, что я заговорил по-английски, — на языке, на котором я не говорил месяцами. Я поймал себя на том, что закричал во всю глотку: «Этого и спяну не увидишь!»

В сетку попался громадный пифон: он полез в нее за курами и одну успел проглотить. В это время под ним обломилась ветка, затянута веревка и, перехватив его пополам, врезывалась в него все сильней и сильней. Хвостом он еще держался за верхнюю ветку. Он опять стал делать невероятные движения в воздухе. Я не мог удержаться и захохотал. Ничего успокоительнее хохота быть не может. Туземцы подбежали ко мне. Когда они поняли в чем дело, их полуголые тела тоже начали корчиться от хохота.

Мой смех, впрочем, скоро прекратился. Мне пришла мысль, что хотя у нас недурная добыча, но что ведь в сущности больше трех ярдов змеи было еще на свободе. Эта мысль подействовала на меня охлаждающе. Хвост пифона может быть опасным для жизни. У нас, к счастью, было с собой много крепких веревок. Я послал энергичного, сильного малого на дерево с подробными наставлениями. Он должен был завязать на хвосте у пифона веревку затяжной петлей и поближе к концу хвоста стянуть ее. Он выполнил это; затем, пропустив веревку под веткой, кинул ее свободный конец стоявшим внизу. Они дернули за нее и таким образом на одно кольцо сняли хвост с ветки, притянув конец его вниз. Держа веревку, привязанную к хвосту, туго натянутой, они опять бросили свободный конец человеку на дереве. Он снова пропустил ее под ветку и бросил вниз. Дернули еще раз — и второе кольцо вытянулось. Словом, они «отвинтили» змею кольцо за кольцом веревкой, служившей как бы продолжением хвоста. Второй

веревкой, тоже с затяжной петлей, охватившей туловище удава там, где оно высывалось из сетки, его заставили ослабить хватку. Другой человек стоял держа веревку, которой сетка была привязана к верхней ветке, готовый вовремя спустить ее вниз. Дело было трудное и очень опасное. Хотя половина пифона была в плену, но и остатком он мог нанести смертельный удар. Когда распрямили последнее кольцо, люди туго натянули все веревки и сетку опустили на землю.

Пока она еще не совсем касалась земли, мы занялись мордой пифона. Ему удалось просунуть ее сквозь петли сети, и он угрожающе шипел. Пифон не ядовит, но он может крепко укусить. Один из мужчин снял свой саронг. Его сложили и набросив на голову втолкнули морду змеи обратно в сетку. Потом все принялись наворачивать свободный конец змеи на сетку с его другой половиной, как наворачивают шпульку. Всеми имевшимися в наличии веревками его опутали так, что он пошевелиться не мог. Потом весь этот приятный сверток привязали к шесту. Сверток оказался длиной футов в восемь, его прикрепили с двух концов к шесту, чтобы удобнее нести. Пифон весил фунтов двести. Длины он был в двадцать футов. Мы провозились над ним два часа без перерыва. Заставить малайцев работать в течение двух часов без остановки — само по себе чудо. Пот лился с них градом. Я решил, что им надо отдохнуть, прежде чем идти в обратный путь. Мы уселись на землю. Я курил, а они жевали бетель. Каждый рассказывал, что именно он подумал, когда увидел, как мешок, словно живой, шевелится в воздухе.

Абдул Рахман наклонился ко мне. Он смущенно дотронулся до лба рукой:

— Не делает ли мне туан чести,— сказал он,— открыть мне, какое заклинание он произнес, когда увидел, как поднялся мешок? Это были слова могущественных чар?..

С минуту я не мог припомнить. Потом вдруг вспомнил, что я закричал по-английски: «Этого и спяну не увидишь!»

— Абдул Рахман,— торжественно ответил я,— это такое заклинание, которое умирят самого страшного дьявола.

Битва тигра с буйволом

Когда в кампунг моего друга Абдула Рахмана принесли огромного пифона, все население собралось полюбоваться добычей. Даже грудных младенцев принесли посмотреть на пифона. Рассказы о его поимке разрослись, и говорили уже, будто мешок со змеей поднимался до самой верхушки дерева.

Для пойманного пифона сделали нечто вроде корзины из прямых древесных стволов, переплетенных ратаном. Корзина была длиной в шесть футов, шириной и вышиной три на три. Пифона так и положили в виде свертка, как несли, только отрезали петли, прикреплявшие его к шесту. Потом наложили крышку и крепко-накрепко завязали. Освобождение змей от веревок и сетки потребовало много времени и терпения. Люди просовывали руки сквозь отверстия плетенки, перерезали бечевки и ратан и по кусочкам вытаскивали их. Змея время от времени угрожающе шипела, но в общем была спокойна. Вероятно, она успела обессилеть во время своего пленения, когда старалась высвободиться из силков, мы ведь не знали, сколько времени она пробыла в сетке: может быть, час, а может быть, и двадцать часов. Особенного ухода за змеей не требовалось — они вообще редко едят. В пути — даже и продолжительном — я их никогда не кормлю. Когда пифон хорошо пообедаст — съест, например, целую свинью или барана, — он может месяц обходиться без пищи.

Аппетит змей — необыкновенно капризная вещь. Он как будто всецело зависит от ее настроения духа. Иногда кролик может много дней подряд прыгать в клетке у змей, а она и не трогает его, хотя сама не ела несколько недель.

Удавы болеют в неволе раком пасти. Заболевая, они отказываются от какой бы то ни было пищи, и их приходится кормить насильно. Куры, сырое мясо — вообще, что есть под рукой, — заворачивают в кусок кожи, затем змее насильно раскрывают пасть и опускают туда сверток с пищей. Когда он попадет в глотку, глотательные мускулы невольно начинают делать свое дело, и в конце концов змея проглатывает пищу. Раковое за-

болевание пасти не нарушает удивительного пищеварения змей: змея переваривает все — перья, волосы, кожу, кости и когти. Змеи могут проглотить животных больше себя величиной, и это станет понятным всякому, кто видел их пасть открытой. Я не естествоиспытатель, но мне объясняли, что у них кости нижней челюсти укреплены растяжимыми связками. Мне случалось насильственно кормить змей, и я убедился, что это так и есть. Их пасть открывается невероятно широко. А когда после кормления я наблюдал, как опухает у них туловище, я готов был поверить, что все их туловище тоже эластично, а ребра — на шарнирах. Природа снабдила змеинных детенышей приспособлением, которое всегда занимало меня: чтобы им было удобнее разбить свое яйцо и появиться на свет, у них на конце рыльца помещается специальный зуб, похожий на пробойник для консервных жестянок.

Пифон, которого я поймал в мою «волшебную сеть», достался пертскому зоологическому саду в Западной Австралии. Если бы его возможно было выдрессировать и вообще направить его силу на полезные вещи (силы в нем было достаточно, чтобы переломать все кости у лошади или буйвола, обвейся только он вокруг их туловища), он мог бы проделывать огромную работу. Но он провел свою жизнь, привлекая толпы зрителей к своей клетке.

Все время, пока мы ловили пифона, между туземцами и мной царили самые дружественные отношения. Я чувствовал, что эти суматрские жители не только приняли меня в свой круг, но и нисколько не стеснялись меня. В этом было одно маленькое неудобство. В тропиках для меня самыми счастливыми часами дня были всегда часы купания. Но в кампонге Абдула Рахмана мне не пришлось наслаждаться купанием; независимо от того, купался ли я в реке с ее прекрасным песчаным дном или просто обливался из кувшина — той минуты, когда я начну раздеваться, ждали со страстным нетерпением все жители деревни.

Эти люди мало видели в жизни нового или странного, и человек с белой кожей был для них зрелищем, от которого они не могли легко отказаться. Мужчины и мальчики торжественно, точно соблюдая какую-то церемонию, собирались все вокруг меня, и я должен был

смотреть на это, как на большую любезность. Но в выражении их лиц было что-то, что вызывало во мне неприятное чувство: мне казалось, что они смотрят на мою бледную кожу совершенно так же, как мы, например, глядим на белое брюшко лягушки. И, кроме того, меня вовсе не прельщала мысль, что издали на меня тайком смотрят женские глаза. Но по крайней мере женщины хоть не могли рассмотреть подробностей, например, синих жилок под кожей, которым мужчины так дивились.

— Точно большие синие реки, соединенные маленькими синими ручейками,— говорили они.

Очень их интересовала также моя борода, которую я начал отпускать. У малайца такая ничтожная растительность на лице, что, когда у него появляется несколько волосков, он их просто выщипывает.

Как-то раз, когда я подвергался подробнейшему осмотру, вдруг вспомнил «феноменов», моих приятелей из тех дней, когда я, много лет тому назад, работал в цирке Фрейера в Лондоне. «Живой скелет» и «каучуковый человек» с «самой толстой женщиной в мире» вдруг забастовали. Они запротестовали против того, что их в афишах называли «феноменами», а желали, чтобы их именovali каждого «чудом природы». Теперь, когда я очутился в положении единственного белого человека на много дней пути кругом, я понял, как неприятно быть «феноменом».

Абдул Рахман еще больше раздосадовал меня. Приложив руку к груди, с почтительнейшим «саламом», он сказал мне, что мать его второй жены, женщина мудрая и собирающая мудрость, желает знать: то, что туан явился в мир с волосатой грудью, не знак ли того, что он будет повелителем диких зверей?

— Она случайно видела это,— прибавил он,— и весьма восхищается.

Я ответил, боюсь, не очень любезно.

— Скажи матери твоей второй жены, что аллах дал мне это затем, чтобы кровь моя всегда была горяча и я не знал страха.

Абдул, вероятно, уловил некоторую ноту неудовольствия в моем ответе.

— Я передам ей это,— сказал он.— Мать моей второй жены очень любопытная женщина, до всего любит допытываться.

На другой день мне удалось, спрятав полотенце и притворившись, что я просто иду прогуляться, уйти на реку незаметно и без свиты. На реке было только двое голых ребятишек, игравших в воде, да большой водяной буйвол. Он, очевидно, закончил свои дневные труды и лениво лежал в воде, высунув на воздух только морду. Я сбросил одежду и только что хотел кинуться в реку, как вдруг огромный зверь заревел и двинулся по направлению ко мне. Дети закричали: — Берегись, берегись, туан!

Буйволу не понравилась моя белая кожа. Он решил меня прогнать. Я оставил на берегу свое платье и бросился бежать в безопасное место. Ребятишки собрали мои брюки, рубаху, носки и башмаки и притащили их мне. Они сочли нужным извиниться:

— Буйвол дурак, туан,— сказали они.

Но если даже водяной буйвол так относился ко мне, мне ничего больше не оставалось, как примириться со своим положением и согласиться с тем, что я феномен. Об одном я жалел: что не могу взять с моих зрителей входную плату...

Следующей нашей добычей, попавшейся в сетку, был великолепный экземпляр пятнистого леопарда, самца лет шести. На этот раз никаких сюрпризов не было: все шло как по маслу. Мы слышали зверя задолго до того, как подошли к нему. Он то рычал, то выл. И неудивительно, потому что он буквально висел вниз головой. Он даже не мог грызть веревки. Туземцы прямо с ума сошли от восторга. Судя по их поведению, можно было подумать, что мы победили все джунгли. Сетку опустили, отверстие надежно затянули и привесили к шесту. По пути в кампунг все мужчины пели радостные песни. Быстро построили клетку. Потом начался импровизированный праздник. Все это было так внезапно, а мне так важно было поддержать энтузиазм моих помощников, что я вошел в общий тон и решил организовать игры. Принесли банановое дерево и вбили его как мишень для состязания в бросании копий. Меня уговаривали принять участие в состязании. Я очень таинственно объявил, что в этом состязании я не должен принимать участия, что у меня есть важная причина. Причина действительно была: я в этом деле ничего не смыслил. Зато люди Абдула Рахмана не

имели себе равных в этом спорте. Копья их были длинной около шести футов. Они бросали их на расстояние от пятидесяти до ста футов, и даже дальше. Я раздавал призы — небольшие денежные суммы.

Потом, к счастью, я вспомнил одну игру, которую очень любят матросы на кораблях: игру в «перетягивание каната». Я потребовал веревку и сказал каждому из играющих, где ему надо стоять. С каждой стороны было по десяти человек, причем мне удалось отобрать почти равной силы молодцов. К этому времени я уже хорошо знал моих приятелей и выбирал очень осторожно, в смысле силы и веса. И вот поднялось веселье: тянули, тащили, врывались ногами в песок, чтобы не уступить. Пот лил с них ручьями. Женщины кричали и ахали. Все с облегчением вздохнули, когда одна партия наконец одолела. Тогда я роздал призы: по десяти центов на брата, всего-навсего доллар на всех. Но я вручал монетки с поздравлениями и с такой важностью, будто это были серебряные призовые кубки.

После нашего праздника ловля пошла всерьез. Я взял с собой в джунгли всех самых сильных мужчин в кампонге, чтобы рыть ямы. Работали кирками и лопатами. Инструменты были отличные, китайской работы. Так как мы всегда путешествовали налегке, то рукояти к лопатам мы делали на месте.

Остававшиеся в кампонге мужчины целые дни были заняты постройкой клеток и плетением сетей. Женщины работали над более тонкими сетками. Они были похожи на рыболовные сети и делались по давно известному способу. Я платил женщинам хорошо и отдавал деньги за работу не их мужьям, а им самим. Для них это было новостью: самим зарабатывать деньги, и они принялись за работу с энтузиазмом. Даже ребятишки помогали: таскали легкие предметы, связывали, обвертывали что-то.

Абдул задумчиво спросил меня:

— Не даст ли мне туан своего талисмана, которым он заставляет людей работать так усердно?..

— Этот талисман действителен только в руках у того, кто родился в стране, где людей кусает холод, — ответил я.

Абдул вздохнул и лениво потянулся. День был особенно душный, и отдых был сладок...

Пока почти все члены пятидесяти семей, составлявших население кампонга, работали изо всех сил. Мохаммед Тай, зять Абдула, молодой человек лет двадцати пяти, стройный, смелый, первый победитель в бросании копий, решил показать мне свое искусство в охоте на тигров. Побудило его к этому мое любопытство при виде какого-то приспособления, почти разрушенного, на которое я наткнулся в джунглях. Это была двойная клетка из бамбуковых кольев, врытых в землю фута на три-четыре в глубину. Клетка в клетке — такую вещь я видел в первый раз. Все сооружение имело приблизительно восемь футов в высоту, восемь в длину и четыре в ширину. Брусья решетки отстояли один от другого не больше, чем на два дюйма, и — что мне показалось особенно странным — в каждой клетке они были размещены как раз один против другого. Мне казалось, что они должны бы были чередоваться.

— Кто же это сидел в этой двойной темнице? — спросил я у Абдула Рахмана.

— Человек и собака, туан, — ответил он, — а иногда, в другие ночи, человек и козел: в козле все ценно — и запах и бляение его.

Я начал понимать.

— Человек приходит сюда охотиться? — спросил я.

— Да, туан. Приходит убивать.

Теперь со слов Абдула я ясно вообразил всю жестокую картину. Охотник приходит в это место в джунглях незадолго до захода солнца. Он берет с собой собаку или козла и приносит каянг — плетенную из пальмовых листьев циновку — для того, чтобы спать на нем. Он приподнимает несколько брусьев, входит, устраивается на ночь и спит до тех пор, пока его сна не потревожат. Животное с ним. Когда голодный тигр почует их и подкрадется — собака залает или заблеет козел, и охотник проснется. Он вскакивает наготове со своим парангом — длинным, похожим на меч ножом с двухфутovým лезвием, отточенным, как бритва, и вделанным в деревянную рукоятку. Брусья в обеих клетках не случайно помещены один против другого, а для того, чтобы предоставить ножу больше простора.

Когда понуждаемый голодом зверь встанет, по привычке тигров, на задние лапы, упираясь передними в решетку, нож быстро вонзается в его брюхо и быст-

рым движением кверху охотник распарывает ему внутренности.

— Для охотника это безопасно,— объяснил Абдул,— и ни собаке, ни козлу тоже не грозит беда.

Подумав, он прибавил:

— А если у него хороший талисман, то ни духи, ни дьяволы ничего не могут ему сделать, хоть он и один в лесу ночью.

При помощи этой ловушки Тай и надеялся убить тигра. Он направился в джунгли с несколькими своими друзьями, помогавшими ему нести колья и ратан для починки полуразрушенной клетки. Они пошли днем с таким расчетом, чтобы еще засветло успеть ее привести в порядок. Когда все было готово, Тай вошел в клетку с собакой. Козла в то время у него под рукой не оказалось, поэтому он просто накинул веревку на шею первой попавшейся бродячей собаке — около кампонга было десятка два таких злополучных псов, своего рода мусорщиков, которых из-за этих услуг терпели в кампонге,— и потащил ее с собой. Он разостлал в клетке свою пальмовую циновку и закутал голову саронгом, чтобы защититься от москитов. Потом его друзья врыли опять брусья, укрепили их, как следует, и оставили его одного. Я воображаю, как они спешили проститься с ним и радовались, что уходят. Эта охота не пользуется популярностью среди населения. Мужчины придумывали разные объяснения, почему они не любят ее. Дело в том, что никто из них не любит оставаться ночью один в джунглях.

Утром друзья Тая отправились помочь ему на случай, если бы он поймал тигра, и просто провести его, если он не поймал. Вернулись они и Тай с пустыми руками и в плохом настроении. Собака рвалась из рук у них. Мы встретили их, когда шли проверять наши ямы и сети.

На другое утро мы опять встретили их, почти в то же время и у того же места, без добычи и в еще более подавленном настроении. Пять ночей подряд Тай ходил в свою засаду — и все безрезультатно.

Потом ко мне пришел Абдул Рахман и спросил:

— Не сделает ли господин хорошего талисмана для Мохаммеда, чтобы он мог его повесить на клетку и приманить тигра?

Мне это не очень понравилось. Я заподозрил, что в их суеверные головы закралась мысль, что я наложил заклятие на клетку, заколдовал ее, так как не хотел, чтобы кто-нибудь, кроме меня, поймал добычу. Я согласился — хотя довольно неохотно — «свершить чары» для Тая, но поставил условием, чтобы он в течение трех ночей не подходил к клетке, чтобы взял с собой козла вместо собаки и чтобы его провожали вечером два человека, не больше, а встречали утром трое.

Когда наступила ночь, я дал ему мои серебряные часы, которые отполировал до яркого блеска. Я объяснил, что они принесут ему счастье и дадут ему сердце селаданга. Я немножко нервничал относительно исхода его предприятия; но мое счастье, сопутствовавшее мне до сих пор на Суматре, не покинуло меня и на этот раз. В первую же ночь мой талисман подействовал, и Тай добыл своего тигра, хоть и не с таким блеском, как он надеялся. Тигр явился поздно ночью. Козел заблеял. Тай приготовил свой паранг. Тигр обошел клетку кругом, обнюхивая почву, потом поднялся на задние лапы, и Тай нанес свой удар.

Удар был хороший — настигнул Тай — достаточный, чтобы убить трех тигров, но зверь обоими глазами смотрел на яркий талисман и оттого не мог умереть! Тай говорил, что туан «забыл сказать талисману не действовать на пользу тигру».

И для охотника и для зверя настали скверные часы. Тигр с ревом упал как раз так, что длинный нож не доставал до него. Тай не смел выйти из клетки, чтобы покончить с ним, так как воображал, что мой талисман охраняет тигра. Когда утром пришли его друзья, он все еще сидел в клетке, закрыв голову саронгом, а тигр валялся при последнем издыхании и страшно выл. Они сразу добились его. Все вместе ободрали его шкуру и вынули его драгоценные внутренности. Я встретил их, когда они возвращались со своей добычей. Моих часов никто не посмел снять с клетки; мне пришлось пойти за ними самому.

Решив больше не рисковать своей репутацией мага и волшебника, я расхвалил Тая и сказал ему, что прошу его работать у меня все время, пока я останусь тут. Тигровую шкуру я у него купил на месте за двадцать долларов. Она не стоила больше десяти и была мне не

нужна, но мой успех зависел от общего доброжелательства.

Самым серьезным моим предприятием в этой экспедиции были клинообразные западни для ловли носорогов и тапиров. В этих ямах были покатые внутренние стены, чтобы животные не ломали себе ног, что было бы неизбежно в ямах с прямыми стенками. Замаскировать эти огромные ямы было делом, требовавшим огромного умения — почти искусства. Кроме ямы, приходилось сделать нечто вроде решетки из ветвей, положенных накрест; решетка замазывалась глиной или землей. Потом вырывали траву с корнями и буквально сажали ее туда, да еще рассыпали листья. Когда эту решетку совершенно невозможно было отличить от обычной почвы джунглей, ее поднимали и помещали над ямой. Люди работали, как будто устраивали декорацию для театра или играли, — только делали все очень тихо и спокойно, в то время как обезьяны смотрели на них с деревьев и, не умолкая, болтали. Мы взяли с собой козла и привязали его по ветру, чтобы его запах заглушил неприятный запах человека, отпугивающий животных.

Целую неделю мы проработали над устройством ям. Мы сделали целых шесть. Уходили мы из кампонга в восемь часов утра, когда роса уже высохнет. В одиннадцать мы уже были в разгаре работы. Около трех мы шли домой. Сумерек не было. Как только заходило солнце — словно кто-то спускал темный занавес — и в джунглях человеку уже нельзя было оставаться. Кроме ям и сетей, я еще устраивал временные западни для тигров и ставил силки, а для маленьких животных размещал тонкие сетки на деревьях, так что они почти касались земли. Животные попадались в них и запутывались, очевидно, не умея высвободиться. Некоторые, впрочем, освобождались, перегрызая сетку. Западни, ямы и ловушки я расставлял по пути к тем местам, где животные пили воду; дальше чем на расстоянии радиуса в милю я их не помещал, так что всю нашу «военную зону» можно было обойти в один день.

Дикие кабаны и лани доставляли мне много хлопот. Они запутывались в сетях, разрывали плетение. Если только это были не какие-нибудь особенно хорошие экземпляры, я их пристреливал.

Поймал я множество так называемых мышиных ланей⁷ — прелестных маленьких созданий, вышиной от девяти до двенадцати дюймов. Они очень похожи на больших ланей в миниатюре, только ни у самцов, ни у самок нет рогов; они идут на очень вкусное и тонкое жаркое.

Поймал я еще четырех тапиров. У одного из них был теленок — прехорошенькое маленькое животное, которое на первый взгляд не имело ни малейшего сходства со своими родителями. Тапир-мамаша, принадлежавшая к породе, которую малайцы называют «с седлом на спине», была почти вся черная: морда, шея, ноги, бока, только брюхо было серое. А детеныш был карий с белыми пятнышками, полосатый. Мать имела пять футов в длину и четыре с половиной в вышину, весила фунтов двести. Но, несмотря на внушительные размеры, защищаться она не могла. Лучшее, что тапир может сделать, — это спрятаться или убежать.

Мой успех превзошел все мои надежды. Правда, случилось со мной одно несчастье при начале перевозки животных: плот наткнулся на скалу, разбился, и четыре клетки затонули. Несколько маленьких ланей, цивет, обезьян, дымчатый тигровый кот, которого мне было очень жаль, и прекрасный экземпляр бинтуронга⁸ погибли при этом. Люди влезли по грудь в воду, и им удалось спасти остальных животных. Кроме этой неудачи, все обстояло отлично. Дело шло полным ходом, я посылал плот за плотом в четырехдневный путь к старому моему другу хаджи, в Палембанг.

Когда я, наконец, решил, что с меня довольно, я отправился с десятком людей в последний обход той части джунглей, которая доставила мне такую обильную добычу. Когда мы приближались к одной из ям, устроенной около мутной лужи в прогалине джунглей, я вдруг услышал что-то странное: целый хор звериных криков. Различить можно было только рев буйвола и рычание и кашель тигра. Абдул Рахман дал мне мое ружье, и я пошел вперед. Люди теснились за мной. Я двигался медленно, очень осторожно и наконец завидел вдалеке водяного буйвола. Он кружил, нагнув голову, около чего-то, но я не мог сперва разобрать около чего именно. Но вдруг я увидел большого полосатого тигра, полускрытого густой травой. Из черной, гладкой кожи буй-

вола текла кровь: красные пятна виднелись на его боках и затылке. Тигр вспрыгнул с земли. Буйвол наклонился на один бок и боднул своим рогом тигра так, что тот отскочил.

— Хотите видеть битву? — закричал я людям.

— Иа, иа!

— Тогда на деревья!

Малайцы из джунглей лазают по деревьям как кошки. Они обыкновенно надрубают своим ножом небольшую зарубку в коре, которая позволяет им придерживать пальцами ног. Затем взбираются и протягивают руки вниз, чтобы помочь взобраться приятелю. Абдул Рахман, взобравшись на сук над моей головой, схватил у меня ружье, потом быстро сбросил свой саронг и протянул мне его конец. Я ухватился за него и наполовину влез, наполовину был поднят на дерево. Мне очень мешали мои башмаки.

Я устроился на ветке и мог наблюдать за поединком. Оба противника выжидали. Тигр приседал, рычал, а буйвол все кружил. Так прошло несколько минут, вдруг буйвол кинулся и пронзил тигра своими рогами. Тигр отпрянул, потом прыгнул на буйвола и вцепился клыками ему в бок. Потом он вихрем откатился, и я видел только пестроту травы и полос его шкуры.

Малайцы наблюдали за битвой так же страстно, как они обыкновенно смотрят на петушинные бои. Они переговаривались и бились об заклад чья возьмет.

Тигр собрал все силы, испустил свой кашляющий рев и кинулся на голову буйвола. Буйвол встретил это нападение наклонив свою толстую шею. Но сила удара заставила его присесть на задние ноги. Он потрясал рогами, но тигр так вцепился в его голову, словно составлял с ней одно целое. Пока огромная кошка кусалась и царапалась, буйвол старался опять найти равновесие. Наконец, качая на рогах свой ужасный головной убор, он умудрился встать на ноги. С минуту он держал тигра в воздухе, потом, нагнув голову, сбросил его на землю. Медленно, согнув колени, он прижал тигра всей своей тяжестью к земле. Рев... рык... и протяжный кошачий вопль... Буйвол тряс освободившейся головой, фыркающая и мыча. Ноги его дрожали, но, так как тигр лежал ничком, он опять кинулся на него с такой силой, что, очевидно, сломал ему спинной хребет. Вой тигра стано-

вился все слабее и слабее. Вид его безжизненного тела словно придал буйволу новые силы. С фырканием, гневным и торжествующим, он топтал его копытами.

Когда бешенство буйвола утихло, он приостановился. Вся его огромная туша тряслась мелкой дрожью. Из носа и из ран у него текла кровь. И вдруг он начал мычать, жалобно, протяжно мычать.

— Это буйволица,— шепнул мне Абдул Рахман.— Она зовет теленка... Взберемся повыше, туан, и мы увидим.

На месте битвы трава была совсем примята, но дальше она достигала большой высоты, и если мы хотели что-нибудь рассмотреть вдали, то надо было взобраться выше. Мы лезли по ветвям все выше и выше.

— Смотрите! — закричал Абдул.

Он указал на маленькое, темное, лоснящееся тело, лежавшее в густой траве. Это был теленок буйволицы, лежавший на боку и залитый кровью: тигр, вероятно, убил его одним прыжком. Буйволица, шатаясь, пошла к нему. Она стала над ним и начала его звать. Увидев, что он не движется, она нагнула голову и осторожно, бережно приподняла его рогами. Он повис беспомощно, безжизненно.

Абдул сказал мне, и его тон был очень нежен.

— Буйволица и женщина, туан!.. Аллах создал их одинаково!

— Верно,— ответил я.— Но когда женщина в горе, помочь ей трудно. А что касается буйволицы, то с ее горем можно быстро покончить. Сделать мне это?

— Да, туан,— ответил он.— У нее слишком много ран. Пошли ей ту пулю, которая скажет «прощай».

Он протянул мне ружье. Я нацелился и спустил курок. Буйволица не издала ни звука. Она опустилась на колени и упала на тело своего детеныша.

Мы все спустились с деревьев. Мои люди были страшно взволнованы. Они плевали на тигра и проклинали его, даже те, кто держал за него. Буйволицу они хвалили и называли ее красавицей, хотя она в сущности была некрасива. Детеныш, с его длинными ногами, был еще хуже. Может быть, высшим доказательством уважения туземцев к погибшей буйволице было то, что они наклонялись и кричали в ее неслышащее ухо, что у нее сердце быка.

Мясо буйвола слишком грубо для еды. Трупы были оставлены там, где лежали. Тигр был так разодран, представлял собой такую массу поломанных костей и растерзанного мяса, что людям даже не удалось снять его шкуру и голову, чтобы получить те десять долларов, которые голландское правительство дает за каждого убитого тигра. Даже усов нельзя было вытащить. Но один предприимчивый малаец нашел нетронутым одно ухо. Он отрезал его. Абдул сказал мне, что хоть он и не всем талисманам доверяет, но одно несомненно верно: если ухо такого свирепого тигра высушить и носить как амулет на поясе, то ни один живой тигр не осмелится напасть на человека, у которого такая надежная защита.

Когда я вспоминаю о моих приключениях в девственных джунглях Суматры, вспоминаю мои многочисленные удачи и неудачи, ярче всех других встает перед моими глазами картина, как буйволица швыряет своего полосатого врага наземь.

Носорог

Прошло две недели с тех пор, как я уехал из кампонга Абдула Рахмана. Как-то я сидел на балконе у хаджи Синга и полудремал, выздоравливая от сильнейшего приступа лихорадки,— следствия моей поездки в глубь страны. Я погрузился в мечты о Европе, из которых меня внезапно вывел тихий голос хаджи: «Туан, Абдул Рахман здесь».

Абдул был так же рад повидать меня, как я его. Но узнав о том, что я только что начал оправляться от болезни, он не решился сказать мне, что в сущности привело его ко мне. Расспросив его, я, однако, узнал, что два дня тому назад он выехал из своего кампонга (весь путь вниз по реке отнял у него тридцать часов, тогда как вверх по течению мы к нему проплыли то же расстояние в шесть дней, усиленно работая веслами и шестами). Один из его людей сообщил ему, что видел самку носорога с детенышем. А он знал, что, хотя за все время моей предыдущей экспедиции мне удалось поймать множество змей и всевозможных зверей, дете-

ныша носорога я никак не мог раздобыть, а мне его-то и хотелось.

Абдул был прямо взволнован перспективой поимки носорога, да и я совершенно забыл о своей лихорадке ввиду такой возможности. Я решил отправиться в путь на другой же день, к большому огорчению хаджи Синга, который качал головой и уговаривал меня: «Туан, лучше вернись в Сингапур».

Но из-за носорога это отпадало. И на другой же день мы отправились налегке, в сопровождении еще одной лодки, нагруженной рисом, сушеной рыбой, сгущенным молоком и чаем. Кирки и лопаты, необходимые для рытья новых ям,—капканов для носорога, как только будут разысканы лужи, в которых он водится,—уже были в кампонге Абдула.

Носорог — одно из самых трудных для поимки животных. Зрение у него плохое, но зато необычайно тонкое чутье. И поэтому вырыть для него капкан или расставить сети так, чтобы он пошел на обман, требуется величайшее терпение, осторожность и труд. В густых джунглях Суматры очень трудно ловить их и почти невозможно загнать в капкан или по направлению к нему.

Существуют два способа ловли носорогов: в ямы-капканы или при помощи сетей. Яма труднее, во-первых, из-за связанных с ее приготовлением больших хлопот, а во-вторых, из-за трудности подъема провалившегося в нее носорога. Но для зверолова она безопаснее. С другой стороны, сеть не всегда отвечает своему назначению, так как из нее легче освободиться, если животное не поймалось, а только запуталось в ней. Те же, кто должен связать животное и втащить его в клетку, всегда подвергаются большой опасности. Сеть требует неусыпного наблюдения, по крайней мере двух человек, спрятанных на деревьях. Как только они завидят, что животное попало в сеть, они бьют в там-тамы и зывают всех остальных помогать справиться с носорогом.

Но даже когда носорог попался в яму или в сеть, его труднее сохранить, чем какое-либо другое животное. Трудность и опасность заключаются в том, чтобы загнать животное в клетку для перевозки к реке. Клетки тут нужны исключительно крепкие и такого размера, чтобы носорог не мог свободно двигаться в клетке или же сломать ее благодаря своей силе, весу и смерто-

носному рогу. Носорога нельзя гнать или ехать на нем, как на слоне. И загнать такого зверя, всячески сопротивляющегося, в клетку — дело и опасное и волнующее. Легко понять, что туземцы того района, в котором поймают носорога, считают это выдающимся событием в своей жизни.

Обитатели кампонга Абдула Рахмана взялись за приготовления к экспедиции с характерным для них страстным интересом. Весь кампонг зашевелился: мужчины и мальчики собирали ратан и плели из него веревки для сетей. Я выбрал зятя Абдула Рахмана, Мохаммеда Тая, который выказал себя очень смелым и энергичным, служа мне в последней экспедиции оруженосцем и помощником. Он заменил Али, моего храброго друга и товарища, погибшего на службе у меня. Мохаммед не верил своему счастью, когда я сказал ему, что возьму его с собой в Сингапур и в другие места.

В течение следующих дней мы деятельно готовились к нашей ловле. В предыдущую экспедицию мы вырыли множество ям во всем округе Абдула, но безуспешно. Теперь у нас появились новые надежды, потому что на этот раз носорожиха со своим детенышем оказалась совсем в другом, более далеком районе округа. В этих новых местах мы вырыли наши ямы, расставили сети и разместили дозорных на деревьях, чтобы получить вовремя сигнал, если что-нибудь случится.

Неделя прошла без всяких событий. Только раз вечером я наблюдал забавный эпизод. Мне сказали, что туземцы собираются поохотиться на зайцев и маленьких ланей, которые портили им рисовые поля. Способ охоты у них был такой: один из них нес на плече длинный шест, с переднего конца которого свешивалась глиняная сковорода, полная горящих веток и освещавшая дорогу как факел. Сковорода для этого бралась обыкновенная, только один край у нее отбивался, чтобы удобнее уложить горящие сухие ветки. На другом конце шеста привязана была для равновесия корзина с хворостом. Другой нес длинный железный прут, на который надеты были железные кольца, производившие при ходьбе невероятный шум. Еще трое или четверо шли с длинными бамбуковыми кольями футов в пятнадцать-двадцать. Вся эта компания направлялась к окраине заросли, куда ничего не подозревавшие зайцы и маленькие лани

обычно приходили кормиться с наступлением ночи. Как только какой-нибудь зверек появлялся в яркой полосе света, отбрасываемой на землю пылающим хворостом, все кидались вперед, шумя, звеня железными кольцами и окружая перепуганное животное огненным кругом. Бедный зверек редко даже старался спастись, а сидел совершенно оглушенный и ослепленный шумом и светом, пока удар бамбуком по спине не заканчивал его существования. После этого устраивался обильный ужин из свежего мяса.

Почти две недели прошли, пока там-тамы наших сторожевых не возвестили во время нашего ежедневного обхода ловушек, что в сетях что-то есть. Приблизившись, мы услышали шорох ломаемых молодых деревьев и рвущихся лиан, храпенье и хрюканье носорога. Тай, передав мне ружье, побежал вперед с Абдулом.

Но дозорный с дерева крикнул, чтобы мы были осторожнее, так как в сети запутался детеныш-носорог, а мать кружила и кружила рядом, стараясь приподнять его рогами и разорвать сеть. Заслышав шаги Абдула и Тая, она обернулась и кинулась на них. Они едва успели отскочить и укрыться за деревьями, она погналась за ними, мыча и фыркая. Я командовал им разделиться и влезть на деревья. Услышав мой голос, носорожиха остановилась как вкопанная и, быстро обернувшись, кинулась ко мне. Так как нас разделяли огромные деревья, то я просто спрятался за одним из них, притаился, а потом потихоньку перебежал за другое, и так все дальше и дальше. Она остановилась, стараясь найти нас по запаху. К этому времени все уже собрались тут, окружив ее, и она не знала, в какую сторону броситься и на кого напасть. Наконец она, очевидно, решила спасти своего детеныша. И, быстро повернувшись, помчалась к сети, развешенной между двух деревьев и крепко державшей маленького носорога.

Теперь моей единственной целью было во что бы то ни стало удержать мать около детеныша и там ее и поймать. Я командовал Абдулу взять несколько человек и как можно скорее принести сюда еще одну или две сети, из расставленных поблизости. Идея моя была такова: расставить сети в двух различных направлениях, затем разместить за ними людей и этим приманить носорожиху, так что, когда она кинется на них, она неми-

нуемо попадет в какую-нибудь сеть раньше, чем успеет добраться до людей. Абдул и его люди поняли и одобрили мой план и поспешили за сетями. Около десяти человек, Тай и я остались на деревьях.

Детеныш, изнемогший к этому времени от напрасных усилий освободиться, лежал тихо. Тяжело дыша и фыркающая, мать стояла около него подняв голову, ее маленькие свиные глазки угрожающе сверкали, уши были навострены, хвост вытянут, она готова была кинуться в атаку в любой момент. Когда люди, сидевшие на деревьях, начинали переговариваться, она быстро оглядывалась назад, трясла головой и фыркала. Время, пока Абдул и остальные возвратились с двумя сетями, показалось нам очень долгим.

Как только я слышал их приближение, я крикнул Абдулу, где расставить сети, как можно быстрее и острей. Носорожиха, почуяв людей, обернулась и приготовилась кинуться на них, но в эту минуту один из людей, сидевших на дереве над самой сетью, ткнул детеныша в бок длинным, специально срезанным для этой цели колом. Когда мать услышала жалобный рев детеныша, она обернулась и опять кинулась к нему. Таким образом мы мучили и удерживали ее до тех пор, пока обе сети не были расставлены, натянуты и крепко привязаны к деревьям. Когда Абдул крикнул «готово», я приказал ему стать за сетью, не слишком близко, и дать носорожихе кинуться в атаку. Вместо одной сети мы расставили две, так сказать, двойную сеть, потому что животное успело уже очень разъяриться и было настолько опасно, что приходилось прибегать к сетям особой крепости. Но я знал, что, попадись она только в сети, она наша.

Когда Абдул и его люди поместились за сетями, на расстоянии одного прыжка от нижних веток деревьев, мы были готовы к нападению носорожихи. Я скомандовал: «полное спокойствие!». В джунглях воцарилось мертвое молчание. Вдруг раздался громкий возглас Абдула. Нагнув голову и фырая, животное понеслось прямо на сеть. Оно промчалось около десяти ярдов и тут упало, запутавшись в сети, и начало кататься, стараясь высвободиться и запутываясь все больше и больше. Носорожиха боролась изо всех сил, все ее огромное тело корчилось и содрогалось от усилий, при-

поднималось, снова валилось наземь. Она вставала и опять падала, с ревом и фырканием.

Не стану описывать возбуждения зрителей: они обезумели от волнения. Мне пришлось прибегнуть к помощи Абдула и Тая, чтобы успокоить их и заставить взяться за самое трудное дело — за изготовление клетки, достаточно крепкой и поместительной, чтобы в ней устроить и мать и детеныша. Детеныш был приблизительно полуторогодовалый, вышиной в два с половиной фута и весил больше двухсот фунтов. Мать весила от тонны до двух и вышиной была приблизительно в четыре с половиной фута.

Как только Абдулу и Таю удалось успокоить людей, Абдул отправил часть из них рубить молодые деревья, другую часть — срезать и собирать ратан, еще нескольких он послал в кампонг, чтобы запрячь четверку буйволов и привести их сюда, а остальных — расчистить дорогу в джунглях и расширить ее так, чтобы мы могли провезти сани, на которых установим клетку, в кампонг.

Я сказал Абдулу, что, может быть, придется проработать всю ночь, пока мы не доставим добычу в целости и невредимости в кампонг. Я боялся не столько того, что животные высвободятся из сетей, сколько того, что они останутся всю ночь под угрозой нападения тигров и леопардов, которые, если не до матери, то до детеныша уж непременно доберутся. Так случилось у нас за несколько дней до того с попавшим в яму тапиром. К тому времени, как мы вернулись утром к капкану, чтобы забрать тапира, от него не осталось почти ничего. А я вовсе не желал предоставить пятнистым и полосатым друзьям такое дорогое угощение.

Я не видел нигде дровосеков, которые могли бы сравниться по скорости работы с малайцем, управляющимся при помощи своего паранга. Меньше чем за три часа клетка была готова и установлена.

Загнать детеныша в клетку было делом неопасным и нетрудным. Не так было с матерью. Пришлось пропустить веревку позади клетки в переднюю дверцу, затем прикрепить ее к задним ногам носорожихи. Другой конец был привязан к двум подъяремным буйволам, которые и втягивали животное в клетку. По мере того, как его продвигали вперед, с него срезали сеть. Теперь оно было совершенно беспомощно и поэтому безопасно для

стоявших у дверцы людей, обрезавших сеть. Когда его втащили в клетку, дверь заперли, веревку сняли с буйволов и привязали к дереву с таким расчетом, чтобы животному можно было подняться на ноги. Как только носорожиха встала на ноги, подтянули веревку, связывавшую ее задние ноги, и она очутилась в самом заднем конце клетки.

Детеныша держало несколько человек, которые сняли сеть с его морды и обвязали его шею веревкой. Малыш хотел было повоевать немного, но сил у него не было, и люди без особого труда втащили его в клетку с матерью. Потом окончательно заперли дверь, выдернули врытые в землю колья, придерживавшие клетку, и взгромоздили ее на нечто вроде примитивных саней, сделанных для этой цели. Четверо буйволов тянули их. Путь в кампунг начался под веселые крики, пение и пляску счастливейших из туземцев, каких я когда-либо видел.

Было около десяти часов утра, когда мы слышали первые звуки там-тамов, когда мы добрались до кампунга с нашей добычей, была уже почти полночь.

На Борнео

Я только что составил список всех зверей моего зверинца в Сингапуре. Диких зверей у меня оказалось немного. Я недавно продал многих своих животных, и мне надо было пополнить зверинец, так что я решил опять отправиться в экспедицию. Странно, как раз в этот день, в трех или четырех письмах, принесенных мне, содержались заказы на взрослых орангутангов. Америка, Голландия и Австралия — все требовали орангутангов. В последнем письме заключалась настоятельная просьба доставить дымчатого тигра.

Как я мог заметить, эта особая порода тигров — называемая дымчатой по цвету шкуры — очень недолго живет в неволе, и потому на нее постоянный спрос в зоологических садах.

Орангутанги ловятся только в двух местностях во всем мире, а именно, на островах Борнео и Суматре — и только в определенных местах этих островов. Дымча-

того тигра я рассчитывал найти там же, где я буду охотиться на орангутангов. Моя утренняя почта показала мне настоящим «перстом providения», указующим мне на голландский Борнео. Я взглянул на расписание пароходов и позвал Хси-Чу-Ая.

— Чу,— сказал я ему,— через три дня мы едем в Понтианак. Я хочу раздобыть несколько взрослых орангутангов.

По невозмутимому лицу Хси-Чу-Ая я умел узнавать, о чем он думает. На этот раз он был подавлен. Он опустил глаза и взглянул на мою правую ногу, которой я чуть не лишился пять лет назад, когда большой оранг сдал мне щиколотку:

— А твоя неудача, туан...— пробормотал он.

Я засмеялся и напомнил ему малайскую пословицу: «Что вчера принесло неудачу, завтра может принести золото». Хси-Чу-Ай не изменил своего мнения, но проделал салам и пошел готовить все, что надо для пятидневного пути. Я взял место на «Циклопе». Несмотря на громкое название, это было простое китайское грузовое судно, только капитаном его был англичанин. Существует закон, по которому всякое судно, вместимость которого превышает сто тонн, должно управляться европейцами — европейцем капитаном и европейцем главным механиком. Капитаны почти всегда были англичане. С капитаном «Циклопа» я проделал не один переход. Его звали Уилькинсон. Одна особенность была у него, которую никто не мог забыть, кто хоть раз встретился с ним,— это его рукопожатие. Не рукопожатие, а тиски.

Когда я взошел на борт, я протянул ему два пальца.

— У вас лапа орангутанга,— посмеялся я.

— За то, что у меня лапа орангутанга, вы должны рассказать мне какую-нибудь охотничью историю,— со смехом ответил он.

Он пригласил меня пообедать вместе с ним на капитанском мостике. За обедом он спросил у меня:

— Поняли ли вы, наконец, что орангутангов вам следует оставить в покое?

— Если бы не орангутанги,— ответил я,— я бы с вами тут не сидел.

— Послушайте доброго совета, Майер. Ведь это правда, что вы тогда срубили дерево, на котором сидели

две огромные обезьяны, и накинули на обезьян сетку?

Я кивнул головой.

— И одна из них схватила вас за щиколотку и чуть-чуть не откусила вам ногу?

Я должен был признаться, что, действительно, после этой истории я месяца четыре ковылял, переваливаясь, как хромая утка.

— Ладно,— сказал он,— послушайтесь старого моряка: воспользуйтесь этим уроком и держитесь подальше от стариков орангутангов. Уж если так необходимо, ловите младенцев и вскармливайте их на рожке.

— Слишком медленно, не по моему вкусу,— возразил я.— Маленький оранг растет не скорее, чем человеческий ребенок. Мне нужны взрослые.

По этому поводу капитан передал мне рассказы туземцев о необыкновенной силе орангутангов. Туземцы ему рассказывали, что орангутанги даже на крокодилов нападают, что они хватают крокодила одной лапой за верхнюю челюсть, а другой за нижнюю и разрывают чудовище на две части... Я сам слышал такие рассказы на голландском Борнео. Я им не верил, но мои дядки верили, и Уилькинсон верил. Уилькинсон верил также рассказам о нападениях орангутангов на удавов. Туземцы рассказывали капитану, что оранги хватают удавов лапами и загрызают их на смерть. В последний день плавания, выпив три стаканчика джина, Уилькинсон попытался выудить у меня обещание, что я не буду рисковать собой. Я никак не мог убедить его, что некоторая доля риска — неотъемлемая принадлежность моей профессии.

Приехав в Понтианак⁹ после пяти лет отсутствия, я нашел там мало перемен. Он был похож на любой большой город в этой части света. Был там туземный квартал, китайский квартал и европейский квартал. В европейском квартале — низкие каменные дома и дворы, заросшие тропическими деревьями и цветами.

Голландцы поддерживали порядок, издавая законы, простые и несложные, но наблюдая за тем, чтобы они исполнялись буквально. Была тут и армия, состоявшая главным образом из человеческих отбросов: европейцев, бежавших на Восток, чтобы жить отчаянно и бесшабашно, всевозможных метисов и полукровок, но все они были облачены в военную форму и выдрессированы так,

что имели вид хорошего войска, внушавшего некоторое почтение.

Я прежде всего отправился в голландскую резиденцию представиться и получить официальное разрешение на поездку в глубь страны. Там я нашел моего старого приятеля, доктора Ван-Эвмана, занимающего пост резидента. Пять лет назад он был тут же окружным врачом, и я в его доме и под его наблюдением поправлялся от последствий моей схватки с орангутангом. Когда доктор услышал, что я снова приехал охотиться на орангутангов, он и развеселился и возмутился одновременно. Сначала мы с трудом понимали друг друга: он плохо говорил по-английски, как и я по-голландски, но в конце концов мы перешли на малайский — и тут оба уже чувствовали себя как дома.

Он подробно стал расспрашивать меня о нравах орангутангов, которыми интересовался с научной точки зрения. Когда я спросил его, кто всего ближе по анатомическому строению подходит к человеку — шимпанзе, горилла, гиббон или орангутанг, он ответил:

— Если вы ищете своего прадедушку, то я, к сожалению, точно указать вам на него не в состоянии. У гиббона зубы всего больше похожи на наши с вами; горилла приближается к человеку по величине; у шимпанзе позвоночный хребет почти такой же, как у человека; но у орангутанга мозг представляет наибольшее сходство с человеческим мозгом. Впрочем, мозг любого человека — ваш, например, — гораздо тяжелее по весу, чем мозг взрослого орангутанга.

— Очень благодарен, доктор, — сказал я.

Он улыбнулся и пригласил меня остановиться у него, пока я не отправлюсь на охоту вверх по реке.

К сожалению, я принужден был отказаться: я не взял с собой приличного одеяния. У меня были только брюки «хаки» и мягкие рубахи. Голландские чиновники ходили в белых кителях с военными воротниками. «Дхоби» их мыли, колотили камнями и белили на солнце, пока они не делались белоснежными.

Я отправился в гостиницу, и мне отвели маленькую каменную комнату с ванной и отдельной верандой. Я лежал на веранде в пижаме, удобно развалясь на кушетке, беседовал с туземцами и отдавал им распоряжения для предстоящей экспедиции. Особенно долгие собеседова-

ния у меня были с Мохаммедом Таем, моим большим приятелем, торговцем дикими зверями. Он за меня сделал все приготовления и отправил заранее лодку,— двенадцать дней пути вверх по реке,— чтобы предупредить о моем приезде моего старого друга Мохаммеда Мунши. Мунши был главой кампонга. Еще выше по реке у меня был другой старый друг — Омар, тоже старейшина кампонга; его-то деревню я и хотел избрать своей «операционной базой» для ловли орангутангов.

Тай радовался, как ребенок. Он закупал для меня соль, рис, сушеную рыбу и уговорил меня удвоить мой заказ на спички и табак.

— Маленькие огненные палочки принесут большое счастье моим друзьям, что живут вверх по реке,— говорил он.— А табак годится для зубов, привыкших жевать бетель.

— Когда я буду дарить им эти вещи,— ответил я,— я скажу им, что это сердце Тая широко открыло кошелек туана.

Он схватил мою руку и прижал ее ко лбу. Я убедился, что он сделал все, что мог, для моего удобства во время пути. Для припасов была отдельная лодка, а в моей лодке был устроен длинный шалаш с крышей из тростника. Мой китаец-бой привык к таким путешествиям. Когда мы тронулись в путь, у него уже кипел чайник на огне, разведенном в ящике с песком. Я завидовал ему, что у него есть занятие. Я с восторгом стал бы помогать ему в работе, но это было невозможно: в глазах туземцев я «утратил бы касту». И мне предстояли двенадцать дней полного ничегонеделания.

Тропические реки мертвенно однообразны. Вы все время плывете между двумя зелеными стенами. Когда справа или слева в реку вливается ручеек, растительность над ним так густа, что вам кажется, будто перед вами зеленый туннель. А дальше, ярда на три, полный мрак. Слышатся крики и болтовня обезьян, иногда раздаются резкие голоса павлинов, изредка — пение птицы.

Павлины гуляют по берегу, распуская пестрые хвосты, летучие рыбы поднимаются над водой, но все-таки долгие дни текут однообразно.

Я привык молчать. Если я заговаривал с гребцами, они переставали грести, чтобы слушать и отвечать,— и нас относил вниз по течению, так что, если бы я был

разговорчив,— мы живо вернулись бы в Понтианак. Капитан Уилькинсон на прощание подарил мне старый экземпляр «Эдинбургского журнала» Чэмберса,— весь 1848 год, переплетенный в толстую книгу. Это были годы первых локомотивов и пароходов. Во время моего путешествия мне казалось, что время пошло назад. Я лежал на матраце и перевертывал пожелтевшие страницы под мерное, странное и негармоничное пение гребцов.

Вечером на двенадцатый день я завидел издали кампонг Мохаммеда Мунши. Я вынул пистолет и выстрелил в воздух. Очевидно, Мохаммед Мунши ожидал меня, потому что дуло пистолета еще дымилось, когда показался длинный челнок, сделанный из выдолбленного дерева. Сидевшие в челноке люди с криком втыкали шесты в дно реки так сильно, будто хотели разогнать всю воду. Через несколько минут они были около нас: не только Мунши, но и Омар вскочили с мест, схватились за тростниковую крышу моего навеса и впрыгнули в мою лодку. Они поочередно подносили мою руку ко лбу, сияя улыбкой, как счастливые мальчуганы. Их радостный привет заставил меня взволноваться.

Оказалось, что Мунши отправил к Омару, в четырехдневный путь, посла, чтобы предупредить его о моем предполагаемом приезде, и Омар приплыл вниз по течению, чтобы встретить меня. На берег высыпали мужчины, женщины, дети, веселые и радостные,— одна сплошная улыбка.

Южные даяки не похожи на своих северных сородичей. Это народ простой, доверчивый и честный. Трудно поверить, что каких-нибудь двадцать лет назад они охотились за человеческими головами и для храбрости поедали сердца врагов. Они были выше ростом, чем обыкновенные малайцы, и цвет кожи у них был изжелта-коричневый.

На мужчинах был кэйн, кусок набедренной ткани. Женщины, тоже обнаженные до пояса, были одеты в прямые ситцевые юбки, перехваченные поясами из ратана. Они носили меньше поддельных украшений, чем жители других частей острова, но все-таки на их руках и ногах звенело множество тяжелых браслетов. Детишки бегали совсем голышом.

Я был очень доволен, что для меня уже построили дом на сваях с крышей из пальмовых листьев. Он со-

стоял из одной бамбуковой комнаты. К счастью, в этой части Борнео уже исчезли страшные языческие обычаи. У кайанов и у кениев много лет назад был обычай, от которого волосы дыбом встают: при закладке первой сваи дома зарывать в яму, вырытую для сваи, молодую девушку, рабыню. Ее убивали, вкапывая столб; это была умиловительная жертва злым духам, чтобы они не делали вреда семье, живущей в этом доме. Впоследствии вместо девушки стали приносить в жертву животное или птицу.

Во всяком случае, меня незачем было оберегать от демонов: за мной ведь была слава волшебника. Пять лет назад я здесь взорвал речку динамитом. Оглушенную рыбу вылавливали сотнями и заготавливали впрок. Оглушенный взрывом всплыл даже крокодил брюхом кверху. Ну, что могли поделать дьяволы с жилищем такого могущественного белого человека?!

Все начали просить меня опять сотворить такое же чудо. Я заранее приготовился к этой просьбе и с легкостью устроил им еще один чудесный улов. Мне всегда было стыдно ловить рыбу таким неспортсменским способом. Но что поделаешь? Такая ловля заставляла туземцев видеть во мне чудотворца, и они смотрели на меня с благоговением, доходившим почти до поклонения.

Одно затрудняло мои сношения с даяками — я плохо владел их наречием. Правда, в их наречии попадалось много малайских слов, но в целом оно настолько отличалось от малайского, что мне приходилось прибегать к переводчикам — Мунши и Омару.

Я попросил Мунши объявить всем, что, как только стемнеет, я покажу что-то интересное всему кампонгу.

— Скажи женщинам, чтобы они не укладывали детей спать, пока они не увидят и не услышат моего чуда.

Я пригласил детей не только потому, что хотел доставить удовольствие мальчикам и девочкам, но еще и потому, что не хотел их напугать во сне неожиданным грохотом.

Тьма спустилась внезапно — как всегда в тропиках. Чу с непроницаемым лицом китайского идола принес мне ящик. В ящике были все материалы для фейерверка.

Я разместил обитателей кампонга полукругом (я забыл сказать, что их было всего человек полтора),

причем преподавал им наглядный урок вежливости: в первом ряду уселись ребяташки на корточках, за ними женщины на коленях и мужчины позади стоя.

С помощью моего Чу я насыпал маленькие кучки бенгальского огня. Кучки эти я расположил правильным узором, а от того места, где я сам стоял, провел дорожки пороха. Когда все было готово, я решил, что необходимо проделать какой-нибудь обряд. Поэтому я начал торжественно размахивать руками и петь:

Жил-был у бабушки серенький
козлик.

Вот как... вот как...

Се-рень-кий ко-о-о-о-о-о-злик.

После этого я поднес спичку к той точке, в которой сходились мои пороховые дорожки. Огоньки белого пламени побежали по земле... И вдруг вся местность осветилась сперва красным, потом зеленым светом.

Наступило мертвое молчание. И вдруг тишину прорезал женский крик... Очарование было нарушено: крики, шум, смятение, ребяташки кинулись бежать, матери последовали за ними. Из мужчин никто не убежал. Да и надо было иметь больше храбрости для того, чтобы убежать, чем для того, чтобы остаться.

Даяки ненавидят трусость. Они смеялись, чтобы показать свое мужество, а может быть — чтобы скрыть свой страх. Один сморщенный старик закинул голову и испустил старинный воинственный клич даяков... Это было очень странно. Звук начинался тихо, разрастался, опять стихал и снова креп.

После этого я показал им лучшее, что у меня было: китайские ракеты длиной в два ярда. Я поджег концы фителей, и ракеты начали взрываться, взлетали вверх по две и по три и лопались в воздухе. Публика обезумела от восторга. Молодые люди начали дикую пляску и плясали, пока не лопнула последняя ракета.

Когда все успокоилось, я пригласил толпу собраться вокруг меня и поручил Мунши переводить. Я сказал, что приехал за орангутангами и что орангутангов хочу ловить живьем.

После переговоров с туземцами Мунши сказал мне: — Я объяснил им, туан, и они готовы служить тебе,

как пальцы твоих собственных рук. Но они говорят, что эти дикие животные некрасивы, что у них пустые желудки, которые требуют много пищи, и что, когда их накормят, они не работают. Они спрашивают, зачем туан хочет увезти с собой этих гадких животных и держать их в лености и сытно кормить?

Подумав, я ответил ему:

— В далеких краях считается хорошим, чтобы глаза взрослых и детей видели настоящих зверей из джунглей.

Он проделал салам.

— Я скажу им, туан, что на твоей родине лечат болезнью глаз тем, что смотрят на диких зверей.

Этот ответ их вполне удовлетворил, и двадцать человек вызвались помогать мне делать сети и западни. Мне так нетерпелось скорей отправиться вверх по реке за моими орангутангами — я уже считал их моими — что все приготовления достались Мунши.

В кампонге Омара жители были еще добродушнее и проще, чем у Мунши. Мне совестно было разыгрывать перед ними роль мага, дурача их динамитом и фейерверками, но ничего не поделаешь — пришлось и там начать все сначала.

Один из юношей по имени Юсуп был совершенно очарован всеми моими чудесами. Он исполнял мои приказания с таким благоговением, как будто они исходили из уст божества. Его товарищи заразились почтительностью, и у меня еще никогда не было таких усердных работников.

Я объяснил Омару, что хочу поймать хорошей величины взрослого орангутанга-самца при помощи западни, расставленной на дереве. Рисуя на песке чертежи, я объяснил им, что эта ловушка должна быть устроена в виде четырехугольного ящика с подъемной дверкой на одном конце, поднимающейся и опускающейся в пазах. Над ящиком с обеих сторон будут приделаны две палки с поперечной перекладиной. На ней будет лежать в виде качель шест, придерживающий дверку. К свободному концу шеста (не прикрепленному к дверке) будет привязана бамбуковая ветка, просунутая в клетку, а там удерживать ее будет петля. К этой петле я привяжу какой-нибудь фрукт. Когда обезьяна схватит фрукт, петля освободится, отпустит шест, и дверца захлопнется (система мышеловок).

Большое преимущество подобных ловушек состоит в том, что ими можно пользоваться и как переносными клетками. Я их делал из плотных бамбуковых палок. Они крепко переплетались ратаном и укреплялись перекладинами. Пазы, в которые вкладывалась дверца, были из толстых бамбуковых стволов, срезанных с одной стороны так, что в поперечном сечении получалась как бы буква «с». Пазы были отполированы до гладкости. Наверху дверцы были крепкие петли, которыми она запиралась. Я очень внимательно проследил за тем, чтобы клетки были в полном порядке, помня неприятное приключение, которое мне пришлось пережить в Сингапуре.

Я тогда продал двух почти взрослых животных. Покупатель поместил их в транспортные ящики из досок. Мистер Гаас, хозяин гостиницы, разрешил ему временно оставить их в гостинице, в зале, служившем для театральных представлений, где была устроена сцена и декорации.

В одно злополучное утро меня разбудили спозаранку: оба орангутанга вырвались; не могу ли я прийти и поймать их? Пока я одевался наспех, я велел привести побольше людей с ратановыми тростями и во что бы то ни стало разыскать побольше там-тамов. Мой рикша был в полном изумлении, но покрыл дистанцию до гостиницы в рекордное время.

Положение оказалось не таким уж безнадежным. Животные, правда, вырвались из клеток, но из зала они еще не успели удрать, а окна и двери в зале были закрыты. Несколько туземцев — прислуга гостиницы — готовы были помочь в поимке. У каждого была трость и почти у каждого там-там. Один из них, кажется повар, вооружился огромной сковородой и металлической ложкой вместо там-тама. Я тоже взял там-там и трость, открыл дверь в зал и быстро запер ее за собой. Оранги, самец и самка, года по четыре или по пять каждый, совершали обход помещения. Они чувствовали себя как рыбы, вынутые из воды: их стихия — деревья. Они чувствовали себя дома только там, где были деревья и где в чаще листьев можно найти воду. Здесь, в зале, они медленно прогуливались, поворачивали головы из стороны в сторону и смущенно мигали маленькими темными глазками. Когда они стояли во весь рост, их

необыкновенно длинные руки касались пола. Сжав кулаки, они ходили на руках как на костылях.

Когда я вошел, орангутанги прекратили свою прогулку, прижались один к другому и уставились на меня. Я ударил в там-там. Они вытянули вперед по одной руке, словно защищаясь от удара.

— Уф! — фыркали они своими грубыми голосами, — уф!..

Я позвал людей. «Загоняйте их в открытые клетки! — приказал я. — Не бейте их, но шумите как можно сильнее».

Я упустил из виду, что мне нужно было всех моих помощников расставить перед сценой. Оранги с изумительной быстротой взобрались на сцену и полезли на картонные деревья. Там они и засели, смотря на нас сверху вниз и фыкая.

— Бейте в там-тамы! — закричал я людям. — Больше шуму!..

Я понял, что должно неминуемо произойти. Оранги перескакивали с одной нарисованной ветки на другую. Крашеный холст разорвался во всю длину, непрочные деревянные подрамники рухнули с треском на пол, оранги свалились вместе с ними.

Ушиблись они не сильнее, чем ушиблись бы резиновые мячики. Через секунду они уже раскачивались на другой ветке. Как только ветка начинала трещать, они вытягивали свои длинные руки и хватались за соседнюю. Они перелетали с ветки на ветку до тех пор, пока все то, что изображало роскошную тропическую и романтическую местность, не превратилось в лохмотья и клочки. Сквозь барабанный бой я услышал крики и стук в дверь зала.

— Нельзя входить! — завопил я в ответ.

Это был хозяин, мистер Гаас.

— Берегите декорации! — взывал он. — Смотрите, чтобы с ними ничего не случилось!

— Постараюсь, как могу! — прокричал я ему в ответ.

Когда от декораций ничего не осталось, дело пошло на лад. Мы пустили в ход весь имевшийся в нашем распоряжении шум, а также палочные удары. Самец схватился за мою бамбуковую палку; я не стал оспаривать у него своей собственности, а сейчас же схватил новую. Он испугался и бросил свою. Погонись за нами с пал-

кой, он, может быть, и остался бы победителем. У этих животных колоссальная сила, но они совсем не умеют пользоваться ею. Мы порядочно устали, когда наконец загнали их в клетки. Для тропиков дело было слишком горячее. Оранги пили большими глотками воду, ели плоды хлебного дерева и говорили «уф», как будто они здорово повеселились.

Вышли они из клеток — по крайней мере самец — очень простым способом. Он нашел в одной из досок клетки расщелину и начал забавляться, раздирая ее своим клыком; после этого он еще отодрал кусок щепки и еще, и еще — и так буквально прогрыз доску. Тогда он сломал ее. Влезая на другую клетку, он, может быть и случайно, открыл дверную петлю.

Я с удовольствием соображал, что никаким клыком нельзя расщепить бамбук. И вообще я был совершенно спокоен за те клетки, которые мне приготовили люди Омара. Конечно, я понимал, что, если бы взрослый самец пустил в ход свои мощные руки, не удержались бы никакие ратановые веревки и все полетело бы к черту. Но орангутанги не пускают в ход руки, они не умеют драться руками и наносить удары вперед. Их способ нападения таков: они тащат к себе и кусают жертву. Когда они ломают ветви, чтобы строить себе площадки для спанья, то и это они всегда делают движением к себе — притягивая ветку. Они не ломают их, как это делает человек. Потом они с невероятной быстротой кое-как укладывают их крест-накрест на ветвях дерева. Но меня всегда удивляло не то, что они делают, а то, как мало они умеют делать, несмотря на свою чудовищную силу. Даже в неволе, когда их дрессируют, они выучиваются очень туго. Шимпанзе можно научить многому, чего никогда не одолеет орангутанг.

Омар приготовил по тому образцу, за постройкой которого я лично наблюдал, несколько ловушек из бамбука, а также и клеток для пойманных животных. Потом я вернулся в кампунг Мунши, чтобы посмотреть, как у него идут дела. Я был очень обрадован: там меня уже ожидал великолепный дымчатый тигр, о котором я мечтал. Если бы я увидел его в зоологическом саду я принял бы его с первого взгляда за мексиканскую дикую кошку. Но он был темно-серого цвета с неправильными черными полосами, тогда как у мексиканской кошки полосы

обыкновенно идут кругами и сходятся в центре в пятно вроде цветка.

Пятнистый (дымчатый) тигр¹⁰ — самое большое животное кошачьей породы на Борнео, но он не больше леопарда и не очень свирепого нрава. Я знал жену одного капитана, которая держала такого тигра у себя в доме. Она получила его тигренком. Он, правда, ходил всегда в ошейнике и на цепочке, но только потому, что был очень падок до кур, во всем остальном с ним обращались как с большой кошкой. Он и вел себя как кошка. Он мяукал, ложился на спину, чтобы ему погладили брюшко, мурлыкал, когда был доволен, и выгибал хвост, если слишком близко подходили к его еде.

Мунши поймал для меня великолепный экземпляр. Впоследствии мы отправили его в Австралию.

Между пойманными Мунши животными была еще длинноногая обезьяна¹¹. Она была ростом в два с половиной фута, а нос у нее был длиной в целых три дюйма. За всю мою долголетнюю работу я только четырех таких обезьян поймал. Они самые боязливые из всей обезьяньей породы, не исключая гиббонов; и у них очень некрасивые морды и скверный характер. Даяки считают их потомками людей, убежавших в леса, чтобы избавиться от налогов и податей.

Люди Мунши поймали для меня еще нескольких бинтуронгов, полдюжины мышиных ланей — самых маленьких ланей в мире (эти крошечные создания не бывают больше девяти дюймов вышиной), двух «медовых медведей» (местное хищное животное величиной с кошку, с длинным, выдвигающимся далеко вперед языком, который служит ему для того, чтобы опустошать ульи диких пчел) и множество других небольших зверьков.

Когда я осмотрел всех попавшихся зверей, то некоторых пришлось подстрелить за негодностью, а остальных я поручил заботе Мунши, указав, как с ними надо обращаться, и опять отправился вверх по реке Меларир, к Омару, чтобы закончить свою ловлю орангутангов. Работа ловушек была превосходной. Юсуп взял на себя ответственность за каждую из них. Когда я расхвалил их, он был очень горд и доволен. Пока я пробовал, как поднимаются и опускаются дверцы, он не спускал с меня глаз. Я сказал ему по-малайски: «Идут свободно, как текучая вода».

Он понял мои слова и громко рассмеялся от радости.

Установка ловушек в джунглях заняла у нас целый день. Мы не выбирали такого дерева, где орангутанг уже устроил себе платформу, вроде гнезда, для ночлега; но дерево все же должно было быть поблизости от такого ночлега и, кроме того, иметь удобное разветвление, чтобы привязать ловушку. Обычно Юсуп первый находил подходящее дерево. У него точно был какой-то инстинкт, который вел его. Как только он нападал на такое дерево, он приставлял к стволу свой длинный бамбуковый шест с зарубками и взбирался по нему, как кошка. Трое или четверо мужчин следовали за ним. Потом на ратановых веревках втаскивали на дерево клетку, дверцей внутрь. Ловушка укреплялась так прочно, будто она выросла на этом дереве. Потом ее замаскировывали листьями и ветками и прикрывали зеленью и ползучими растениями. После этого Юсуп привязывал внутри какой-нибудь плод и открывал дверцу. Ловушка была готова.

Я задумал сперва устроить из наших ловушек, так сказать, даровые рестораны. Я полагал, что ни один орангутанг не откажется войти в ловушку, пока не увидит, что другие обезьяны делают это и выходят целыми и невредимыми. Обезьяны никогда никаких своих открытий не проделывают молча, наоборот, сопровождают все свои действия громкой болтовней. Их крики наверно привлекут внимание орангутангов, рассчитывал я. А когда орангутанги заинтересуются нашими клетками, они живо прогонят остальных обезьян. Итак, мы поместили семь таких ловушек на протяжении всего полумили. Мы каждый день осматривали их, и если плода не оказывалось, подвешивали новый. Как-то, во время одного из моих обходов, я завидел в листе ржаво-бурую шкуру старого оранга. Он сидел скорчившись на ветке, держась за другую ветку одной рукой. Я видел, что в свободной руке у него шевелилось что-то живое. Он сидел около птичьего гнезда: очевидно, он поймал птицу. Он перебрался повыше и устроился понадежнее. Потом сверху начали сыпаться перышки, а затем и кости. Он съел птицу.

Я слышал, что оранги едят птиц, но не верил этому до сих пор. Я делал опыты в своем сингапурском зверинце: клал орангам в клетки и сырое и вареное мясо,

они не дотрагивались до него. Может быть, если бы я предложил им живую птицу в перьях, они бы соблазнились ею. Когда старик заметил, что я стою тут и наблюдаю за ним, он заворчал, показав мне все свои некрасивые зубы, и прыгнул прочь.

Когда наши плоды начали регулярно исчезать — настало время по-настоящему оборудовать наши ловушки. Срезаны были все ветки, мешавшие дверцам двигаться, и повешены были свежие плоды. Юсуп всегда настаивал на том, чтобы самому влезать в ловушку, схватывать плод и проверять, хорошо ли действует дверца. Самой трудной ловушкой была та, в которой мы вешали гуавы. Гуава имеет крепкие плоды, которые не скоро портятся. Орангутанги очень разборчивы по отношению к фруктам: они, например, никогда не дотронутся до неспелого плода. Юсуп привязывал гуавы к ратановым веревкам и развешивал их фестонами. Он не старался, чтобы они имели естественный вид. Ловушка была не на дереве гуавы. А животные в диком состоянии осторожны только там, где сама природа учит их быть настороже.

На следующий день мы нашли дверцу этой ловушки захлопнутой. Юсуп влез на дерево и заглянул в ловушку. Он не закричал громко, потому что это было строго запрещено, но по движениям его стройного тела я уже видел, что он в восторге. И неудивительно, когда клетку опустили, оказалось что у нас двойная добыча: в ловушку попала самка орангутанга с детенышем, который прижимался к ее груди. Я был в таком же восторге, как и Юсуп. К тому же я знал то, чего он не знал, — это будет особенно ценная парочка для продажи.

Все были в восторге. Клетку опустили, привязали к ней шесты для переноски и торжественно понесли ее в кампонг, где добычу ожидала большая удобная клетка. Ее стенки были сделаны из тонких стволов молодых деревьев, обтесанных и врытых в землю, потолок был также из жердей, а над клеткой — и над этой и над другими — был устроен навес с крышей из тростника, чтобы защитить пленников от солнечного зноя, дождя и росы.

Мне стоило больших трудов удерживать туземцев от разных поступков, которые могли бы напугать моих орангов. Первые дни неволи были трудными как для животных, так и для меня.

Я узнал, что туземцы совершенно не понимают заботы о животных. Поэтому я прибегнул к маленькой хитрости. Я начал хвататься за голову обеими руками и попросил Омара сказать людям, что у туана больные уши и что для него всякий шум — все равно, что раскаты грома... После этого в кампонге стало тихо, как в пустой церкви.

Когда самку орангутанга с детенышем заперли в клетку, она пришла в неопишемое бешенство. Ее рот все время искажался злобной гримасой. Я отправил всех прочь и поручил ее заботам того старика, который во время фейерверка издавал воинственный клич.

Никому не позволялось подходить даже к забору, которым мы обнесли навес. Пленнице давали кипяченую воду, но еды пока не давали. Этому я выучился с моими зверями: если сразу дать пойманному животному пищу, то в девяти случаях из десяти оно будет отказываться от еды, капризничать и скучать. Но если ему дать хорошенько проголодаться и тогда накормить, оно будет есть и сразу повеселеет. В скором времени наша пленница привыкла к своему старому сторожу и даже привязалась к нему. Она перестала сердиться. Но она никогда не была так весела, как другие породы обезьян попавшие в неволю.

Позднее я поместил в соседнюю с ней клетку небольшого орангутанга, пойманного при очень странных и страшных обстоятельствах, укрепивших меня в моем мнении, что орангутанги — животные общественные, а не одиночные.

Если охотник идет с ружьем и, увидев оранга, выстрелит в него, то больше он уже ни одного оранга не увидит. После хотя бы одного выстрела их не найти. Они словно по волшебству исчезают в джунглях. Но моя тихая работа их не пугала. И мне случалось их видеть группами — по восемь, десять, даже по двадцать штук; пока мы не поймали молодого оранга, о котором упоминал, я не разделял уверенности туземцев, что оранги — опасные звери, даже когда на них не нападают. Мне предстояло еще многому научиться.

В этот день мы отправились из кампонга в количестве шестнадцати человек. Надо было осмотреть много ловушек, и мы разделились на группы. Омар и еще шесть человек пошли со мной. Мы миновали две пустых

ловушки. В третьей оказался хорошей величины самец. Как раз, когда мы стали спускать клетку наземь, мы услышали крики о помощи. Двое туземцев прибежали к нам и, задыхаясь, объяснили что-то; я не понимал их взволнованных слов. Они были в крови и изранены, так как кинулись напролом через чашу джунглей, не обращая внимания на колючки и шипы. Я уловил имена Юсупа и Абдула. Омар перевел мне их слова: Юсуп и Абдул были убиты.

Старейшина ударил тревогу, выкрикивая странные слова, кончавшиеся чем-то вроде воинственного клича даяков: это означало, что он сзывает всех, кто услышит.

Тем временем, немного отдышавшись, прибежавшие стали рассказывать на своем резком даякском наречии, а Омар переводил мне на малайский язык. Оказалось, что их группа с Юсупом во главе напала на занятую ловушку. Юсуп быстро взобрался на дерево. Он заглянул в щели и крикнул вниз, что оранг попался совсем молодой. Потом начал своим парангом разрезать ратан, державший клетку. Раньше, чем остальные успели влезть к нему на дерево, мать пойманного детеныша, притавшаяся в верхних ветках, кинулась на него и впустила острые зубы ему в плечо. Он схватился за клетку, которая свалилась вниз, увлекая его и самку оранга в своем падении. Юсуп ударился головой о землю, а клеткой придавило его тело. Товарищи поспешили к нему на помощь, с криками они вонзили свои копья в самку оранга. Абдул стоял под деревом. Совершенно неожиданно, без какого бы то ни было крика или звука, на несчастного прыгнул огромный самец-орангутанг и свалил его на землю, прокусив ему горло, и затем, сдавив огромными лапами голову, убил его.

Оставшиеся в живых думали, что джунгли полны орангутангами. Однако, несмотря на страх и утомление, они отправились с нами на место катастрофы. Омар шел во главе. Я за ним с ружьем наготове.

Внезапно старейшина остановился и указал вперед. Я увидел картину, которую никогда не забуду. Под клеткой, упавшей дверцей вниз, лежало бездыханное тело Юсупа. Раненая самка трясла перекладины клетки и старалась высвободить своего детеныша. Самец скакал по трупу Абдула. Он схватил лапой густые волосы даяка и приподнял его голову с земли. Я прицелился и уло-

жил его на месте. Раньше чем я успел прицелиться в самку, она сама упала и издохла от ран. Мы починили ловушку, которая была сильно повреждена, и взяли детеныша орангутанга с собой. Убитых Юсупа и Абдула мы на носилках донесли до окраины джунглей. Там, по моему совету, и схоронили их, зарыв глубоко в землю.

Это двойное несчастье переполнило меня чувством невольной вины. Юсуп совершенно не берегся. Он взобрался на дерево, даже не посмотрев, нет ли поблизости других орангутангов.

Но ведь он исполнял поручение белого человека, а белый человек был волшебник... Юсуп встретил свою смерть потому, что слишком верил в мое могущество; эта вера возникла в нем, боюсь, благодаря чуду с красными и зелеными огнями.

История пирата

Пока я ожидал в кампонге окончания изготовления моих ловушек, я заметил там одного туземца со шрамами на лице, который держался как-то в стороне от других. Омар рассказал мне, что его зовут Кассин и он болен странной, очевидно, нервной болезнью, которая выражается в потере власти над собой. Например, если при нем произносилось определенное слово, это заставляло его вскакивать и кричать, или же, если вдруг кто-нибудь громко вскрикивал и делал вид, что начинает драться, больной немедленно издавал такое же восклицание, начинал избивать всех окружающих и не мог никак остановиться, пока не пройдет припадок. Когда припадок кончался и Кассин приходил в себя, он начинал горько упрекать шутника, вызвавшего этот приступ.

Омар засмеялся, когда я спросил у него, откуда у старика такие шрамы. Он сказал: «Кассин не из нашего кампонга. Он с севера. Он из «племени пиратов», или, вернее, его остатков. А когда-то это были самые жестокие и наводившие ужас пираты по всему побережью Борнео».

Он позвал Кассина и приказал ему рассказать туану, как он был пиратом под предводительством раджи Сзида Рахмана и каким образом раджу и его пиратов

уничтожили. Беззубый рот Кассина расплылся в улыбке и его единственный глаз засверкал, когда старик уселся перед нами на корточки, чтобы рассказать свою историю. Другие туземцы столпились вокруг нас. Даже женщины и ребятишки бродили поблизости, надеясь услышать, как Кассин будет рассказывать о своих пиратских и разбойничьих днях. Потому что они — сущие дети в своем суеверии и поклонении героям — считали Кассина заклинателем, не боящимся никакого ханту (духа). Кроме того, сами они были уроженцы джунглей, редко попадали на берег моря и страшно любили рассказы о морских приключениях.

— Кассин, — сказал Омар, — Расскажи, в какой части Борнео был ваш кампонг, сколько народу было у вашего раджи, сколько морских судов, и что вы делали, когда нападали на какой-нибудь корабль и брали в плен матросов. И про сухопутные набеги... про все ты Расскажи туану, что вспомнишь.

Кассин кивнул головой, приговаривая:

— Би, туан, би (Хорошо)! — Потом он положил в рот «сери» и начал свою историю. Я хотел бы передать ее его словами: рассказ был полон картинных выражений; эти люди видят вещи по-своему и выражают их тоже своеобразно. Но после стольких лет я могу только пересказать содержание его рассказа.

«Когда мне было двенадцать или тринадцать лет, — начал Кассин, — меня вместе со всеми женщинами, детьми и рабами нашего кампонга захватил во время своего налета Сэид Рахман и увел в свое укрепление на северном берегу Борнео. Люди племени Сэида Рахмана были самые могущественные пираты в этих водах. Сэид Рахман был раджей над четырьмя тысячами подданных. Говорили, что жизнь его заколдована, у него был амулет, который хранил его от всякой опасности. У него было двенадцать военных судов, каждое восьмидесяти футов в длину и в семьдесят весел. А на шести из них были две четырехфутовые медные пушки.

Не было такого торгового судна, на которое он боялся бы напасть и увести в плен, а когда это случалось, груз и все ценное он забирал себе, капитана убивал, а матросов обращал в рабство. Потом он сжигал корабль. В этих водах мало судов принадлежало белым. Он собирал дань с каждой лодки, главным образом с китай-

ских джонок; с этих он всегда получал богатую добычу. Китайцы сражались храбро: из них половина сами были пираты. Они привязывали к бортам сети из ратана, чтобы помешать нам брать их на abordаж, и лили на нас кипяток и кипящее масло, когда мы приближались. Я так потерял глаз из-за одного китайца. Но он заплатил мне за это своей головой.

Для Сэида Рахмана было все равно — большое судно или маленькая лодка, он одинаково нападал и на те и на другие. Однажды он напал на английский судно, убил капитана и офицеров и сжег корабль. Но это не прошло ему даром. Вскоре его укрепление разрушили, его самого казнили, а народ его рассеяли по всем концам страны. Вот как это было.

Английский капитан и собственник судна в сто пятьдесят тонн вышел в одно утро из Биуни с грузом, за который было заплачено наличными. Сэид Рахман, прослышав, что у капитана на борту с собой много денег, решил взять его в плен. Не отошел корабль и пяти миль, как Сэид Рахман напал на него на четырех семидесятивесельных судах. Англичане пробовали сопротивляться, но что могла поделывать горсточка людей с тремя сотнями вооруженных пиратов?.. Сэид Рахман привязал сына капитана к якорю и пригрозил капитану, что, если он не отдаст ему денег или не скажет, где они спрятаны, он спустит мальчика на якорю в воду. Капитан отрицал, что у него на судне есть деньги. Тогда Сэид Рахман без дальних слов выбросил мальчика в море, а капитана подверг жестоким пыткам. Он пытал его в продолжении многих часов. Отрезал ему пальцы, сустав за суставом, подверг его неслыханным зверским истязаниям, наконец бросил окровавленное бездыханное тело на палубе. Все его офицеры были перебиты, а туземные матросы забраны в плен. Потом корабль подожгли и покинули его.

Это, туан, один из сотен подвигов кровожадного Сэида. Все торговые суда гибли от его рук. Но самые ужасные жестокости творил он среди туземцев. Он и его пираты не только грабили по морскому побережью, они проникали и в глубь страны по рекам. Туземцы никогда не были в безопасности. В любую минуту они могли ждать нападения. Лодки их уводились или уничтожались, поселения их выжигались дотла, их нивы опусто-

шались, а женщин и детей победители уводили с собой. Пираты собирали отрубленные головы своих жертв в корзины и уносили их в свои владения.

Главный дом Сэида Рахмана представлял вытянутое в длину строение, балки которого были украшены головами врагов, повешенными в ряд, точно бусы, нанизанные на веревку. Они были раскрашены самым фантастическим и страшным образом. В орбиты у них были вставлены искусственные глаза из дерева, и от этого они казались еще страшнее. Черепа постоянно двигались от ветра и стучали один о другой. Сталкиваясь, они кивали и показывали зубы в злобной усмешке, точно живые.

Жестокость Сэида Рахмана была невероятной. Для него подвергать беспомощного человека — мужчину или женщину — продолжительным пыткам было самым любимым развлечением и забавой; и всякую выдумку, которая могла прибавить еще мучений к агонии его жертв, он щедро награждал.

Мужчины и женщины, сидевшие кругом и слушавшие Кассина, дрожали, качали головами и ближе прижимались друг к другу.

Кассин хихикнул и продолжал:

— Когда вести об убийстве английского капитана дошли до англичан, они послали военное судно и охотились за нами много дней. Они поднялись за нами по реке вплоть до укрепления Сэида Рахмана.

Тут мы дали нашу последнюю битву. Шесть наших военных судов с двумя пушками были расставлены по реке, сети из ратана протянуты, чтобы помешать англичанам взять нас на abordаж. На берегу позади шести домов было сделано заграждение из бамбука, а за ним размещены легкие орудия. И вот, туан, когда Сэид Рахман расставил свои лодки по реке и медные пушки его обращены были дулами к английскому судну и когда он срезал канаты, укреплявшие заграждение, за которым помещались пушки, он подумал, что английское военное судно в его руках. Он собрал всех своих людей, чтобы они были готовы взять английское судно на abordаж, как только он пустит в ход свои пушки и разобьет судно.

Тут Кассин опять засмеялся и положил в рот еще порцию «серии».

Слушатели, сидевшие с открытыми ртами, закричали ему:

— Арбис, арбис (Кончай, кончай)!

— Но, туан,— продолжал Кассин,— он не знал, с каким судном он имеет дело. Он скомандовал открыть огонь из восьми пушек, но ядра только стукались о стенки судна и падали в воду. Вдруг, в одно мгновение, английское военное судно точно вспыхнуло. Огненный язык взвился у него с одной стороны и с грохотом, который и теперь звучит в моих ушах,— все рушилось... Там, где минуту назад были лодки, пушки, люди, сейчас не было ничего. Двести человек было убито сразу. Рухнувшие дома начали загораться. Те из нас, кто каким-то чудом спасся, разбежались во все стороны. Пока мы бежали к джунглям, матросы преследовали нас ядрами легких орудий. Теперь мы остались без вождя, потому что Сэид Рахман был убит одним из первых выстрелов большой пушки. Суда наши затонули, а люди почти все были перебиты, те же, которым удалось выплыть, стали добычей крокодилов, привлеченных запахом крови.

Англичане высадили своих солдат и предали огню всю деревню. Через час после первого пушечного выстрела не было видно на всем берегу ни одного дома, ни мужчины, ни женщины, ни ребенка. Все было сметено с лица земли. Как будто могущественный пират Сэид Рахман и укрепление пирата никогда не существовали на свете.

Немногие уцелевшие мужчины бежали с женами и детьми в джунгли и оттуда отправились дальше по реке. Рабы погибли в джунглях; лишь некоторые из них пробрались к своим племенам. Я спасся и бежал, работал в Сингапуре матросом, потом в Понтианак и наконец вместе с Омаром приехал в его кампунг, где и надеюсь кончить свои дни».

Я часто слышал от малайцев рассказы о жестоких малайских пиратов, но все это были рассказы с чужих слов. А здесь был живой очевидец, обломок прошедших времен, который рассказал свою историю без всякого хвастовства и прикрас, именно так, как было дело. Кассин был одним из моих плотовщиков, и я обещал сделать ему подарок в Понтианаке в награду за его рассказ. Он был очень доволен и осклабился в знак благодарности. Определить его возраст было невозможно,

потому что совершенно невозможно было разобрать, где были рубцы и шрамы, а где морщины. Но его единственный глаз блестел добродушным, веселым задором, и мне не верилось, что человек с таким ласковым взглядом рубил наотмашь головы своим врагам.

Мы побеждаем горных духов

Одно темное пятно оставалось на истории всех моих походов, которое я должен был, как бы то ни было, уничтожить: моя неудача с восхождением на Гору Духов не давала мне покоя. И через три года после моей первой злополучной попытки мне представился случай загладить неудачу, поправить свою репутацию и удовлетворить любопытство, взобравшись на вершину горы.

С шестью даяками, так великолепно помогавшими мне в охоте на орангутангов в Борнео, и моим боем Чу-Аем я прибыл в куалу Тренганы. Султан и Тунку-Безар встретили нас очень сердечно. На них, как и на всех жителей куалы, большое впечатление произвели мои даяки: они были светлее кожей и выше ростом, чем обыкновенные малайцы, но одевались так же, как и те — в саронги и тюрбаны на головах. Туземцы приняли их дружелюбно и гостеприимно. Интересно было наблюдать за Чу-Аем, когда он повел даяков с собой на местный рынок. Султан дал им четырех телохранителей, и они, точно целый полк, выступали по улицам, нагруженные провизией.

Я сообщил султану мой план восхождения на Гору Духов. Он постарался отговорить меня, и когда я попросил у него людей, он покачал головой и сказал:

— Туан знает, что на этой горе есть злые духи. Они опять пошлют туану неудачу. Из-за полосы зыбучих песков еще никто не возвращался назад... Мои люди не пойдут.

Но я твердо решил выполнить свое желание. Бесполезно было бы убеждать людей султана сопровождать меня: они все равно дезертировали бы. Впрочем, он согласился дать лодки и людей в мое распоряжение, чтобы проводить меня до кампонга Уэн-Мэта, откуда в сухости и начиналось самое путешествие.

Я оставался в куале четыре дня, заготавливая запасы риса, сушеной рыбы и факелов из дамара, пока приводились в порядок лодки. В утро нашего отъезда султан послал за мной и сказал, что он отправляет со мной одного из своих племянников, Тунку-Юсупа, который прикажет Уэн-Мэту в свою очередь сопровождать меня для охраны от сакаев. Я был очень тронут этим новым доказательством заботы о моей безопасности.

Пять дней спустя после того, как мы покинули куалу, мы прибыли в наш отправной пункт — в кампонг Уэн-Мэта. Уэн-Мэт принял меня и Тунку-Юсупа со всеми знаками радушия и любезности, на какие только был способен. Он вспомнил и Чу-Ая и сердечно приветствовал его. Даяки мои были для него новостью, и он прямо глаз не мог от них отвести. Мы прибыли в его кампонг утром. К вечеру для нас уже были выстроены три хижины.

Этим вечером мы сидели у Уэн-Мэта на веранде. Тунку-Юсуп передал ему приказ султана. Он склонил голову в знак согласия, но видно было, что особенного энтузиазма перспектива нашей экспедиции в нем не вызвала. Я объяснил ему, каким образом намереваюсь побороть встретившиеся мне в последний раз препятствия. Сказал, что с моими даяками, которые не боятся ни людей, ни зверей, ни духов, я уверен в успехе. План мой был таков: я хотел прорубить дорогу в двадцать футов шириной, начиная от полосы зыбучих песков до подножия горы, и от подножия до ее вершины. Потом сжечь срубленные деревья и таким образом открыть совершенно новый край, куда до тех пор, по уверениям старожилов, не ступала нога человека. Спутанные заросли лиан, вьющихся растений и кустарников были непроходимы — проделать среди них просеку было делом нелегким. Но я употребил всю силу убеждения, чтобы доказать Уэн-Мэту, что мои даяки не боятся никаких чар и что рубка деревьев и стук топоров будут пугать диких зверей и отгонять их с нашего пути, так что в конце концов мы победим Гору Духов. И он будет не только пенг-хулю брани (смелый вождь), но еще и получит, подобно мне, славу пауанга (волшебника). Это произвело на него сильное впечатление, и после некоторого размышления он заявил, что он и его люди пойдут со мной.

— Где Нэйзар, Уэн-Мэт?.. Он все еще в твоём округе? Он мне тоже нужен,— сказал я.

— Да, Нэйзар как раз приехал сюда десять дней назад, чтобы выменять сырой каучук на рис.

— Возьми кого-нибудь из своих людей, иди к пескам и дай ему сигнал, чтобы он возвращался в кампонг.

— Хорошо, туан.

На следующий же день он отправился, захватив с собой трех-четырёх мужчин. Они были в отлучке часа два-три, как вдруг мы услышали удары в пустую колоду — это был гонг Уэн-Мэта. Мы слышали глухие удары в течение минут десяти, потом их темп изменился: два коротких удара, пауза и четыре удара. Мужчины кампонга кивнули головами и ослабели. «Нашел его, туан!»

Немного времени спустя, Уэн-Мэт вернулся в сопровождении Нэйзара и ещё двоих мужчин.

Нэйзар узнал меня и оскалил зубы в приветливой улыбке. Но когда Уэн-Мэт представил его Тунку-Юсупу, племяннику султана, он испугался. Он никогда ещё не разговаривал с принцами. Тунку уверил его в благожелательстве султана и презентовал ему саронги и паранги, которые захватил с собой для подарков. Нэйзар согласился сопровождать меня после бесконечной лести и обещаний щедрых даров. На следующий день он ушел, нагруженный подарками и запасами риса и рыбы, готовый отправиться на гору хоть сейчас же.

Целых пять дней мы заготавливали наши запасы, постели, утварь для стряпни и прочее, а также готовили кайанги — толстые циновки из пальмовых листьев, сшитые ратаном, которые натягиваются на шесты и служат превосходными водонепроницаемыми крышами. Их можно переносить, свертывая в длинные трубки весом в каких-нибудь пять-шесть фунтов.

Мои даяки держались немного свысока и в стороне от обитателей кампонга Уэн-Мэта, и я решил использовать это, чтобы заручиться помощью Уэн-Мэта и его людей. Я сказал даякам, что, когда дойдет дело до вырубки просеки, они увидят, как умеет работать народец из джунглей. Они выпрямились, и глаза их заблестели.

— Туан, мы им покажем, как работает даяк своим парангом,— был их ответ.

Я призвал Уэн-Мэта.

— Неужели ты позволишь этим даякам с Борнео учить народ Тренганы, как вырубать просеку в джунглях? — спросил я.

Уэн-Мэт нахмурился и несколько минут оставался в задумчивости. Потом он созвал своих людей. Не знаю, какое чудо он совершил, но после разговора с ним все хотели непременно идти с нами. Час тому назад я боялся, что они откажутся. Горные духи, очевидно, будут побеждены благодаря национальному соперничеству.

Утром на шестой день мы тронулись в путь. План мой был таков, что даяки и сакаи будут чередоваться: то прорубать дорогу, то нести запасы. Те, кто нес вещи, должны были идти вперед и отмечать свой путь молодыми деревьями и лианами, так чтобы по их следу было легко идти. Шедшие сзади должны были рубить деревья и складывать их по мере своего продвижения. Рубить деревья можно было только не больше одного фута в диаметре. Я же прокладывал бы, таким образом, по моему компасу прямую линию прямо к вершине горы.

Экспедиция состояла из Нэйзара с шестью мужчинами, за которыми следовал Уэн-Мэт со своими людьми, я, двое моих людей и шестеро даяков, замыкавших шествие и рубивших деревья. Тунку около часу шел с нами, а затем отправился обратно в кампунг, где должен был ожидать нашего возвращения согласно приказу султана.

Мы дошли до знаменитых зыбучих песков и легко перешли через них. После трех часов пути мы напали на источник воды, и я решил здесь расположиться на ночь. Моментально были построены четыре платформы из ратана, укрепленные на шестах, прилажены каянги и устроены постели. Чу-Ай развел огонь и поставил кипятить воду для ужина. Время от времени били в там-там, чтобы дать знать даякам, прорубавшим просеку, что мы уже на привале и ждем их. Скоро мы услышали лязг их парангов. Они работали с ожесточением. Уэн-Мэт и его люди предложили свою помощь, но даяки гордо отвергли ее. Я должен отдать справедливость дипломатическим способностям Уэн-Мэта. Он рассыпался в похвалах их быстрой и четкой работе, говоря, что его люди так бы не сделали. Даяки были очень довольны. Но это было и правдой. Нэйзару, Уэн-Мэту и их людям

казалось сном, что они зашли так далеко в джунгли. Там, где несколько часов назад была густая, дремучая чаща джунглей, теперь тянулась светлая просека футов в двадцать ширины между зелеными стенами...

Как только мы поужинали, я велел построить еще платформу, и туда мы поместили все наши запасы и утварь, чтобы предохранить их от сильной ночной росы. Нэйзар и его люди собирали хворост, разводили небольшие костры и кидали на них сырые листья, чтобы было побольше дыма,— в защиту не столько от диких зверей, сколько от moskitov. Скоро каждый лежал под своей сеткой от moskitov. В джунглях царила полная тишина, изредка нарушаемая воем леопарда или кашлем тигра. Довольные достижениями первого дня, мы скоро уснули.

Зарю нам возвестил странный крик «уа-уа» обезьяны гиббона, на зов которого вскоре стали отзываться его сородичи, и весь воздух был наполнен резкими, гикающими криками. Джунгли проснулись и звучали на тысячу ладов: отовсюду несло пение птиц, жужжание насекомых, болтовня обезьян. Меня всегда забавляло спугнуть группу этих зверьков и наблюдать за их паническим бегством. Они взбирались на дерево — выше, все выше, на самые верхние ветви. Оттуда они без малейшего колебания бросались прямо в пространство, не обращая внимания, далеко ли до следующей ветки. Расставив руки, они точно пролетали по воздуху, хватались за гнущуюся под их тяжестью ветку и сейчас же прыгали дальше, казалось, без всякого усилия перепрыгивая с дерева на дерево.

Ранним утром, когда все еще влажно от росы, джунгли кишат пиявками. Эти отвратительные твари вытягивают свои веретенообразные тельца вверх и ползут, как гусеницы, выгибая спинки и передвигаясь необыкновенно быстро. Целые массы темно-коричневых пиявок ползают по всем направлениям по опавшим листьям; иногда среди них встречается зеленая с желтой полосой, но обыкновенно этот сорт держится на зеленых листьях и присасывается к вашей одежде, когда вы пробираетесь между ветвей. Иногда они заползают вам за шею, но чаще вползают в рукав и всасываются в руку. Укус зеленых пиявок ядовитее, чем коричневых: то место, куда они присосутся, обыкновенно воспаляется и долго не заживает.

Солнцу нужно много времени, чтобы высушить росу. Оно блесит сквозь листву и дает странное освещение: все в отдалении кажется смутным, мелькающим, испещренным пятнами, так что часто различаешь леопарда или змею только тогда, когда почти что наткнешься на них.

Запах джунглей забыть невозможно. Я могу закрыть глаза и вызвать его в любую минуту. Это странный, пронзительный запах влажной растительности.

После завтрака мы опять двинулись вперед. На этот раз людям Уэн-Мэта представлялся случай показать свое искусство в деле рубки деревьев. Мы не прошли и четверти часа, как Нэйзар вдруг остановился, поднял руку и тихо воскликнул: «Бадак (Носорог)!»

Мы насторожились и стали продвигаться с опаской, потому что никогда нельзя сказать, кинется ли на вас носорог или пройдет спокойно мимо. Мы видели его следы. Не желая терять времени, я скомандовал Уэн-Мэту ударить в там-там. Сам же выстрелил из ружья. Эффект получился неожиданный. При первом ударе там-тама послышался громкий визг и хрюканье, и вместо огромного носорога наперерез нам кинулось целое стадо диких свиней, сваливших по дороге четверых людей Нэйзара и скрывшихся в джунглях. К счастью, пострадал только один из четырех, да и то несерьезно: ему сильно оцарапала икру одна из свиней. Я промыл рану кипяченой водой, которую всегда имею при себе, и марганцовым кали, а Нэйзар приложил к ней какие-то листья и травы. Пациент наш был очень доволен операцией, потому что я дал ему выкурить папироску, а затем вкатил ему такую порцию крепкого виски, что он чуть не задохся. Люди Уэн-Мэта, заслышав там-там, прибежали на выручку, но мы сейчас же отправили их обратно.

По мере продвижения вперед, мы встречали следы тигров, леопардов и селадангов. Попадалось множество диких свиней и ланей, и я решил что-нибудь раздобыть нам на ужин. После нашего приключения мы шли не очень быстро, потому что я не хотел слишком удаляться от вырубавших деревья людей, и мы опередили их на какую-нибудь сотню ярдов. Мы были очень довольны — вместе идти веселей и безопасней.

Вдруг мы вышли на поляну ярдов в сто шириной, где трава была высокая и спутанная. Я взял ружье на прицел, готовый выстрелить, что бы ни завидел.

— Барьби (Свиньи)! — закричал Уэн-Мэт, указывая в дальний угол.

Целиться особенно не надо было: там паслось штук двадцать-тридцать. Я выстрелил наудачу, зная, что в какую-нибудь да попаду. От выстрела свиньи кинулись бежать. Двое из моих даяков, подбежавших к месту, закричали: «Попал, туан!»

Интересно было видеть удивление на лицах Нэйзара и его товарищей. Им никогда еще не случалось видеть, чтобы на таком расстоянии и так быстро можно было убить зверя. Мое ружье было для них предметом любопытства, но они еще не видели его в действии. Чу-Ай, широко улыбаясь, сказал: «К ужину жареная свинина, туан!..»

Хотя было еще рано, но я решил сделать привал, чтобы дать отдохнуть раненому сакаю. Люди построили платформы. Чу-Ай и один из даяков принялись свежевать свинью, в то время как Нэйзар и его люди отправились на поиски воды. Вырыли яму, в которой развели огонь, а над ней положили накрест бревна. Свинью вымыли, вычистили, связали и надели на длинный шест — вертел. Что за пиршество! Чу-Ай был истым художником своего дела. Люди наелись до отвала. Уэн-Мэт и его люди решили временно забыть, что мусульманам запрещено употреблять свинину в пищу, и с удовольствием уплетали свою долю.

Третий и четвертый день прошли без всяких приключений. Мы шли прямо к вершине горы — по стрелке компаса. Продвигались мы медленно, держась все вместе.

К концу четвертого дня мы почувствовали, что почва повышается, и я увидел, что мы стоим у самого подножия горы. Мы приготовились сделать привал.

Пробиваясь сквозь девственные джунгли, мы вспугнули стаю зеленых голубей. Пока люди вырубали чащу для нашего ночлега, собирали ратан, срезали колья и кору для подстилок, я с Уэн-Мэтом пошел посмотреть, не удастся ли настрелять голубей нам на ужин. Не прошли мы десяти минут, как услышали крики. Мы поспешили обратно. Все толпились около Абдула, одного из людей Уэн-Мэта. Оказалось, что на него напал и ранил леопард; леопард лежал тут же, пронзенный тремя стрелами, с разможенным черепом. Все были так взвол-

нованы, что мы едва могли добиться, как было дело. Выяснилось, что Абдул проходил мимо большого дерева, вырывая ратан из зарослей, как вдруг леопард, притаившийся под деревом, кинулся на него не издав ни одного звука и свалил его на землю. Крики Абдула, которому зверь вонзил когти в мясо и разрывал шею, привлекли остальных. Все кинулись спасать его. Стрела Нэйзара попала леопарду в бок, за ней две другие, пущенные его товарищами. Леопард повернулся, чтобы встретить нового врага, но Нэйзар опередил его и одним ударом паранга размозжил ему череп, убив его на месте. Абдул был так тяжело ранен, что, несмотря на наш уход, умер в эту же ночь, и рано утром мы похоронили его. Эта была первая настоящая трагедия за нашу экспедицию, и на людей она подействовала очень обескураживающе. Мне понадобилась вся сила убеждения, чтобы уговорить их, что леопард вовсе не был злым духом, посланным на нашу гибель. В конце концов они все-таки согласились попытаться достигнуть вершины горы.

Мы взяли с собой только то, что было совершенно необходимо. Люди Уэн-Мэта несли воду на всех, так как уверенности, что мы найдем воду на горе, не было. Упорно взбираясь, мы дошли до вершины около четырех часов дня. Никто из моих спутников не хотел верить, что он действительно победил Гору Духов: им казалось это сном. В эту ночь они веселились, били в там-там, пели и плясали и приносили в жертву духам и божествам джунглей рис и травы, чтобы умиловить их. Я думаю, они боялись заснуть, чтобы не подпасть во сне под власть духов.

Ранним утром мы начали вырубать джунгли. Я выбрал самое большое дерево, какое только было, и срезал все развесистые ветки, чтобы взобраться на самую верхушку и оттуда хорошенько оглядеть окрестности. Я надеялся открыть что-нибудь новое, но ничего, кроме джунглей, я не увидел — джунгли, джунгли всюду, куда только достигал мой полевой бинокль. Тут я решил отдать все мои мысли тому, что для меня было в сущности самой главной целью моего предприятия, то есть установке западней и силков в этой свежесрубленной просеке, среди девственных джунглей.

Скоро мы уже были в полном порядке, готовые пуститься обратно в кампунг Уэн-Мэта, с тем, чтобы там

заготовить сети и западни и потом расставить их по всей просеке.

Когда на обратном пути мы приближались к пескам, наши люди начали бить в там-там. Скоро мы услышали звуки ответных там-тамов. Тунку-Юсуп и весь кампонг с нетерпением ожидали нас и приготовили нам торжественную встречу. Они смотрели на нас с суеверным уважением. Путешественники павлинами расхаживали по кампонгу, рассказывая свои приключения, приукрашивая их, чтобы произвести впечатление на оставшихся дома. Вся ночь прошла в веселье и пирах.

На следующий день начались работы — приготовления к моей большой ловле. Весь кампонг поголовно принимал участие в сборе ратана, который затем промывался и шел на плетение сетей. Больше недели мы работали с утра до ночи, пока не были готовы сорок сетей, больших и малых, из разной толщины ратана. Я расставил их на расстоянии от пятидесяти до ста ярдов одна от другой вдоль по нашей просеке, мили на две вперед. Лишний раз мои даяки, как истые дети джунглей, доказали свою ловкость и быстроту, и пример их вызвал соревнование у остальных, не желавших ударить в грязь лицом. Не только до половины горы расставлены были сети, но еще были вырыты во многих местах ямы и прикрыты, а кроме того, нарезаны были колья, которые оставалось только пустить на изготовление клеток.

Теперь, когда были готовы все мои западни и сети, надо было приготовить все к пожару в джунглях, который должен был доставить мне моих зверей. Лесной пожар в малайских джунглях редкость. Его можно вызвать только, если пустить в дело срубленные деревья и срезанные лианы, которые предварительно, дней на десять, надо оставить сохнуть на солнце на открытом месте. Деревья по обеим сторонам просеки гореть не будут: они для этого слишком влажны — только опалются и почернеют.

Приблизительно через две недели после нашего возвращения с Горы Духов все для пожара было совершенно готово. Мы ушли из кампонга на пески и там разложили костры и сухие травы с таким расчетом, чтобы огонь хорошо занялся. В тропиках на закате солнца всегда поднимается свежий ветерок: на него-

то мы и рассчитывали, полагая, что он раздует наш пожар и погонит его по просеке между двух зеленых стен.

Первые огоньки начали посылать свои искры дальше и дальше с каждым порывом ветра, и наконец пламя с ревом взвилось в высоту деревьев и помчалось вдоль просеки, как по трубе. Языки пламени лизали все, что попадалось им по дороге, и скоро все было выжжено, словно выметено вдоль всей просеки, между почерневшими стволами колоссальных деревьев, а земля была совсем черна и занесена золой.

Опять кампону было не до сна в эту ночь. Для него, казалось, вся жизнь началась с того дня, как мы вырубили просеку! Туземцы больше не боялись Горы Духов: они были уверены, что я огнем выгнал всех демонов из джунглей. На рассвете я разослал людей по всем направлениям, группами, чтобы осмотреть сети и приготовить клетки. Успех наш превзошел самые смелые ожидания. Из сорока ловушек, расставленных нами, в шестнадцати мы нашли добычу: попались два тигра, три леопарда (один черный и один пятнистый), один тапир, три медведя, два бинтуронга, два кабана, одна бабирасса¹² и две лани. Кабанов и ланей мы пустили на корм хищным зверям. Тигры и леопарды так безнадежно запутались в сетях, что их ничего не стоило связать и посадить в грубые клетки, с тем чтобы в кампонге пересадить в лучшие. В одну из ям провалился носорог, и его было труднее всех остальных животных доставить в кампонг. Трудность заключалась в том, что у нас не было ни слонов, ни буйволов, чтобы вытащить клетку вверх из ямы, в которую мы ее спустили на катках. Я устроил ворот, прикрепил его к двум деревьям и, употребляя вместо катков бревна, в конце концов вытащил клетку с запертым в ней носорогом наверх.

Потом пришлось соорудить нечто вроде грубых розвальней и по специально расчищенному пути отвезти клетку в кампонг. Тридцать пять туземцев работали в течение трех дней над тем, чтобы доставить ее туда. Там приготавлился плот, чтобы всю добычу перевезти в куалу Тренганы.

Все мои приготовления к отъезду из кампонга уже были завершены, когда ко мне прибыл старейшина Камаманского округа с известием, что там появился огром-

ный тигр и наводит ужас на окрестности. Он умолял меня прийти и избавить их от этого чудовища. Тигр устраивал набеги на кампонг и уносил кур, уток и даже быков, но пока еще не трогал туземцев, которые с трепетом ожидали своей очереди. Как ни старались, они никак не могли увидеть животное: только находили его следы да убеждались в результатах его посещений. С обычным суеверием они решили, что это дух, и были прямо в панике от его нашествий. Слава о моей победе над Горой Духов разнеслась далеко кругом, и репутация моя как пауанга была непоколебима. Вся надежда была на меня, я должен был освободить кампонг от этого ужаса. Помимо этого, я не мог воспротивиться желанию поймать еще один хороший экземпляр тигра. На тигров всегда спрос. Тут, очевидно, был особенно интересный тигр, и я решил заняться им.

Я оставил все наставления, как перевезти моих животных, и отправил даяков с Тунку-Юсупом в Тренгану. Чу-Ая и Тая я взял с собой и отправился со старейшиной в его кампонг. Он находился в пяти днях пути вверх по реке, в местности, носившей название «Оловянный Холм». Прибыв в кампонг, мы были окружены туземцами, которые смотрели на меня, широко открыв глаза, с каким-то благоговением. Я узнал от них, что тигр продолжал свои ночные посещения, несмотря на то что они разводили костры вокруг кампонга. Он был, конечно, духом; никто, кроме пауанга, не мог бы справиться с ним.

Скоро весь кампонг был за работой: плели сети, ставили западни и мазали пальмовые листья птичьим клеем. Вокруг загона, где помещались быки, я велел выстроить ограду из ратана, усаженную наверху острыми шипами. Листья, смазанные птичьим клеем, разложены были кругом нее на пространстве в двадцать пять футов. Внутри я расположил сети так, чтобы тигр, если бы он миновал птичий клей или перескочил через ограду, неминуемо попал в них.

На пятую ночь после моего прибытия в кампонг, часов в десять вечера, когда вся жизнь уже затихла, козлы, которых я держал для приманки, начали беспокоиться, блеять и вообще производить страшный шум. Потом вдруг наступило полное молчание. Затем какой-то треск, грохот, страшный рев и рычание взбешенного зверя, в

котором были и гнев и страдание. Потом опять треск, громче первого, вопли женщин и проклятия мужчин. Со всех сторон во мраке сбегались туземцы. Появились факелы. Кто-то подбежал ко мне с криком: «Туан, скорей, тигр разрушил дом!..»

Мы все побежали к указанному месту; это оказалось правдой: тигр сломал подпорки хрупкого туземного шалаша. Женщины и дети с криком убегали по всем направлениям. Вдруг вспыхнул язык пламени, и в пять минут от шалаша ничего не осталось. При зареве пожара я увидел страшного зверя,— он был придавлен упавшими столбами, свободны были только его морда и грудь. Спина его наверно была переломлена, его рев страшно было слышать. Нечего было и думать поймать его живьем, можно было только прикончить агонию несчастного животного. Я быстро выпустил в него три пули и убил его.

Туземцы были вне себя от возбуждения. Я был готов ко всему, опасаясь, что кто-нибудь из них станет жертвой внезапного помешательства, свойственного малайцам и выражающегося в потребности смертоубийства. Но, к счастью, возбуждение постепенно улеглось, и после того как я убедился, что все успокоилось, приказал вытащить тигра из-под развалин дома. Шерсть на нем почти совсем обгорела, на голове была широкая рана от пули. Листья, смазанные птичьим клеем, прилипли к его морде так, что он был как бы ослеплен. Очевидно, он перескочил через ограду и каким-то чудесным образом избежал сетей. Но так как он ничего не видел, то в бешенстве своем кинулся вперед по кампунгу и наткнулся на подпорки дома с такой силой, что свалил их и сам был придавлен развалинами дома. Тут опрокинулся светильник с кокосовым маслом, поджег дом — и жизнь тигра была окончена. К счастью, обитатели дома отделались только ушибами. Дом стоял на окраине кампунга, так что пожар не был опасен другим строениям.

Тигра вытащили. От конца морды до хвоста он имел десять футов два дюйма. Весил он наверно больше трехсот семидесяти пяти фунтов — великолепный экземпляр, самый большой, какой я видел в Малакке. Я горько сожалел, что он не достался мне живым.

Но туземцы были вне себя от радости, что злой дух погиб. Они проклинали его на все имевшиеся в малай-

ском наречии лады и плевали на него до тех пор, пока я не приказал вырыть большую яму и закопать его, потому что зловоние было ужасающее.

Кампонг не спал всю ночь. На воздухе разложили костры, приготовили пирушку, и пение и пляска продолжались до зари.

Старейшина был так благодарен мне за избавление кампонга от чудовища, что решил непременно сопровождать меня в куалу и лично рассказать султану, как был убит тигр.

Но Тунку-Юсуп уже успел прославить меня, и туземцы до того преувеличили мои подвиги, что уважение их ко мне как к пауангу было бы прямо смешно, не будь оно так искренно. Султан был поражен не менее своих подданных и очень горд тем, что я совершил «невозможное». Я же был главным образом доволен тем, что взобрался-таки на Гору Духов и, что было еще важнее для меня, поймал необыкновенно много зверей, чтобы увезти с собой в Сингапур.

Мой друг, султан Тренганы

В продолжение девятнадцати лет, что я провел в Малакке, я проделал путь из Сингапура в Тренгану десятки раз; но в памяти моей живо встает мой первый приезд в столицу Тренганы поздно ночью. Я намерен был заняться кое-чем потруднее ловли диких зверей, и все карты были против меня.

С палубы маленького парохода я увидел реку Тренгану в том месте, где она впадает в Китайское море. Сотни рыбачьих лодок выехали на ловлю, каждая из них освещалась факелами из восьми-десяти сухих пальмовых листьев, скрученных вместе. Их зажигали и прикрепляли на носу и по бокам лодки. Каракатицы подплывали на огонь, и их тысячами ловили в невода. Домишки, построенные на сваях там, где было мелководье, в неверном освещении, казалось, сами пускались вброд и шли на помощь рыбакам.

Вскоре после того, как я высадился на берег, я уже сидел, поджав ноги, на подушке напротив султана Тренганы. Султан восседал на двух подушках; он спросил

меня: «Обычно, когда ты приезжаешь в куалу Тренганы, туан, тебя влечет желание поймать еще диких зверей. Ты хочешь еще слонов?»

Мне было неприятно рассказывать ему, чего именно я теперь хотел, но я знал, что если сразу не открою ему моих намерений, то найдется множество придворных, которые сделают это за меня и исказят мои планы.

— Нет, на этот раз я приехал не как зверолов, Ку,— ответил я, употребляя интимное сокращение слова принц, так как был в дружеских отношениях с султаном.

Султан подергал себя за свои длинные редкие усы, в которых было так мало волос, что их можно было все сосчитать. Он был человек немногословный.

— В твоей стране, Ку,— продолжал я,— есть много ценного металла: хорошего олова, которое дремлет в почве много лет.

— Сон — хорошая вещь, туан! — ответил он.

— Верно,— сказал я,— верно, Ку; но ведь он младший брат смерти. И вот мои друзья, англичане, честные люди, просят тебя, чтобы ты разрешил им выкапывать этот металл, он слишком уж долго ленился, его надо заставить работать.

— Так ты говоришь, туан, будто металл раб? Но если это и так, и он раб, то ведь он мой раб, спит ли он или бодрствует.

— Верно, Ку. Но и рабов продают. И взамен получают доллары — много долларов. А ведь доллары — это добровольные работники для любого человека.

Он долго молчал, потом промолвил:

— Я каракатица. А ты ловкий рыбак, туан. Ты поднимаешь факел, чтобы я приплыл на свет, и тогда ты меняймаешь в невод.

Я знал, что хотя султан и был довольно мягким человеком, но раз он на что-нибудь не соглашался, требовались нескончаемые убеждения и уговоры, чтобы заставить его изменить свое решение. Поэтому я подумал, что лучше пока переменить тему разговора.

— Когда мои друзья, Ку, поделились со мной своими планами, то я увидел, что это дело очень интересное и что оно сулит тебе много денег и могущества. Но я не буду больше утруждать тебя этими делами, пока ты сам

не захочешь еще что-нибудь о них услышать. А пока позволь мне рассказать тебе о моих странствиях.

Я провел с султаном так много времени, что научился понимать его так хорошо, как если бы он был одним из моих соотечественников. Он был племянником принца Умара, человека очень храброго и жестокого, прозванного Багинда (победитель); но на своего дядю он был так же не похож, как белое на черное. Ему было всего восемнадцать лет, когда он вступил на престол, и его, как стая коршунов, окружила родня, отобрала у него почти все, что возможно, так что в конце концов у него осталось только несколько миль береговой полосы, приносившей ему доход.

Если он и был робкого нрава, как о нем говорили, то это было вполне понятно. С одной стороны, у него были джунгли, полные диких зверей, а в самой столице — его придворные, жадные, вечно интригующие. С другой стороны — море: путь в мир, о котором он мало знал и знал только плохое. Так как я приехал из Америки, страны, о которой он даже не слыхивал, пока не встретился со мной, страны, представлявшей ему такой же отдаленной, как луна, — он готов был открыть мне свою душу. Но когда я пришел к нему с предложением от группы англичан, чтобы он дал им концессию на оловянные залежи, я сразу же, одним прыжком, поставил себя в ряд всех других хитрых интриганов. И все-таки я посеял то зерно, которое всего лучше возрастает в душе восточного человека, — зерно любопытства.

После этого я отправился к Тунку-Безару (Большому Принцу). Он действительно был большой принц — большое тело и громадный рост; был много темнее цветом, чем султан, и имел приятный темно-коричневый цвет кожи. Он женился на старшей сестре султана, Тимар, и был премьер-министром. Ему было даровано право «жизни и смерти», и он был единственным, кто не должен был садиться на корточки перед султаном в знак уважения.

Я сразу понял, что он был скорее за то, чтобы предоставить концессию англичанам, хотя не сказал мне этого словами. Но он задал мне вопрос:

— Разве будет беда от того, что эти люди наживут доллары, если султан наживет много больше? Когда крокодил наестся досыта, разве он не открывает своей

пасти, чтобы дать птичке сиксак очистить свои зубы от остатков?

Раз Тунку был на моей стороне, я решил занять выжидательную позицию и прожить в столице до тех пор, пока не добьюсь того, чего хочу, даже если пройдут месяцы. Я так ему и сказал.

Он засмеялся и посоветовал мне не говорить об этом деле ни с кем из младших принцев.

— Многое входит в их уши белым,— сказал он,— а выходит оттуда черным... Кроме того, они могут всегда из женщины сделать дрессированную обезьяну и заставить ее швырять кокосы с дерева.

Я понял, что он намекал на Тунку-Хасана, женившегося на одной из женщин султанской крови. Он был родом из Малакки и в Тренгане был чем-то вроде присосавшейся пиявки. Он проводил здесь всего какой-нибудь месяц в году, но с помощью своей жены и всяких сплетников всегда умел обойти султана и добиться от него всего, чего хотел. Через день после моего первого разговора с султаном насчет концессии, я услышал, что Тунку-Хасан находится в куале.

Ни один малаец не был так изысканно вежлив со мной, как Тунку-Хасан. Он был слишком вежлив. Это был красивый человек и приятный собеседник. Я позднее узнал, что он определял меня султану так: «Этот человек сидит как кошка, но прыгает как тигр». Мне и в голову не приходило, что вне Тренганы он может быть мне еще опаснее, чем тут на месте. Мне его присутствие было неприятно, и я в своем простодушии был очень рад, когда он простился с нами и уехал в Сингапур.

Тогда Тунку-Безар пригласил меня погостить у него, поместившись на его большой веранде. Я в то время пользовался гостеприимством одного китайца и жил в китайском квартале. Я был очень рад переменить хозяина и немедленно велел перенести мою сетку от москитов и остальные несложные пожитки. Я взял с собой моего боя-китайца, варившего мне кушанье, и моего любимца — лори, маленького попугая.

Попугая я купил у малайца, торговавшего птицами. Он был необыкновенно красивой окраски: темно-красного, зеленого, лилового и желтого цветов вперемежку. У него был маленький кривой клювик. Когда я его купил, он умел говорить только несколько слов, но у меня

он стал настоящим болтуном. Это был мой единственный любимец за все те годы, что я работал с дикими зверями.

Асай, любимая жена Тунку-Безара, прямо влюбилась в моего лори: нас часто приглашали обедать с ней и Большим Принцем. Обед подавался за низким столом,— ниже фута в высоту — за которым все мы сидели, поджав ноги, на подушках. Слуга опускался на одно колено, подавая нам блюда. У каждого из нас было отдельное блюдо, даже у лори, но ели мы пальцами. Обед проходил без церемоний. Тунку был одет только в широкие китайские шаровары, завязанные свернутым саронгом вместо пояса, и верхняя часть его туловища была обнажена. По его левую сторону сидел на корточках раб, державший маленькую шелковую желтую подушечку. Я никак не мог понять, зачем это. К счастью, я не спросил о ее назначении.

Незадолго до этого, Тунку, по моему совету (в одно из моих предыдущих пребываний в Тренгане), заказал себе у сингапурского дантиста вставные зубы и чрезвычайно гордился этим западным украшением. Тимар, его первая жена, зубы у которой были совсем черные от бетиля, уверяла, что у него рот похож на пасть дикого зверя. Асай была современнее: она находила белые зубы очень красивыми. Но в первое время вставные зубы мешали принцу, пока он не привык к ним, и потому он иногда за обедом вынимал их, и они торжественно отдыхали на желтой шелковой подушечке.

Если нам во время обеда мешали мухи, то принц приказывал слугам отгонять их пальмовыми листьями, а если с потолка сваливалась к нам в тарелку ящерица, то мы не трудились вынимать ее, а отдавали тарелку с кушаньем слуге и приказывали подать новую.

Моему лори нравилось почти все, что мы ели: рис, цыплята или утки, овощи, фрукты и черепаший яйца. Я разрезал скорлупу, похожую на плотную кожу, вылавливал кусочки желтка из жидкого белка, который никогда не твердеет, и давал их птице. Лори осторожно брал их из моих пальцев, ни разу он не ущипнул меня. После еды он любил, чтобы его качали. Я клал его на спинку и качал. Когда я переставал, он кричал: «Лаги, лаги!» (Еще, еще). Асай смеялась от души. Она заставляла меня повторять ей ее любимый рассказ, как я ездил

на рикше по Сингапуру, а лори сидел у меня на плече и понукал кули: «Лекас, лекас!» (Скорей, скорей).

После ужина я обыкновенно шел навещать султана и долго беседовал с ним, рассказывая ему про Запад и его обычаи. Это был мой способ потихоньку приближаться к вопросу о концессии на олово. Обыкновенно я заставлял его сидящим, поджав ноги, на подушках, перед которыми стояла низенькая подставка. Почти всегда он был склонен над арабской книгой, лежавшей на подставке. Кроме циновки и подушек, другой обстановки в комнате не было. Комната была просторная; два окна в сад шли от пола до потолка. Они были прикрыты бамбуковыми шторами, сквозь которые можно было видеть, что происходит снаружи, оставаясь при этом невидимым.

Раз как-то я принес султану карту земного шара. Я всегда старался иллюстрировать ему мои рассказы картинками, картами или собственными моими примитивными рисунками и при этом употреблять как можно меньше слов.

Я показал ему на карте Нью-Йорк и пробовал объяснить ему, как он далеко. Рассказал ему о задачах промышленного транспорта и его способах. Рисовал ему, как поезда отправляются один за другим. Он схватился за голову в недоумении:

— Не хватит людей во всем мире для этих поездов! — воскликнул он.

В государстве Тренгана было приблизительно полтора-два тысяч населения. Я показал ему на карте точку, изображавшую Лондон, и пытался дать ему понятие о количестве населения в Лондоне. Но он покачал головой, схватился за лоб и произнес слово, которое, как я уже знал, всегда означало конец аудиенции: «Сюза»... (Беда). Ему хотелось вернуться к своим арабским фолиантам и к тому миру, который он знал...

Когда он уже выходил и дошел до занавеси, закрывавшей выход в другие покои (всегда он уходил первым, я первый не вставал), он обернулся и задал мне вопрос:

— Туан, если англичане начнут копать олово в Тренгане, что они дадут тебе?

— Денег, — ответил я просто. — Для тебя, Ку, будет куча долларов, как гора, для них как холм, а для меня как небольшая насыпь. Даром человеку не стоит работать.

— Достаточно,— сказал он и задернул занавес.

Сейчас же после этого я отправился навестить Петри Тимар, сестру султана и первую жену Тунку-Безара. В ее покоях я всегда был желанным гостем. Я решил и ее ознакомить с западными обычаями и вообще добиться популярности среди местных дам.

Я застал старую даму, расположившейся в уютном кресле с откидной спинкой посреди массы подушек. Большая красивая комната была перегорожена на две части — приблизительно двадцать пять на двадцать пять футов — большой занавесью. Потолок и стены в ней были из тикового дерева. Рабыни окружали Тимар. Некоторые из них шили, другие ткали саронги на простых ручных станках.

Я полагаю, что эту часть султанских покоев американцы называли бы гаремом. Из этих девушек время от времени кого-нибудь отдают в наложницы младшим принцам. До тех пор они находятся под строгим надзором.

Всякая распушенность, всякий безнравственный проступок, если они только становятся известны, сурово наказываются. Виновных сажают в тюрьму, пока султан не соизволит выпустить их. Иногда они остаются в заключении месяц и даже два.

Около Тимар была одна рабыня, сиамская девушка, умевшая ткать очень красивые саронги, вплетая в узор золотую нить. Это был настоящий дьяволенок: полиции не раз случалось ловить ее ночью. Но запретить ее в тюрьму не решались, потому что ее работа слишком ценилась. Поэтому ей к ноге прикрепили тяжелую цепь с деревянным ядром, как каторжнице; и при ходьбе она обыкновенно закидывала цепь за плечо.

Другая рабыня, сидевшая рядом с Петри Тимар, приготавлила бетель для принцессы. Она заворачивала орехи бетеля в листья «сери», прибавляла туда кусочки сырого клея и гамбира (вяжущее вещество, приготавливаемое из листьев местного кустарника, употребляющееся при окраске и дублении кож). Все это она толкла в ступке, потому что у Тимар были плохие зубы, и иначе ей трудно было бы жевать бетель. Тимар была еще не так стара, но стареющие малайские женщины выглядят всегда лет на десять-пятнадцать старше, чем их ровесницы-американки.

Кроме того, у нее вся левая сторона была парализована после апоплексического удара. Но это, кажется, нисколько не огорчало ее. Она всегда готова была послушать веселый рассказ или шутку: очень любила посмеяться. Я обыкновенно привозил ей какие-нибудь подарки, пустяки: дешевенькие украшения из Европы или несколько ярдов цветного шелку, или раскрашенную картинку, или, наконец, кусок душистого мыла.

Увидев меня, она сразу спросила:

— Что ты принес мне, туан?..

У меня было для нее такое сокровище, которое я показал ей только после того, как все приветствия были окончены. Это был иллюстрированный каталог универсального магазина в Чикаго. Все девушки, неслышно ступая своими босыми ножками, сбежались рассматривать картинки. Они болтали, как попугаи, пока я переворачивал страницы. Дамские башмаки страшно взволновали их. Они были уверены, что у женщин, которые носят такую обувь, ноги должны быть так же изуродованы, как у китайнок. Когда я объяснил им способ употребления корсетов, изображенных на картинках, они почтительно подождали, пока Петри Тимар улыбнется, и тогда все закатились смехом.

— Видно,—воскликнула одна из них,— что женщины за морем очень глупы!

Тимар наказала рабыню за грубость, выслав из комнаты. Когда мы дошли до шляпного отдела и женщины попросили меня, чтобы я сказал им цены, я пожалел, что захватил каталог с собой. Денег, заплаченных за одну шляпу, было бы для любого малайца достаточно, чтобы прожить год. В то время мода была на огромные шляпы, отделанные перьями.

— В Тренгане,—сказала, хмуря брови, Петри Тимар,—даме пришлось бы иметь особую рабыню, которая таскала бы за ней такую огромную вещь.

Потом испугавшись, что она тоже была груба, она любезно попросила меня:

— Может быть туан оставит мне эту странную книгу, и я тогда хорошенько рассмотрю все картинки сама?

Я, конечно, отдал ей книгу, и она была ей рада больше, чем моим прежним подаркам. Она спрятала ее под подушку и спросила:

— А туан расскажет мне какую-нибудь историю?..

Усевшись с поджатыми ногами на циновку, окруженный сидящими на корточках рабынями, я начал им рассказывать по-малайски сказку о «Принце-лягушке». Я рассказывал им множество сказок и раньше, но ни одна не нравилась им так, как эта. Из принца превратиться в лягушку и обратно для малайского воображения это кажется совершенно естественным.

Потом сама Тимар начала рассказывать сказку. Сказка была очень страшная: речь шла о кампонге, где дома были сделаны из человеческих костей, а крыши вместо пальмовых листьев были покрыты длинными волосами съеденных женщин. Этот кампунг был построен тиграми, и жили в нем тигры. А старейшина был ночью тигром, а днем человеком. Тимар рассказывала такие ужасающие подробности, которые европейский рассказчик наверное бы упустил. Она двигала здоровой рукой, сопровождая рассказ жестами: половина ее тела оставалась неподвижна. Девушки вздрагивали и восклицали: «Такут!..» (Боюсь) или «Хикмат!» (Чудеса). Я сам дрожал от страха.

Петри Тимар была образованная женщина. Она изучала коран и могла читать по-арабски со своим братом. Но когда я попробовал рассказать ей о женском движении, она приняла все это за шутку с моей стороны. Она была слишком благовоспитанна, чтобы высказать мне это прямыми словами, но я ясно видел, что она очень неважного мнения о западных женщинах.

Султан считал себя «передовым» человеком. Когда он ездил в Сингапур, он надевал европейский костюм и небольшую круглую шапочку. В таком виде он даже снялся. Он надевал воротник, но я никак не мог убедить его надеть и галстук; он наотрез отказывался «завязывать веревку вокруг своей шеи», как он выражался. Для него галстук был символом подчинения. Он думал, что достаточно ему «завязать веревку вокруг своей шеи», чтобы Англия обязательно потянула ее за конец... У меня хранится его фотография: он в крахмальном воротничке, и запонка на виду. Когда он отправлялся в путешествие, его обыкновенно сопровождала на пароход группа придворных, а перед ним шествовали его телохранители и разбрасывали деньги в толпу. Эти щедрые дары рассыпались в виде оловянных монеток: на наши деньги ценой в восьмую часть цента. Детишки кидались и дрались

из-за них. Старшие садились на корточки и кричали: «Счастливей пути!»

В количестве домашней обстановки моего друга султана далеко обогнал султан Лингги, к которому раз меня взял в гости Тунку-Безар. Этот султан пригласил меня в комнату, где было множество резных столиков, шкафчиков и несколько рядов золоченых стульев на тоненьких ножках, стоявших так тесно, что в комнате положительно повернуться негде было. Мне стоило большого труда ходить не натываясь на мебель. Я сказал ему, что это очень красиво и что я никогда еще не видел комнаты, в которой было бы столько мебели. Он был очень горд и доволен.

Как-то, рассказывая ему, что олово употребляется для кровель, я вынул из кармана моего баджу конверт, чтобы на нем нарисовать чертеж. Его заинтересовала марка с портретом английской королевы. Я объяснил ему, как эта марка ходит по всему миру. Он сказал, что ему очень хотелось бы, чтобы и его портрет вот так мог путешествовать по миру на письмах... Мне пришло в голову, что если бы сделать марку Тренганы, а потом забросить клише в море, то среди собирателей марок это вызвало бы волнение, и марки получили бы большую ценность. Султану так понравилась моя мысль, что я написал об этом директору почты в Сингапуре. Вопрос был представлен британскому правительству, и после расследования пришел официальный документ с вежливым отказом на том основании, что, кроме меня и нескольких китайцев, в Тренгане никто не получает писем.

Вскоре после этого разочарования, в котором, к сожалению, султан обвинял Англию, он послал за рикшей. Когда рикшу выгружали с парохода, туземцы стояли кругом и дивились: они ничего подобного не видали. В первый раз, когда султан уселся в рикшу и поехал, за ним следовала толпа. Это оказалось очень кстати: так как дорог не было, а песок был глубокий и сыпучий, колеса увязли в него по ступицы, и пришлось тащить на руках и султана и рикшу.

Тунку-Безар глядел на эту затею с презрением.

— Рикша без дороги,— сказал он,— все равно, что лодка без воды. Один аллах может творить моря и реки, но я — так как у меня есть глина — могу сделать дорогу.

Он мечтал не о простой дороге, но о дороге, проложенной по западному образцу. Он приказал навозить глины на буйволах и сложить ее между двумя рядами китайских лавок. Потом он устроился под временным навесом и сам стал наблюдать за работами. Свита собралась вокруг него; болтали, смеялись и помогали ему наблюдать. Но больше было собеседников, чем работников. Когда глину разложили небольшими кучками, туземцы стали бить по ней деревянными трамбовками: бух, бух... Шуму было много, работа длилась час за часом, а толку не было почти никакого.

Я вдруг вспомнил мои старые цирковые дни и тот способ, которым мы обыкновенно мягкий грунт делали пригодным для цирковой арены.

Я спросил Тунку:

— Зачем руки людей делают ту работу, которую могут делать ноги животных?

— Туан говорит загадками,— ответил он.

— Ку,— сказал я,— у султана четыре слона, у тебя тоже четыре, у каждого слона по четыре ноги. Ноги слонов утаптывают даже почву джунглей.

— Господин Слон,— воскликнул он, давая мне мое старое прозвище,— ты мудрый человек, а у меня цыплячья мозги!

Я рад был, что слонам наконец выпадает какая-нибудь работа. Со времени их поимки они ничего не делали кроме того, что ели, озаряли славой государство и забавляли детей. Дети сторожей играли с ними целыми днями, султанские дети тоже баловали их и кормили сахаром, слоны кричали от радости, как только видели ребенка.

Их привели и заставили ходить вереницей по мягкой глине в направлении к центру. Новое зрелище понравилось Тунку. Он сидел под крышей из циновок, разговаривал, смеялся и пил кофе. Туземцы толпились кругом, глаза на новую диковинку, а китайцы явились засвидетельствовать Тунку свое почтение.

Когда они ушли, он отправил одного из своей свиты к ним в лавки. «Получи что-нибудь с каждого из них за то, что я строю им дорогу».

Раз, когда я сидел с ним под навесом, он дал мне бирюзовый перстень, прибавив: «Носи его, туан! Ты мудр, но бирюза предохраняет от яда змей, ползающих на брюхе».

Малаец любит говорить загадками и притчами, и больше я ничего не мог от него добиться. Я чувствовал — он хочет дать мне понять, что, хотя Тунку-Хасана здесь нет, мне следует его остерегаться. Человек, хорошо знающий малайцев, мог бы заподозрить, что мне грозит опасность быть отравленным. Слуга малаккского принца подсыплет мне в пищу яду или толченого стекла, или рубленых бамбуковых волосков. Но этого я не боялся. Мой бой отдал бы за меня свою жизнь, а кроме пищи, приготовленной его руками, я нигде ничего в рот не брал, за исключением обедов у Тунку-Безара, который разделял со мной кушанья, приготовленные для него лично. Помочь себе я никак не мог. Восточная интрига — это колеса в колесах. Я не хотел впутываться в интригу решив добиться полного доверия со стороны султана. Я принял перстень от Тунку скорее как знак дружеского расположения, чем как предостережение.

Когда дорога была закончена (она достигла ярдов ста пятидесяти длины, то есть длины небольшого городского квартала), султана катали по ней в рикше, или же он гулял пешком в сопровождении свиты под большим желтым шелковым зонтиком.

В первый же день, как повели слонов утрамбовывать дорогу, случилось воровство. Это напомнило мне мою цирковую жизнь: был такой случай, что шайка воров, сговорившись с содержателем цирка, шарил по домам, в то время как весь городишко глазел на цирковой парад... Молодой туземец, пользовавшийся славой большого ловеласа, проник в пустой дом и украл какие-то драгоценности. Его поймали с поличным, поэтому сомнения в его виновности не было. Его привели на место, где совершались казни, — песчаную косу, где два года спустя должен был стоять мой дом, — его правую руку положили на дубовую плаху и отрубили ее у кисти одним ударом паранга. Култышку руки окунули в горячую смолу... Потом он с воем кинулся в реку. Крики и смех провожали его, пока он не уплыл из виду.

За первое воровство тут отрубают правую руку, за второе — левую ногу, за третье — левую руку.

В моих беседах с султаном я пытался объяснить ему наш способ суда с присяжными, старался я объяснить это и Тунку-Безару. Боюсь, что это мне не удалось.

— Человек украдет, а присяжные его оправдают,— сказал принц,— и он с ними поделится.

Единственным затруднением для него представлялось — как это преступник будет делиться с двенадцатью лицами.

Во время моего пребывания в Тренгане произошло одно убийство. Китаец и малаец вдвоем убили старую тетку китайца с целью грабежа. Они оставили ее, думая, что она уже мертва, но в ней еще теплилась жизнь, и она успела сказать подоспевшему соседу, кто были ее убийцы.

Они бежали в джунгли. Но ночью джунгли страшнее палача. Они держались на окраине; их поймали, привели и доставили на место казни. Малайца заставили сесть на корточки. Руки его привязали назад к столбу, помещавшемуся за ним, и длинный меч рассек его правое плечо до сердца. Это сделал тюремщик. Китайца повесили.

Громадная толпа взрослых и детей глазела на это. Они были совершенно равнодушны к зрелищу страданий.

Я должен сказать, что это была последняя публичная казнь в Тренгане. Больше за воровство не отрубали ни рук, ни ног. Никакого эдикта в отмену закона не было издано; но Тунку-Безар решил, что преступнику — вору или убийце — лучше не жить. И отдал частное распоряжение — убивать на месте всякого преступника, который убежит в джунгли (как это всегда бывало) и там будет пойман.

Может быть, этот способ наказания был лучше, чем пытки в присутствии глазающей толпы, но все же я почувствовал, что проведение цивилизующих влияний в Тренгане было чем-то вроде моего долга по отношению к этой стране. Я хотел постепенно подготовить к этому султана и, выражаясь фигурально, впустить в Тренгану света и чистого воздуха. Но я был бессилён: Тунку-Хасан вернулся в Тренгану.

У каждого из малайских принцев есть своя свита, исполняющая роль тайной полиции. Ни у кого не было больше преданных слуг, чем у Тунку-Безара, и он всегда был осведомлен обо всем, что происходило кругом. Свои сведения он теперь решил сообщить мне. Он перестал говорить загадками. Тунку-Хасан через своих при-

спешников повлиял на султана, чтобы тот отложил всякое решение по поводу оловянной концессии. Даже если бы я хотел довести дело до конца, мне это теперь не удалось бы. Тем временем Хасан собрал группу китайцев, за которыми стоял китайский капитал. Он собрал достаточно денег, чтобы оплатить какую угодно концессию, если только султану угодно будет дать ее. Его поддерживали по крайней мере полдюжины других младших принцев. Один только Большой Принц был за меня. Он посоветовал мне пойти к султану, объяснить ему положение дела и потребовать от него ответа сейчас же. Он сказал:

— Если человеку дать слишком много времени, он заснет. И кто знает, что ему приснится. Хасан влил много лжи в его уши. Теперь он поет ему о перстнях, бриллиантовых пряжках и дожде долларов от китайцев. А сам Хасан хочет только одного: добраться до кокосового ореха, чтобы высосать из него все молоко. Ступай, туан!

Исполняя его совет, я слишком поторопился предстать перед султаном — с ним была его первая жена, и лицо ее было открыто. Я никогда еще не видел ее и испугался, что она смутится, а султан будет этим недоволен. Я отвесил ей низкий поклон. Я понял, что она знала меня, — наверно не раз смотрела на меня из-за решеток.

Она тихо промолвила:

— Туан, человек, который мудрее диких зверей в джунглях, наверно, обладает большой мудростью.

И бесшумно удалилась.

Когда я уселся на полу напротив султана, то в коротких словах сообщил ему свое предложение. Все, чего добивались мои друзья англичане, — это аренды на шесть месяцев на участок земли в Кемамане (южный округ Тренганы) и разрешения пригласить экспертов исследовать почву. Они просили права по истечению этого срока получить концессию на этот участок, но предлагали привилегию эту получить в виде конгси (товарищества), в котором одним из акционеров будет раджа Муда (наследник престола). Таким образом, концессия не попадает целиком в иностранные руки. Они предлагали султану крупную сумму за аренду, а в случае, если исследование даст хорошие результаты, еще

большую сумму за концессию и, кроме того, десять процентов со всякого добытого минерала.

Султан вытащил конверт из кармана. Это была копия письма, написанного по-английски, которой он не мог прочесть. Он протянул мне письмо.

— Мне сказали,— промолвил он,— что в этом письме доказано, будто все, чего ты просишь, ты просишь в свою пользу; что это общество, о котором говорится так много, один воздух, что таких англичан вовсе нет. Переведи мне это письмо, туан...

Я пробежал письмо. Это была копия условия, что я буду получать известный процент в случае успеха дела.

Я вернул письмо султану.

— Если слова, которые ты слышал, Ку, правдивые слова, то, значит, я лжец и вор. А если я лжец и вор, то ты и Тунку-Безар, которые так долго верили мне, оба безумцы.

Я взглянул прямо ему в глаза.

— Если люди начнут так скоро превращаться из правдивых в лжецов, то цыплята начнут выводиться из утиных яиц. Письмо, которое ты держишь в руках, может тебе перевести каждый, кто читает по-английски, но если я лжец, Ку, то ты не можешь верить, что я переведу его тебе правильно.— Я поднялся как бы для того, чтобы уйти.

— Постой, туан,— остановил он меня.— Когда человек сидит на верхушке дерева, как я, то многие хотят обрубить сук, на котором он сидит, а те, кто сидит рядом с ним, хотят съесть все плоды.

Со смущенным выражением, которое так часто у него бывало, он ударил в ладоши.

— Позови Мохаммеда,— приказал он появившемуся прислужнику.

Пришел Мохаммед, придворный писец, согнувшийся вдвое от почтения, с бумагой, чернилами и гусиным пером.

Султан начал диктовать. «Саламат» (привет). Так начиналось послание. Он продиктовал просто и отчетливо согласие на просьбу и условия моих друзей. Султан произносил слова по-малайски, писец переводил их на арабский язык и записывал. Потом зажгли свечу, нагрели стальную печать и вместо сургуча наложили печать ламповой копотью.

Султан протянул мне договор, прибавив:

— Туан, я при тебе становлюсь похожим на буйвола с кольцом в носу: ты заставляешь меня идти, куда хочешь...

— Если это так,— ответил я,— то я надеюсь, что я приведу тебя и твою страну к богатству и миру.

Я взял бумагу и вышел, пятясь задом и отвешивая поклоны.

Тут же у выхода я столкнулся с Тунку-Хасаном, который спешил к султану. Он остановился, увидев бумагу в моих руках. Эта бумага означала его поражение. Я гордо прошел мимо него. Я знал, что эта бумага — первая ласточка цивилизации, которой суждено соединить Тренгану со всем остальным миром.

Цирки на Западе и на Востоке

В результате моей удачной охоты на Суматре, мой зверинец в Сингапуре был переполнен, несмотря на то что помещение было очень просторное. Прежде тут были конюшни со множеством стойл, построенных по четырем сторонам открытого двора, представлявшего квадрат в сто футов, с хорошим колодцем посередине. Налог на воду в Сингапуре очень высок. Животные много пьют, и, кроме того, их необходимо содержать в чистоте. Колодец был важным приобретением. Легко было превратить все это место в помещение для диких зверей, ожидающих своей очереди быть проданными. С одной стороны шли клетки для больших и малых животных кошачьей породы, с другой — легкие клетки для обезьян и птиц, а с третьей — стойла для слонов, ланей, буйволов и носорогов. Дом, где жили мои шесть туземных помощников, тоже выходил во двор. Все они жили здесь со своими семьями. Нельзя сказать, чтобы место было тихое, но у малайских женщин крепкие нервы, а ребяташки не променяли бы этого места на дворец: подумайте, все равно, что жить в цирке. Каждый день цирк! Мой собственный дом был как раз за стойлами. Я так привык к постоянному шуму, что не замечал его, разве только когда заслышу какой-нибудь тревожный рев или вой. Туристы и английские обитатели Сингапура часто

навещали нас, и мы были им очень рады. Но туземцы и китайские кули пришли бы к нам целыми толпами, если бы мы не назначили входную плату в «дуа сен» (два цента). Выручка шла на покупку сырого мяса для кошек, а то, что оставалось сверх этого,— поступало сторожам. Они были искусными «зазывателями», а так как мой дом помещался в самом городе, то поток туземцев и китайцев почти не прекращался, причем сторожа наловчились проводить публику по зверинцу так быстро, что те, уходя, опять возвращались, приводя с собой приятелей и не жалея заплатить еще два цента, чтобы лишний раз взглянуть на виденные мельком диковины. Китайские кули смотрели разинув рты и восклицали «уэ!», что у них означает крайнее удивление.

Любимцем публики была Тимар, маленькая слониха, дитя нашего зверинца. Имя это ей дали в честь Тимар, сестры султана и первой жены Тунку-Безара. Тимар была исключительная женщина, а наша маленькая Тимар — очаровательным слоненком. Ей было всего восемь месяцев от роду, и в обычных условиях жизни она была бы еще сосунком. У нас она питалась главным образом рисом, мягкой сердцевинкой банановых веток, нарезанной мелкими кусочками, и самими бананами. Я особенно внимательно наблюдал за ее режимом. Она играла во дворе и постоянно шалила и проказничала. Она очень любила лестницы, вечно взбиралась по моей лестнице и старалась забраться ко мне в дом. Я ее не пускал, но жены моих сторожей были более гостеприимны, и я сильно подозреваю, что они приглашали Тимар к себе играть с детишками.

Когда мне нечего было делать, я забирал Тимар в тень около моего дома и дрессировал ее. Я заказал для этого очень прочный стул и стол. Я сажал слоненка на стул перед столом, а на стол ставил колокольчик с деревянной ручкой. Потом заворачивал хобот слоненка вокруг ручки и дергал хобот взад и вперед. Когда раздавался громкий звонок, я давал Тимар кусок сахара. Она визжала от удовольствия, так ей нравилась эта игра. Я повторял это подолгу, пока мне не надоедало, потом объявлял: «Довольно на сегодня!» Но куда бы я ни пошел, я видел хоботок, который махал мне и приглашал «Давай играть!» На другой день, улучив свободную минуту, я выносил на двор стул и стол. Тимар сразу

прибегала ко мне. Для нее эти предметы ясно означали куски вкусного сахара. Я держал в руке хлыстик, но никогда не наказывал Тимар. Опять ставил на место стол и колокольчик, сажал ее на стул, и начиналась настоящая игра в терпение, «пасьянс», как это называют: обвернуть хоботок кругом ручки — звонок — кусок сахара. Обвернуть хоботок, — звонок, — кусок сахара. Дорого бы я дал, чтобы иметь возможность просто сказать: «Тимар! Позвони — получишь сахару». В один особенно душный день я прервал игру на самом интересном месте и загляделся на крутой лобик Тимар, стараясь представить себе, что происходит в ее мозгу. Как вдруг услышал слабый звонок. Тимар наскучило ждать меня и она сама позвонила. С тех пор она усвоила себе в чем суть игры.

Она была прямо влюблена в собственный голос. Стоило ее немножко подразнить, как она начинала кричать. И распевала же она!

Я очень полюбил ее и надеялся выдрессировать так, чтобы она не только умела проделывать разные штуки, но делала бы их сознательно; так выдрессировать, чтобы можно было рассчитывать на ее повиновение (это самый последний и самый трудный шаг в дрессировке животных). Я работал с ней всего недели три, а диплом получить ей нельзя было раньше месяца, как вдруг в город приехали «Летучие Джорданы». Старший из братьев Джорданов только раз увидел Тимар и сейчас же спросил, не продается ли она.

— Здесь все животные для продажи, — ответил я.

Он и торговаться не стал; немедленно вынул пятьсот мексиканских долларов, которые я спросил за нее, и отдал мне. Тимар стоила этого. Мне было очень больно расставаться с ней, а маленькая дочурка моего главного надсмотрщика доплакалась до того, что захворала.

Этим самым «Летучим Джорданам» я хотел оказать еще услугу. С ними был артист-велосипедист. Как-то я увидел, как он в бильярдной комнате гостиницы размахивает большой пачкой банковых билетов. Я отвел его в сторону и сказал:

— Хотите получить добрый совет? Отдайте эти деньги на сохранение в контору гостиницы: их запрут в несгораемый шкаф. У нас в Сингапуре есть китайские воры, которые у вас сумеют собственные глаза украсть, если вы зазеваетесь.

— Слушайте, Майер,— ответил он,— я всю жизнь скитаюсь по миру и никогда еще меня не обокрали.— Не такой я человек, чтобы нравиться карманным ворам!

Несколько дней спустя у него из-под подушки ночью выкрали все деньги. Он пошел, купил револьвер и лег спать с револьвером под подушкой. Наутро исчез и револьвер.

Он рассказывал мне об этом хриплым шепотом; веки у него были совсем красные.

— Вам нечего стыдиться,— утешил я его.— В Сингапуре это вещь обычная. Тут, например, как-то судья разбирает дела при полицейском управлении. Вошел китаец и начал возиться с большими стенными часами, которые там висели, будто чинил их. Он так шумел, что судья заорал на него: «Да возьми ты эти часы и убирайся!» Китаец взял их, и с тех пор только его и видели!

Эта история очень утешила велосипедиста, и он рассказывал ее с увлечением всем и каждому.

Еще до моего отъезда в Сингапуре была реорганизована система тайной полиции, так что было совершенно невозможно узнать, кто сыщик, а кто нет. Любой туземец, прикрытый только куском ткани кругом бедер, мог оказаться «мата глап» (темным глазом), как малайцы называют сыщиков. Но предприимчивым ворам все-таки было раздолье благодаря тому, что правительству требовалось большое число рабочих, и воры могли выдавать себя за рабочих.

Инспектор Джонс рассказывал мне, например, следующий факт. Раз в центральное управление полиции явился наряд китайцев-рабочих с инструментами и лестницами. Они взобрались на металлическую крышу дома, отодрали ее, свернули, свалили и увезли на повозках с собой. Она была сделана из сплава свинца и меди и представляла большую ценность как материал для джонков (китайских лодок). Воры заменили снятую крышу каянгом, чтобы защитить дом от дождя, и прошла целая неделя, пока полиция спохватилась, что у нее украли крышу над головой. К тому времени крышу давно переплавили и продали. Полицейское управление находилось в руках европейцев. Кто из них мог сказать, которые из кули были ворами? Все кули для них были на одно лицо. По словам инспектора Джонса, они казались одинако-

выми не только европейцам, но и местным полицейским — мата-мата (глаз да глаз) закона.

— Как-то,— рассказывал мне инспектор Джонс,— туземному полицейскому поручили отвести партию арестованных китайцев из суда в тюрьму. По дороге один из них убежал. Тот, не долго думая, обернулся, схватил за шиворот первого попавшегося китайца, проходившего мимо, и таким образом привел в тюрьму необходимое количество арестованных.

Я видел, как туземный полицейский вел в Сингапуре группу арестованных китайцев — по трое или четверо в ряд, связанных за косы. Полицейский держал их за концы кос и гнал перед собой как скотину. Для вора коса представляет большое неудобство: если он бросится бежать, его легко схватить за косу и поймать. Поэтому воры часто втыкают в свою косу булавки и кривые шпильки, чтобы тот, кто схватит ее, сейчас же выпустил ее из рук; или же смазывают косу жиром, так что она становится скользкой, как угорь.

Однажды рано утром, на рассвете, я услышал, что кто-то кричит изо всей силы: «Мата-мата!» Я высунулся из окна и увидел моего соседа Ламберта, содержателя каретного заведения, который тоже высунулся из своего окна. Но кричал и звал полицию не он. Ламберт начал звать свою собаку и тут я понял, в чем дело. Наверху находился Ламберт, внизу — пес его, огромная охотничья собака, а между ними двумя — китаец, стоявший на бамбуковых ходулях, с помощью которых он забрался в дом Ламберта. Он еще держал в руках узел с награбленными вещами. Собака поджидала вора, чтобы вцепиться в него. Он не мог двинуться ни взад, ни вперед, и начал звать полицию на помощь. Меня взял такой смех, что я ничего с собой не мог поделать. Наконец появился полицейский, Ламберт отозвал своего пса, и «чинка» повели в тюрьму.

Обыкновенно считается, что Восток в смысле разных «трюков» перешеголял всех мировых мошенников. Но мои цирковые наблюдения научили меня, что содержатель доброго старого американского цирка заткнет за пояс любого китайского вора в умении приобрести денежки и не угодить в тюрьму. Самый ловкий из всех, кого я знал, был старый Поджи О'Брайан. Поджи походил на деревенского фермера и одевался под фермера,

за исключением торжественных дней, когда он носил бриллиантовые пуговицы на жилетах. Когда его цирк по дороге переезжал через мост, где берут пошлину за переезд, каждый из правивших фургонами должен был указать назад большим пальцем и сказать:

— Хозяин едет сзади, он уплатит.

И Поджи, наконец, появлялся в своем шарабанчике, запряженном старой клячей, а рядом с ним восседала его верная Мэри, ни дать, ни взять добрая фермерша по виду.

Сторож у заставы спрашивал:

— Это ваш цирк проехал?

Поджи сплевывал и свирепо смотрел на него.

— Неужто мы с моей старухой похожи на этих проклятых цыган?

Собираатель пошлин неизменно извинялся перед ним, а Поджи величественно махал рукой и отвечал, проезжая: «Ничего, ничего!» Сборщик оставался поджидать хозяина цирка...

Старый Поджи находил, что деньги надо добывать какими бы то ни было способами и копить их на черный день во что бы то ни стало. Одним из его способов добывания денег было предоставление концессий карманным ворам. Трое-четверо его знакомцев-воров работали у него в цирке. Он их не выдавал, а они за это отсчитывали ему половину выручки. Как-то появилась шайка, не привыкшая к обычаям Поджи. После первого представления они передали ему всего десять фунтов. Поджи фыркнул, но принял. На следующий вечер еще десять фунтов. И на следующий то же самое. Поджи был вне себя.

Когда публика выходила из палатки, он стал у входа на лимонадную стойку и громогласно обратился к присутствующим:

— Леди и джентльмены,— завопил он,— до меня дошли слухи, что в цирке завелись карманные воры. Осмотрите свои карманы, леди и джентльмены, и если у вас чего-нибудь неостанет, скажите мне; я постараюсь разыскать виновных.

Один из членов шайки, глядя на него во все глаза, пробормотал:

— Что вы затеяли?..

Поджи нагнул к нему:

— Пора вам утекать, вот что... Надоели вы мне с вашими десятью фунтами!

Поджи редко засиживался на одном месте дольше дня и, уезжая, оставлял за собою целую массу неоплаченных счетов. Раз он чуть было не попался. Это было в Трое, в штате Нью-Йорк. В то время как он раскидывал там свою палатку, явился шериф. Шериф намеревался описать за долги все, что только возможно.

Но старый Поджи рывкнул на него:

— Видите медную доску на фургоне со зверинцем? И вот ту, на клетке?.. Кажется, на них ясно написано: «Собственность Адама Форпау младшего». Если бы на слона можно было прибить медную доску, то на ней тоже стояло бы «Собственность Адама Форпау младшего»... Палатка? Палатка принадлежит моей жене Мэри.

— Что же принадлежит вам?

— Билеты и четыре шеста.

Шериф взбесился. Лицо у него стало грозное. Поджи решил его задобрить:

— Вот что, господин шериф,— сказал он,— вы нам разрешите устроить парад с барабанным боем по всему городу. Вернувшись, мы дадим представление на славу, и вы наложите арест на всю выручку до последнего цента. Идет?

Шериф успокоился, и Поджи торжественным парадом повез весь свой цирк, кроме билетов и четырех шестов. Парадное шествие двинулось кругом всей Трои — за Трою — за пределы штата — прямо в Медвилль, в Пенсильвании. Это был самый длительный парад на нашей памяти!

Когда кто-нибудь из сотрудников просил у Поджи денег, Поджи всегда требовал отчета, на что он собирается истратить деньги. Один сотрудник как-то ответил ему: «На рубашки и носки».

Поджи воскликнул: «Вы меня удивляете!.. Мало, что ли, у нас веревок для сушки выстиранного белья?»

Людей Поджи прижимал, но зверей он содержал хорошо, а своего единственного слона кормил с утра до вечера. Заботы о слоне доказывают, что Поджи был умен: слон — главный актер настоящего цирка. Я говорю, конечно, об азиатском слоне. Африканский слон совсем другое животное: не так умен, длинные ноги,

длинные отвислые уши, вообще некрасивый и неуклюжий. Слон из Азии — лучший товарищ. Дрессировка добродушного азиатского слона для меня игра, а не работа. Часто бывает, что самый легкий для дрессировщика и для животного трюк публике кажется самым трудным.

Один из наиболее распространенных трюков — слон становится на голову. Зрелище это удивительное и всегда вызывает бурю аплодисментов; но даже и глупые животные — какими в большинстве случаев бывают слоны — легко выучиваются этому трюку. Сперва слона подводят к стене и плотно прислоняют к ней так, чтобы он чувствовал, что для его большой тяжести есть надежная опора. Передние ноги ему спутывают. К задним ногам прикрепляют канат с блоком. Голову прижимают к полу, а задние ноги и туловище постепенно приподнимают с полу. Это работа трудная, потому что вес у слона огромный. С каждым днем его поднимают все выше и выше. Когда он привыкнет к этому, с передних ног снимают путы. Потом наступает наконец минута, когда, почувствовав, что его задние ноги начинают подтягивать кверху, он сам поднимает их. Дрессировщик знает тогда, что игра выиграна. Слон понял в чем дело. Его ласкают, хвалят и угощают любимыми лакомствами. Он очень доволен собой. Теперь он скоро выучится стоять на голове.

Научить слона садиться еще легче. Обучение требует недель трех — не больше. Слона прислоняют к стене, перед которой ставят стул. Стул должен быть прочен, как скала, потому что слон, на опыте убедившись, что весом он не легенький, страшно боится шатких сидений. Когда его задние ноги коснутся стула, его колют палками и толкают назад, пока он не сядет; при этом командуют: «Садись». Он всегда предпочитает «сесть» раньше, чем его начнут колоть острой палкой. После этого он получает любимое угощение. Мой знакомый слон в виде награды за то, что сядет, получал одну шоколадную конфетку (его ежедневная порция еды весила полтонны!).

Я ненавижу, когда слонов заставляют ложиться. Когда слон ложится в джунглях, к нему сейчас же забираются в хобот и в уши муравьи и всякие ползучие твари, и поэтому он привык думать, что ложиться всегда очень неприятно. Это кажется легким, но обучают ле-

жанию очень жестоко. Слона колют в бок острием, и все в одно и то же место, пока он не ложится инстинктивно, чтобы защитить раненое место. Это очень жестокий способ по отношению к доброму слону, который никогда не сердится на тех, кого знает. В мои бывшие цирковые дни мне случалось наказывать слона во время дрессировки, потом приласкать его, — и я мог лечь прямо перед ним на землю и лежать совершенно спокойно, зная что если кто-нибудь захочет обидеть меня, то заплатится жизнью.

Один мой приятель приучил слона к тому, что как раз перед началом номера слон получал морковь. Раз мой приятель заболел, а заменявший его товарищ забыл захватить морковь. Когда слон вышел на арену, он ясно дал понять дрессировщику: «Моркови нет — и номера не будет!»

— Ради бога, морковь! — как на крыльях полетело кругом. Публике объяснили в чем дело. Появившуюся морковь встретили шумными аплодисментами.

Этот случай обошелся благополучно. Но раз, в Бингемптоне, в штате Нью-Йорк (я работал тогда в цирке братьев Селльс) случилось, что два слона прямо с ума свели и кассу и дирекцию. Слоны любят воду еще больше, чем малайцы, и великолепно плавают. У нас были два слона — Красавец и Мэм. Они уже больше недели не купались по-настоящему, и вот дрессировщик решил дать им вволю поплавать в реке Ченанго. Это было ошибкой. Красавцу и Мэму слишком понравилось в воде. Они решительно отказывались выйти из реки, и единственным их ответом на зов сторожа были крики восторга. По городу разнеслось с быстротой молнии, что на реке даровое зрелище, какого еще не видывали здесь. Толпы собрались на берегу, любясь слонами: мужчины, женщины, дети... Красавец и Мэм пускали фонтаны воды из хоботов. Дрессировщик был совершенно беспомощен. Ему оставалось только не отходить от реки, пока слоны не накупались и не вышли на мелководье, тогда он сам полез вброд и загнал их на берег. К счастью, публике захотелось полюбоваться на этих «водяных» животных, и хотя начало представления запоздало, но цирк был переполнен.

Самые ужасные минуты в жизни мне пришлось пережить благодаря одному вполне благонамеренному

слону. Это было в Аделаиде, в Австралии, в 1884 году. Я работал тогда в цирке Фрайера, был молод и смел. В один прекрасный день наш режиссер Фицджеральд задал мне вопрос:

— Чарли, хватит у тебя смелости дать слону перешагнуть через тебя?

— Хватит, если у меня в руке будет острый гвоздь.

— Бери хоть целый бочонок гвоздей, если за этим дело!

Я взял гвоздь и отточил его до остроты иголки.

Хозяином слона был португалец Джо Румани. Надо ему отдать справедливость, он был не столько укротитель, сколько дурак. У него была маленькая слониха Мэг. Из этих двоих — дрессировщика и Мэг — весь ум выпал на долю Мэг. Трюк должен был быть таков: я растянусь на песке арены, а Мэг пройдет надо мной во всю мою длину. Мы начали обучать ее на соломенном болване. Она брезгливо приподнимала ноги и ни за что не хотела наступить на него: слоны терпеть не могут становиться на что-нибудь мягкое. Наконец, я сказал Джо, что попытаюсь проделать трюк. Он купил бутылку виски, чтобы отпраздновать это событие после представления, но, помимо моего ведома, от волнения хватил порядочную долю виски до представления. Лежа на спине, на опилках, усыпавших арену, я увидел приближавшегося ко мне Джо, который вел Мэг. Он шел зигзагами и вел слона боком. Единственным необходимым условием для нашего трюка было, чтобы Мэг находилась по абсолютно прямой линии с моим туловищем.

— Веди ее прямо,—одним углом рта сказал я ему так громко, что публика могла услышать мои слова.

Но Джо от радости не слышал ничего. Он поставил слона надо мной, потом потянул вперед. Мэг старалась как могла, но она была в совершенно неправильной позиции. Когда Мэг уже миновала мои ноги, я увидел, что ее правая нога находится прямо над моей головой. Я подумал, что мне пришел конец... К счастью, гвоздь был со мной. Я быстро воткнул его ей в ногу, и она так быстро отдернула ее, что ей удалось только задеть мой лоб и содрать кусочек кожи. Я даже боли не почувствовал, в таком я был состоянии: почти без сознания от волнения. Публика так и не заметила ничего, думая, что все идет как следует. После представления я пого-

ворил с Джо Румани при помощи кулаков. Его отнесли в госпиталь, а я больше в этом номере не выступал.

Слоны редко размножаются в неволе. Единственным исключением из этого правила была Колумбия.

Колумбия была слониха, которая родилась в зверинце Купера и Бэйли. Это был первый случай в Америке. В то время Барнум и Бэйли были соперниками. Барнум прислал Бэйли телеграмму, предлагая ему 100 000 за новорожденного слона. Бэйли сейчас же заказал огромный плакат с копией телеграммы Барнума, и под ней двухфутовыми буквами была надпись:

«ПРОЧТИТЕ, ЧТО ДУМАЕТ м-р БАРНУМ О НАШЕМ
НОВОРОЖДЕННОМ СЛОНЕНКЕ».

Барнум таким образом дал своему сопернику в руки необыкновенно выигрышную карту. Колумбия стала козырем в игре. Впоследствии, когда совершилось великое слияние Барнума и Бэйли, она была у них в зверинце. Но, может быть, общее баловство испортило ее, потому что, начиная с двух лет, она стала выказывать признаки скверного характера. И чем старше она становилась, тем хуже шли дела. Она пускала свой хобот в ход главным образом для того, чтобы бить сторожей, причем двух или трех из них серьезно ушибла, а к семи годам ее пришлось держать связанной. Из принципа мистер Бэйли не мог держать у себя слона с таким скверным характером, но из того же принципа он ни за что не продал бы слона: таковы уже были его понятия о чести. Когда Колумбии минуло восемь лет — она была уже почти взрослой к этому времени, — он приговорил ее к смерти... Не нашлось никого, кому можно было бы поручить застрелить ее. Убить слона наповал — вещь не легкая. Поэтому Колумбию решено было удавить. Ей накинули на шею две веревки, и двух слонов заставили тянуть их в разные стороны. Она умерла по вине своего скверного характера.

Слоны, по моему мнению, самые интересные животные в мире, и они заслуживают серьезного и глубокого изучения. Дрессировка больших животных кошачьей породы — львов, тигров, леопардов — совсем другое дело. Они довольно умны, но им не хватает того желания учиться, той доброй воли, которая есть у слонов. Од-

нако когда они выучатся чему-нибудь, они входят в роль и проделывают свои трюки с удовольствием. По моим наблюдениям, со львом легче справиться, чем с тигром: он ленивее в своих движениях и не такой злой. Но даже льва никак нельзя заставить проделать что-нибудь замечательное. Он прыгает в кольцо и позирует вместе с остальной группой на пьедестале — не больше: царь зверей не царь среди актеров. А проскочить сквозь огненное кольцо хватает храбрости только у взрослых львов и тигров. Громкого холостого выстрела достаточно, чтобы управлять зверями кошачьей породы. Селаданг — единственный зверь, который не боится шума. Всего труднее поддаются дрессировке черные леопарды. Среди них почти нет дрессированных, и очень мало находится сейчас в выучке.

Если бы тигра можно было заставить показать на арене цирка свою силу или длину своего прыжка — это было бы удивительное зрелище. Мне случалось видеть, как тигр после борьбы в джунглях уносил в свое логовище животное весом фунтов в двести. Тигр может прыгать на огромное расстояние. Раз я измерил длину прыжка кенгуру в Австралии, когда он убежал по кустарнику. Прыжок был длинной в тридцать шесть футов. Но тигр без разгона может прыгнуть дальше футов на пять или даже на десять.

Один из красивейших тигров, которого я видел — его звали Раджа, и я не забуду его до моего смертного часа, — принадлежал цирку Хармстона. Хармстон — это восточный Барнум. Он обыкновенно давал представления в Индии, в Сингапуре, затем переезжал в Гонконг, Шанхай, Японию и на Яву. Я его встретил как-то в Калькутте, где был по делу. Почти весь мой досуг я проводил в цирке с Бобом Ловом, директором. Представления давались месяц, причем программа менялась каждую неделю. Иногда какой-нибудь принц или магараджа купал все представление, и цирк был закрыт для публики. Вот тебе и публичные представления!

Особенно интересными считались те вечера, когда Боб Лов устраивал гонки местных лошадей: пятьдесят рупий — первый приз — получал владелец лошади, которая лучше всех брала препятствия, и еще два приза. Обыкновенно записывались шесть-восемь австралийских лошадей. Публика очень любила гонки.

Странную толпу собирал в свои стены цирк Хармстона в Калькутте! Тут были люди со всех концов земли. Входная плата назначалась от восьми анна до четырех рупий. Вечернее представление начиналось в девять часов. Офицеры и штатские из иностранцев являлись во фраках, по-парадному, и усаживались в ложах, шедших по барьеру арены. За ними находились обыкновенные места, расположенные амфитеатром. Одни стулья были покрыты красным ковром, а другие — нет. Это соответствовало креслам и галерее. В креслах сидели туземцы высшего класса и европейцы, если только они не были в состоянии купить ложу, а на галерее сидел всякий другой народ. Индоостанские, магометанские и бенгальские женщины не имели права сидеть там, где мужчины, и должны были закрывать свои лица. Поэтому места для них были отгорожены сеткой, натянутой на бамбуковые колья: она не мешала им видеть все происходившее, но отделяла их от остальной публики, как стеной. Некоторые ложи тоже были завешаны занавесями. Европейские женщины и тамилки сидели рядом со своими мужьями или отцами. Смешивались пестрые кимоно, парижские туалеты, босые ноги, французские каблук и шелковые чулки, тюрбаны и гладкие непокрытые головы. Представления-гала у Хармстона объединяли всевозможные моды, костюмы и манеры.

Во всех программах и во всех представлениях, как публичных, так и частных, один номер оставался неизменным: австралиец Джордж Кинг и его огромный тигр Раджа. Раджа был ростом в девять футов, восьми лет от роду и весил триста пятьдесят фунтов. Он был очень красивый. День за днем, вечер за вечером, в течение двух лет Кинг входил к Радже в клетку с хлыстом и заставлял его работать. У зверя была худая слава, которую, конечно, из-за выгоды для цирка, еще преувеличивали. Говорили, что он истребитель людей, что он опасен. Я знал наверное, что он убил четырех мужчин. Однако, казалось, что Кинг любил Раджу и что тигр платил своему дрессировщику привязанностью. Конечно, Кинг всегда сам кормил тигра. Тот был приучен брать куски сырого мяса у Кинга из рук. Кинг обычно ласкал тигра, пока он ел, потом, приманивая его к самой решетке, чесал у него за ушами. Раджа мурлыкал, мурлыкал, тихо ворчал, потом начинал мяукать, как огромный

кот. Потом он ложился на спину и катался, пока Кинг смеясь разговаривал с ним.

Когда Джордж Кинг не работал с тигром, он исполнял в цирке незаметную обыкновенную работу, помогал устанавливать декорации, прибирал зверинец. В цирке все работают усердно. Получал он в месяц сорок фунтов на всем готовом, то есть стол, квартиру и помещение. Но когда он выходил на арену — тут он был и необыкновенный и заметный. Он был высок ростом и красив. Одевался в ярко-красную куртку, расшитую золотом, красные шаровары, высокие сапоги и красную с золотом шапочку.

Однажды он закутил вовсю. В Калькутте много спиртных напитков, и хороших и плохих. Раз по долевавшему до меня запаху я понял, каким сортом вина напивается Кинг. Я сказал ему:

— Кинг, лучше бы вы бросили пить. Иначе вам когда-нибудь не выйти из клетки: вас вынесут оттуда.

Он засмеялся.

— Полно, Майер, я свою кошку знаю от кончика носа до кончика хвоста.

Этот ответ мне не понравился. Когда Боб Лов заключал контракт с каким-нибудь укротителем диких зверей, он всегда заставлял укротителя подписать бумагу о том, что он, укротитель, знает, на что идет, и действует на свой риск и страх. Обыкновенно укротители с легкостью соглашались подписать такую бумагу. Но дело в том, что на земле не существует человека, который знал бы тигра от кончика носа до кончика хвоста, и нет тигра, который знал бы, что может сделать человек. Оба являются загадкой друг для друга. И человек, у которого голова недостаточно ясна, чтобы перехитрить тигра, погиб.

В тот вечер, когда назначено было состязание лошадей, Кинг решил остричь Радже когти. Он привязал тигра к решетке, вытащил его лапу наружу, вынул большую острую пилку и начал свое дело. Но он был так сильно пьян, что рука его дрожала, и последний коготь он обрезал слишком близко к мясу. Раджа завыл, а Кинг расхохотался. Когда он отпустил веревки, зверь забился в дальний угол клетки и сталлизывать лапу.

Представление шло очень удачно в этот вечер, и все номера имели шумный успех. Цирк был старого фа-

сона — круглый, так что отовсюду все было хорошо видно. На состязании лошадей выиграл общий любилец, и публика бесновалась от восторга.

После того как состязание окончилось и призы были розданы, на арену вкатили клетку Раджи и поместили ее посреди арены. Клетка состояла из двух частей: большей — где помещался тигр, и меньшей — устроенной так, что укротитель мог пройти в нее через дверцу, затворить дверцу за собой и тогда уже пройти к тигру во внутреннюю дверцу. Когда укротитель выходил из клетки, он всегда шел спиной к зрителям, лицом к тигру, пристально смотря ему в глаза. Боб Лоб следил за тем, чтобы по обеим сторонам клетки всегда стояли наготове два человека с длинными острыми железными пиками, на случай, если зверь закапризничает и надо будет помочь укротителю.

В то время как я стоял у входа и разговаривал с Бобом, Джордж Кинг вышел на арену. На его лице играла усмешка, которая что-то не понравилась мне, а его красная с золотом шапочка была ухарски сдвинута набок. Он бил хлыстом по своим глянцевитым сапогам. Его встретили громом аплодисментов, он поклонился, коснувшись своей шапочкой опилок арены, и вошел в первое отделение клетки. Оркестр заиграл тревожную трель, словно ожидая чего-то... Кинг распахнул вторую дверцу, споткнулся, ухватился за решетку и кинулся вперед. Раджа бросился на него, сбил его с ног одним ударом лапы и начал грызть, как крысу. Все это случилось с такой молниеносной быстротой, что люди с пиками на секунду замерли, точно парализованные. Публика закричала. Я никогда не слышал такого странного звука — это было смешение всех человеческих криков, вплоть до истерического хохота. Наконец в Раджу вонзили с двух сторон пики. Он забился в угол, рыча и фыркая. Принесли доски, чтобы отделить деревянной перегородкой тигра от его жертвы. Толпа не сразу поняла, что происходит. Кто-то закричал, что клетка сломалась. Началась паника. Мужчины и женщины в беспорядке кидались к выходам прыгая через скамьи, падая на пол. Замолкший было оркестр заиграл бравурный марш. Кинга вытащили в первое отделение клетки. Он был убит наповал. Молодая девушка в желтом платье выбежала на середину арены. Она вскрикнула,

взмахнула руками и замертво свалилась на песок арены.

Я побежал помочь девушке, но двое мужчин опередили меня и уже подняли ее. Не помню, как я выбрался из палатки. Помню только, что помогал нести какую-то англичанку-путешественницу в гостиницу. У нее была шишка на голове, и она была без сознания. Я позвал доктора и потом пошел посмотреть, не надо ли чего Бобу. Но он не нуждался в помощи. Он запирали цирк на ночь, как будто ничего не случилось. Цирк ничем не удивишь.

Я вернулся к себе и напрасно пытался заснуть. Все время в моей голове вертелась мысль: «И существуют еще такие безумцы, которые воображают, что можно приручить зверя и быть спокойным».

Сумасшедший слон

Вскоре после того как я распродал в Европе зверей, пойманных на Борнео, и вернулся к своему зверинцу в Сингапуре, меня неожиданно посетил важный сановник. Это был Тунку-Сулейман, маленький раджа из Келантона.

Я помнил его как ленивого туземного султана, одетого в широкие китайские шаровары (больше ничего на нем не было) и восседающего, поджав ноги, на подушках. Но здесь, в моей приемной, он сидел церемонно на кончике стула, а его свита разместилась на корточках позади него. Он был одет в безупречный белоснежный китель, на нем были белые носки и черные башмаки, а на голове круглая шапочка. В этом костюме он выглядел необыкновенно несчастным. Он приветствовал меня саламом, прижал мою руку ко лбу и пожелал мне прожить тысячу лет.

Я сразу увидел, что он чем-то очень обеспокоен. Он с благодарностью вспомнил о том, что я убил в его округе тигра, пожиравшего людей, и затем пригласил меня оказать ему честь посещением, предложив «ловить у него всех зверей, каких только аллах послал на землю». Он мне окажет всяческое содействие и даст столько людей, сколько я захочу.

Я велел подать айер-тэ (чай), побольше сахара и печенья, и пока мы распивали чай и закусывали печеньем, я добрался до сути дела. Оказалось, что бродячий слон¹³ производил опустошения в округе Тунку, и он боялся, что в животное вселился нечистый дух. Сказал он мне это так, что, дескать, его «люди — они ведь ужасно глупы — уверены, что это ханту». Его длинные висячие усы, в которых можно было сосчитать каждый волосок, плачевно повисли вниз, и я понял, что он так же суверен, как любой человек, взрослый или ребенок, в его владениях.

— Что же он наделал, этот слон? — спросил я.

— Он убил четверых, туан. Он гнался за ними, а потом растоптал их как мух. Мои люди вырыли столько ям, сколько у меня пальцев на руках, но он к ямам и не подходит. Мои люди уверяют, что его предостерегает злой дух.

«Тонкое чутье предостерегает его», — подумал я про себя.

— Вы видели его когда-нибудь? — спросил я.

Тунку не видел слона, но видел причиненные им беды.

— Ест он немного, туан, но портит все. Вытаптывает поля. Мы боимся не его пустого желудка, а его злого сердца. Он вошел раз ночью в маленькую деревню и повалил половину домов.

— Если бы туан не был великим охотником, — льстиво продолжал Тунку, — великим охотником, который не боится духов, я не посмел бы просить туана убить этого четвероногого дьявола.

Понятно, эта история о слоне-дьяволе не могла не заинтересовать меня. Я никогда не встречал бродячего слона, но я имел понятие о том, как слоны делались одинокими бродягами. Он, вероятно, подрался со старым самцом, самки перестали его подпускать к себе, и стадо выгнало его из своей среды, так что ему пришлось жить одному, и он постоянно неистовствовал.

Тунку с тревогой смотрел на меня.

— Я должен подумать, — сказал я. — Приходите завтра.

Но он не мог прийти ко мне на другой день: его па-роход отправлялся утром.

— Если я решусь поехать с вами, — сказал я, — то я

буду на пароходе к часу его отплытия. Если меня не будет, значит, я не могу ехать.

В сущности я уже твердо решил ехать с ним. Но не следовало выказывать столько усердия. Принимая его приглашение, я хотел, чтобы он понимал, что я оказываю ему одолжение.

— Если вас не будет, значит, злой дух слона имеет власть даже в Сингапуре.

Он старался улыбнуться при этих словах, но мне было ясно, что он искренно думает так.

Сейчас же после его ухода я начал собираться в путь с расчетом на двухмесячное отсутствие. Я позвал также моего боя Хси-Чу-Ая и сообщил ему, когда и куда мы, вероятно, поедem. Он был большой непоседа, и такой хозяин, как я, был ему по душе. Он всегда содержал мои дорожные вещи в боевой готовности, но ему необходимо было знать, как мы едем: сушей или водой, на большом пароходе или на маленьком. Если на маленьком, он спешил на рынок и закупал все нужные для путешествия запасы: кур, фрукты и овощи.

На следующий день я случайно встретился с Уилькоксом, капитаном берегового катера, на котором собирался ехать. Я попросил его, в случае если я немного запоздаю к отходу катера, подождать меня; ехать я решил твердо. Но появился я на катере с моим Хси-Чу-Аем только тогда, когда Тунку уже потерял всякую надежду увидеть меня. Невозможно описать выражение его лица, когда он смотрел, как я взбираюсь на борт катера. Он ведь решил повести борьбу не на жизнь, а на смерть с бешеным слоном и чувствовал, что эта борьба очень возвысит его в глазах подданных.

Катерок наш был препоганенькое суденышко. Сидел он в воде всего на каких-нибудь семь футов. Его сильно нагрузили, а на палубе — слишком маленькой для такого количества народу — теснилось человек тридцать-сорок туземцев. Тунку-Сулейман вынужден был сидеть в тесноте, так как пассажирских кают не было. Я поселился в помещении капитана и пообедал вместе с ним. Устроиться на ночь было делом простым: мы поставили рядом на палубе наши раскладные кресла и растянулись на них. Но вопрос о еде чуть было не ввел меня в неприятности. Мой Чу выгнал повара из кухни, поспорив с ним из-за приготовления кэрри. Повар вы-

летел на палубу, размахивая мясным ножом, глаза его сверкали угрозой. Чу последовал за ним тоже с ножом в руках. Он был очень сильный китаец. Мне случилось благодарить судьбу за силу этого китайца, когда, бывало, он на руках ташил меня сквозь чащу джунглей больного лихорадкой, в жару. Но сейчас, когда Чу гнался за поваром, я хотел чтобы он не был так силен. Я пережил несколько неприятных минут. Однако капитан оказался на высоте. Он выругался на восточный манер. Потом обратился к повару-китайцу и заорал:

— Да оставь ты его на кухне,— пускай стряпает, а ты отдохни! Разве не знаешь, что иногда бывает полезно переменить меню, даже если перемена к худшему?

Тут он увидел, что глаза Чу сверкнули злобным огнем, и прибавил:

— А если перемена к лучшему,— так это отличный подарок.— Оба китайца успокоились и разошлись, и каждый чувствовал себя польщенным. Кэрри было сделано по моему вкусу, и мы с Уилькоксом отдали ему честь.

На четвертый день, после полудня, мы достигли куалы на реке Келантан и двенадцать миль прошли на веслах, лавируя между островков. Так мы прибыли в Кота-Бхару. С восточной точки зрения, в городе не было ничего примечательного. Мы шли сквозь обычный лабиринт немошеных песчаных улочек, лишенных растительности. Но когда мы дошли до базара, меня опять поразило то же, что и в первый раз, когда я попал в Кота-Бхару. На рыночной площади продавали всякий товар женщины с непокрытыми лицами и при этом болтали и смеялись с покупателями так же непринужденно, как мужчины. Я приписывал это влиянию Сиам и был прав: мусульманская религия здесь была слабее, чем в других местах, и женщины не были такими затворницами, как у мусульман.

Тунку пригласил меня остановиться с ним вместе в доме его родственника Дату Аменда. В мое распоряжение предоставили большую комнату и четырех сиамских девушек для услуг.

На следующий день мы отправились вверх по реке в лодке Тунку, очень удобной, с каюткой и шестью гребцами. Единственную остановку по пути мы сделали в одном кампонге, расположенном в чаще кокосовых деревьев. Все жители кампонга были заняты заготовле-

нием копры, мякоти кокосовых орехов, высушенной на солнце. Приторный запах копры доводил меня до тошноты. Мне предложили купить кокосов по смехотворно высокой цене — по доллару за штуку. Но я бы и даром их не взял, так мне был противен этот запах.

Кокосовые пальмы очень красивы, высоки, иногда до ста футов в высоту, стройны и заканчиваются на верхушке пышной короной из листьев, похожих на страусовые перья. Эта пальма, пожалуй, приносит больше пользы, чем какое бы то ни было другое дерево в мире. Из его волокон выделяется все, что угодно: начиная от канатов и кончая дамскими веерами. Кокосовое масло тоже служит для выделки множества предметов, из которых для меня, пожалуй, самым важным являлось «морское мыло», мылившееся в морской воде. Алкогольный напиток, который приготавливают из молодых ростков и нераскрытых цветочных почек кокосовой пальмы — самшу — не нравился мне. Это нечто среднее между плохим джином и еще худшим кюммелем. Но я охотно ел нежную белую мякоть, которую вынимают ложками из незрелых орехов. Это вкусно.

Чу-Ай знал мою ненависть к запаху копры, пронизывающему все вокруг, поэтому он приготовил мне редкое угощение — сухопутного краба, сваренного по всем правилам поварского искусства. Поймали его очень искусным способом. По ночам сухопутные крабы, которые живут в воде только в период размножения, обыкновенно вползают на кокосовые деревья при помощи своих длинных клешней. Они поедают молодые побеги на верхушке дерева. Туземцы обвертывают ствол пальмы толстой веревкой из пальмовых листьев и смолы футов на десять-пятнадцать от земли, потом получившееся кольцо обмазывают глиной и песком. Старый краб взбирается наверх, не замечая этого препятствия, так как ему нетрудно пройти через кольцо. Потом, когда он наестся досыта и, спускаясь, почувствует под собой песок и глину веревочного кольца, он воображает, что уже дополз до земли, отпускает свои клешни, падает и разбивается о землю. Это довольно предательский способ ловли, но краб — животное не только вредное, но и очень вкусное...

Выехав из кокосового кампонга, мы больше не делали привалов, пока не доплыли до стоявшей на пес-

чаном берегу деревушки, где нас ожидали два слона.

Один из них должен был везти меня и Тунку, а другой — багаж. Тут пришлось хорошенько уложить все. Нам надо было устроиться так, чтобы все, что могло понадобиться нам за время нашего четырехдневного пути по джунглям, было бы у нас под рукой. В конце концов на грузовом слоне образовалась целая гора. Это не смутило Чу-Ая. Он взобрался на самый верх горы и ехал с полным удобством. Люди Тунку шли пешком, мы с Тунку восседали в корзинках, привешенных по обе стороны слона, а погонщик сидел верхом на его шее. Корзинки были снабжены подушками, чтобы нам было удобно ехать, по крайней мере чтобы Тунку-Сулейману было удобно ехать, потому что никакие подушки не могли помочь мне. Для меня езда на слонах всегда была одним из видов пытки. Свободная шкура животного все время так и ездит взад и вперед. А как слоны любят воду! Каждый раз, как нам приходилось на нашем слоне переплывать реку, он визжал от удовольствия. Нам приходилось становиться на ноги в наших корзинах, снимать носки и башмаки и держать их вместе с подушками над головой, чтобы все это не промокло. А слону страшно хотелось окатить нас и свою спину, и все вокруг фонтанами воды из своего хобота. И он непременно облил бы нас, если бы погонщик время от времени не давал этому живому пожарному рукаву хорошего тумака. Так мы перебирались на противоположный берег.

К счастью, по пути встретились два небольших кампонга, где можно было остановиться для отдыха. В каждом из них у Тунку был хороший дом. С наслаждением я растягивался там на своем матраце, неизменно спутствовавшем мне повсюду, и заставлял Чу-Ая массировать меня. Меня представляли туземцам как человека, который пришел убить страшного слона и которому дьявол не может сделать никакого вреда. Простодушные туземцы смотрели на меня во все глаза. Многие из них никогда не видели белого человека.

На пятый день пути мы доехали до кампонга Тунку — самого большого поселения в глубине страны. В нем было до тысячи человек жителей. Наш приезд привел в волнение весь кампонг. Меня, конечно, пом-

нили. Почти все мужчины и мальчики уверяли меня, что они когда-то помогали мне охотиться на «пожиравшего людей тигра». Многие из них говорили правду. Тунку всех отослал прочь, потому что мне необходим был отдых и укрепляющий массаж моего Чу-Ая.

Отдохнув, я готов был приступить к беседе о «страшном слоне». Рассказы о подвигах бродячего слона могли служить лишним доказательством того, что здесь, в тропиках, рассказы разрастаются так же неумеренно и пышно, как деревья и травы. Мне пришлось призвать на помощь все свое знание джунглей, чтобы разобраться, что правда в рассказе, а что фантазия. Не было почти ни одного человека в кампунге, который не был готов торжественно поклясться аллахом, что видел слона. Оказывалось, что его видели одновременно в нескольких местах. Когда я обратил внимание на эту странность, мне в ответ стали значительно качать головой.

Один сморщенный старик прошамкал: «Туан, как искусный волшебник, сам знает, что таков дьявольский обычай!»

Рассказы насчет размеров чудовища очень различались между собой, но в одном пункте сходились все: а именно, что этот слон был больше всех виденных прежде слонов. Я заключил из этого, что слон действительно очень большой. За время отсутствия Тунку он наделал большие опустошения в рисовых и сахарных полях. Чем скорее с ним удастся справиться — тем лучше.

Пока я раздумывал, кого из этих высоких, стройных, сильных уроженцев Келантана мне взять с собой — почти каждый из них просился со мной, — я натолкнулся на любовную драму. Оказалось, что некий Осман, ковач, выделывавший малайские кинжалы, совсем потерял голову от любви к одной молодой женщине, искусной ткачихе. Она была замужем за пожилым человеком, который не давал ей развода. Она не могла развестись с ним, потому что ее семья уже истратила выкуп, заплаченный мужем за нее. Прежде чем просить о свободе, она должна была уплатить мужу, вернуть ему все, что он за нее заплатил. Эту историю мне рассказал Тунку. Он боялся, чтобы Осман как-нибудь ночью не добрался к дому своей возлюбленной и не всадил бы через щель в полу своего копья в тело спящего мужа.

Между спящим и его врагом ведь никакой преграды, кроме тонкой циновки, не будет...

— Осман,— с горечью сказал Тунку,— сходит с ума из-за женщины... А он выделявает лучшие кинжалы во всем Келантане!

Он показал мне один из кинжалов работы Османа. Это было произведение художника. Рукоятка была из драгоценной слоновой кости, а вырезное лезвие было украшено узором, вытравленным мышьяком и смолой.

— Хорошо было бы, если бы вы его взяли с собой, туан,— сказал Тунку.— Говорят, что охота на диких зверей — это лекарство от любовного безумия. Любовь попадает в зверя и умирает вместе с ним.

Я попросил, чтобы мне показали молодую женщину. Шли толки, что она ходила к местному колдуну за тем, чтобы он сделал ей изображение ее мужа из тряпок и проколол бы его во всех местах булавками: это должно было — как мне серьезно сообщили — неминуемо убить ее мужа медленной смертью. Когда я увидел ее, она с важностью наблюдала за выделкой саронгов; на ней самой был очень красивый саронг. Она была недурна собой, с сиамским косоглазием, которое, вероятно, и пленило Османа. Его любовь была настолько всем известна, что я не постеснялся спросить у нее:

— Ну, что, дашь ты старику жить или хочешь молодого мужа?

Она, смеясь, ответила мне:

— Туан мау сахиа (Не хочет ли меня туан)?

Она была очень смела и кокетлива. Я почувствовал, что Осману безопаснее будет отправиться на охоту за дикими зверями.

Мы не знали наверное, где сейчас слон, и Тунку посоветовал отправиться налегке на разведку и посмотреть, не наткнемся ли мы где-нибудь на свежий след. К некоторому моему удивлению, он заявил, что сам отправится с нами и что мы с ним поедem на одном слоне.

На другое утро, около восьми часов, мы двинулись в путь. Слон, на котором мы с Тунку ехали на этот раз, был, к счастью, не тот, что растряс все мои кости; это была самка с более плотно прилегающей шкурой. Все наши слоны в этой экспедиции были самки. Осман ехал на слоне с товарищем, погонщик уселся верхом на шею слона, заложив ноги ему за уши. На другом слоне

ехали два великолепных молодых туземца, а на третьем замыкали шествие мы с Тунку. Мы проезжали по джунглям, сперва по параллельным дорогам, но потом чаща джунглей стала так непроходима, что пришлось ехать гуськом: Осман — передовым, мы позади. Свежих следов слона нигде не было видно. Судьба испытывала наше терпение.

Мне кажется, что молодой мастер, оторванный от своей возлюбленной, был немного не в своем уме. По крайней мере он выкинул вещь совершенно безумную: подъехав под огромный пчелиный улей — по меньшей мере в ярд длиной, — он поднял свое копье и проткнул улей. Оружие вонзилось в соты. Он дернул и вытащил его обратно. Улей упал и разбился. Тут нам показалось, что вырвались на волю все пчелы вселенной.

Передовой слон, заревев от боли и бешенства, понесся прямо в джунгли. Второй кинулся вправо. Я успел крикнуть нашему погонщику:

— Балик пуланг (поворачивай)! — и закричал Тунку, чтобы он спрыгнул, и бежал. Мы выпрыгнули из наших корзин и соскользнули на землю. Я надвинул панаму плотно на глаза. Но мы уже были облеплены пчелами. Мы ощупью отломили по ветке и стали, как иступленные, махать ими в воздухе, отгоняя и стряхивая с себя пчел. Все мое тело было как в огне. Я собрал горсть сухих листьев и поджег их. Мы оба были страшно искусаны. Мы нагнулись над дымом. Одна за другой пчелы, оглушенные дымом, падали с нас. Я думаю, Тунку был уверен, что и тут не обошлось без участия слона-дьявола... Он был подавлен.

Выбравшись на тропинку, мы побрели по направлению к кампону. Пройдя около половины пути, мы встретили нескольких туземцев с грубыми носилками, сделанными из веток и привязанными к шестам для переноски. Наш погонщик успел сообщить им о нашем приключении с пчелами. Чу-Ай был с ними. Он тащил свой чайник. Мы подкрепились и вернулись из нашего неудачного похода в деревню.

Когда в джунглях уже спускалась ночь, возвратились молодцы, ехавшие на втором слоне. Они тоже соскочили со своего слона, как и мы, но только после того, как одному из них суком больно задело голову. Как я ни был сам искусан, я все-таки принялся вместе с Чу-

Аем лечить его рану с помощью «лекарств белого чело-века», имевшихся в моем дорожном мешке. Против пчелиных укусов я не мог поделаться ничего.

На следующий день несколько партий отправилось по разным направлениям на розыски передового слона, ехавших на нем людей и второго слона. Слонов нашли недалеко от кампонга, к которому их привело тонкое чутье, свойственное самкам слонов. Они были жестоко искусаны пчелами; особенно жалкий вид был у того, на котором ехал Осман. Пчелы пробрались в складки его кожи, жестоко искутали его бедный хобот, который был весь в нарывах.

Без хобота слон совершенно беспомощен. Он не может пить, не может есть, можно сказать, весь механизм его жизни нарушен. Мы вливали ему воду прямо в рот, кормили его с рук плодами. Потом принялись лечить хобот: сперва примачивали горячей водой, чтобы смягчить воспаление, а потом смазали кокосовым маслом. Я сделал нечто вроде припарки из мелконарубленных листьев лекарственной травы. Смазав больной хобот, мы сверху наложили еще слой глины, чтобы припарка не сползала. Один из вожаков во время этой операции все время разговаривал со слонихой, утешая ее и успокаивая ласковыми словами. Он даже сказал ей, что она красавица, хотя это было очень далеко от истины.

Слониха была очень терпелива. Тот факт, что она позволила нам так возиться с ее больным хоботом, был доказательством огромного доверия к нам. Этот орган у слонов чрезвычайно чувствителен, и животное особенно старается защитить его. Азиатский слон, когда нападает на врага, отводит свой хобот в сторону, чтобы не повредить его случайно, хотя из-за этого ему приходится нападать без воинственного рева африканских слонов.

На второй день после нашей битвы с пчелами вернулись люди, искавшие Османа и его спутников. Все, что они принесли с собой, было копье, послужившее причиной несчастья. Они вырыли три отдельные могилы, сказали они, потому что трупы нашли в разных местах. У меня нехватило духу спросить, какой смертью погибли несчастные. Очень вероятно, что они буквально были закусаны насмерть: ведь за ними кинулось в погоню больше всего пчел.

Население кампонга отнеслось к происшедшей трагедии с обычным малайским спокойствием.

— Осман помешался от женщины, — сказали они, — и поступил как сумасшедший. А в джунглях нельзя было так поступать: в джунглях слишком легко попасться в сети смерти. Это огромные сети, растянутые по всем джунглям, и попадаете в них не только сам безумец, но и все, кто близко к нему.

Тунку-Сулейман горько сожалел о потере самого искусного мастера.

— Туан, — сказал он, — Осман подобен тому, кто спасается из когтей тигра, чтобы попасть на зубы крокодилу.

После минутного раздумья он прибавил: «А дьявол, который вселился в страшного слона, радуется!..»

Прекрасной ткачихе это показалось предупреждением аллаха. Говорят, что она вытащила все булавки из тряпичного изображения своего мужа и вернулась в его объятия.

Приблизительно через неделю, когда мы все — люди и животные — почти совсем оправились от пчелиных укусов, были получены новые донесения о местопребывании бродячего слона. Он совершенно разрушил и уничтожил небольшую плантацию буа пинангов (орехов бетеля), переломав все похожие на маленькие пальмы деревца бетеля, когда пробирался сквозь них. Человек, которого я не мог сбить никаким перекрестным допросом, уверял меня, что сам видел его на расстоянии двухдневного пути от кампонга.

Я решил, что настало время действовать и попросил Тунку послать за тремя старейшинами ближайших кампонгов. Каждому было приказано доставить свои ружья и по десятку лучших людей кампонга. Без приказа было ясно, что они принесут и свои копья. Ни один малаец не пускается в джунгли без копья. Когда явились новоприбывшие, женщинам было поручено накормить их. Все происходившее было похоже на приготовление к спортивному празднику, но вместе с тем все были встревожены. Белый волшебник собирался вести их против дьявола в слоновьей шкуре... Они толковали об этом, понизив голоса.

Тунку решил, было, не ехать с нами. Он сказал, что у него голова болит. Но в последнюю минуту передумал

и взобрался на моего слона. Мы ехали на тех же трех слонах, что и в предыдущую неудачную поездку, с нами было пятьдесят пеших мужчин, вооруженных копьями. Старейшины с ружьями ехали на слонах.

Отправились мы вскоре после восхода солнца и ехали не торопясь и стараясь не производить никакого шума: не смеялись, не разговаривали. Прошло два с половиной часа, пока мы напали на след бродячего слона. Но зато следы были совсем свежие: они были проложены не более получаса тому назад.

Тогда мы растянулись: мой слон в центре, два других по бокам; между ними стали люди так близко один от другого, что могли бы схватиться за руки. Если бы мы в таком порядке напали на дикого слона — нам было бы легко окружить его. Трудно поверить, как мало шума мы делали. Мы продвигались очень медленно, пока не достигли бамбуковой чащи. Тут обрывались следы. Возможно, конечно, что слон пробрался сквозь чащу и пошел дальше, но возможно было и то, что он мирно спит в самой середине чащи после бессонной ночи и прогулки по плантациям. Узнать это было нетрудно. Охотники нередко подкрадывались к целому стаду во время его сна. Опасность в таких случаях заключается только в слове или в крике. Стадо, которое бросилось бы в ужасе бежать от одного ружейного выстрела, наоборот, кидается в нападение при звуке человеческого голоса. Я думаю, это происходит оттого, что выстрел для них является чем-то неизвестным и пугает их, а голос им хорошо известен.

Я подозвал жестом двух из туземцев, которые казались мне ловчее и умнее других. У них были пронизательные глаза. Я сказал им чуть слышным шепотом, чтобы они проползли в чащу, не делая никакого шума, посмотрели, нет ли там слона, и если он там, чтобы так же бесшумно вернулись и указали нам точное место. Последнее мое наставление им было: «Будьте тихи, как ящерицы, и пусть ни одно слово не выйдет из ваших уст».

Они наклонили головы в ответ, и их смуглые тела исчезли между стволами бамбука. Как только они скрылись из виду, я дал знак окружить бамбуковую чащу.

Как я после узнал, произошло следующее. Когда оба туземца ползли вперед, вытянув свои копья, их глаза

были ослеплены странным светом: благодаря прямым стволам бамбука в чаще все казалось перерезанным полосами, и они ничего не могли сразу разобрать. Они не видели спящего слона до той минуты, когда буквально наткнулись на него. Тогда один из них вне себя от страха крикнул товарищу одно слово: «Иага!» (Берегись). Это было последнее слово, которое ему суждено было произнести в жизни. Слон поймал его хоботом. Товарищ его бросил в слона копьём и кинулся к нам, крича: «Гаджа датанг!» (Слон здесь). Слон бросился на крик, выбежал из чащи нам навстречу, все еще держа в хоботе мертвого человека. Потом он бросил труп на землю, страшно завыл, наступил на него своей огромной лапой, оторвал у него хоботом одну руку, подбросил ее в воздух и кинулся на нас. Наш ряд расступился. Ручные слоны были так напуганы, что отказывались повиноваться своим вожакам. Мой слон весь дрожал с ног до головы. Вожаку не удавалось никак повернуть его так, чтобы я мог прицелиться бродячему слону прямо в отверстие у основания хобота. Оно у азиатского слона не защищено клыками так, как у его африканского родича, и поэтому выстрел в него является смертельным. Туда-то я и хотел прицелиться, но это было невозможно. Тогда мы все начали стрелять и кидать в слона копьями по разным направлениям. Слон пробежал несколько шагов, зашатался и рухнул мертвым. В него попало около тридцати копий, множество пуль из ружей туземцев и несколько моих разрывных.

Когда страшная туша перестала содрогаться, туземцы столпились около слона, и каждый поочередно плевал на него. Невероятные ругательства, насмешки, проклятия посыпались на мертвого слона. Я был рад, когда они, наконец, сменились торжествующими криками и диким смехом. Люди довели себя до какого-то безумного экстаза. Их враг лежал мертвый. Один из товарищей, правда, тоже лежал мертвый... Но слон-дьявол погубил много жертв, и это была последняя жертва.

Тунку-Сулейман спокойно смотрел на все происходящее. Его усы не изменили своей плачевно-отвислой формы.

— Туан,— сказал он мне,— так как слон этот при-

чинил много бед моему народу и в нем несомненно был дьявол, то я хочу сохранить его клыки как талисман от злых духов. Но этот перстень, туан, прими в знак моей благодарности!

Он снял бриллиантовый перстень со своего пальца и протянул его мне. Камень весил карата четыре, но был, к сожалению, местного гранения.

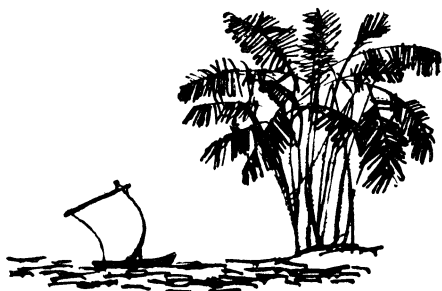
Я заявил, что совершенно удовлетворен. Мне, по правде сказать, не хотелось брать клыки. Если существует какое-нибудь животное, к которому у меня в душе есть чувство, то это именно слон. Я считаю его самым безвредным, самым умным, самым добрым из животных. Этот же бродячий слон — к слову сказать, единственный в своем роде, какого мне привелось встретить — по-моему был просто помешанный.

Когда мы возвратились в кампунг, там все тоже точно помешались от восторга. Всю ночь напролет народ шумел и пировал. Не переставали бить в там-тамы. Мне не удалось ни на минуту сомкнуть глаз. Я знал, что жители смотрят на меня как на какое-то божество, и чувствовал себя неважно. Я боялся, что позабуду, что значит быть обыкновенным смертным среди подобных себе людей...

Я всячески остерегался лихорадки честолубия; но не уберегся от другой лихорадки, той, с которой нужно бороться с помощью сетки от москитов и хинина.

Но та малярия, которая прогнала меня из тропиков в Америку, давно прошла. И зов джунглей опять начинает смущать меня.

Я знаю, что вдалеке от джунглей мне не быть никогда счастливым.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга Чарлза Майера «Как я ловил диких зверей» выходит в настоящее время на русском языке вторым изданием. Первое издание появилось 29 лет тому назад — в 1929 г. Оно имело большой успех, быстро разошлось и давно уже является библиографической редкостью.

Деятельность Чарлза Майера протекала в конце прошлого и в начале нынешнего столетия, т. е. в эпоху, которая стала для нас историей. Он, как и Карл Гагенбек (см. его книгу «О зверях и людях», Географгиз, 1957), принадлежал к деятелям раннего, пионерного периода в истории зооэкспорта. В те времена один человек нередко занимался ловлей диких зверей на месте, их транспортировкой, продажей циркам, зверинцам и зоосадам, а иногда и демонстрацией их в кочующих зверинцах и цирках. Тогда эта своеобразная профессия осуществлялась часто в очень трудных условиях и носила нередко явно выраженный романтический характер. Все это в полной мере может быть распространено и на Чарлза Майера.

Как и К. Гагенбек, Чарлз Майер начал свою деятельность с демонстрации и дрессировки диких животных на аренах кочующих цирков и зверинцев. Этот период своей деятельности в Северной Америке он затронул в одной из глав своей книги. В ней он дает яркие, выпуклые образы цирковых антрепренеров-директоров и дрессировщиков: Поджи, О. Брайана, Джорджа Кинга и др. Встречался он и с знаменитыми цирковыми антрепренерами прошлого столетия Барнумом и Бейли. Цирк он оставил, видимо, в девятых годах, и с той поры занялся ловлей и торговлей дикими животными.

В отличие от К. Гагенбека, который не покидал надолго свой родной Гамбург, совершал отдельные путешествия и действовал через многочисленных агентов, Ч. Майер надолго переселился в юго-восточную Азию. Центром своей деятельности он избрал Малаккский полуостров, где обосновался в Сингапуре. Подолгу жил он

и в туземном княжестве Тренгана на северо-востоке полуострова. В Малайе он прожил около 20 лет. На склоне жизни он вернулся на родину — в США, где и написал свои воспоминания в форме отдельных очерков, не всегда связанных между собой хронологической канвой.

Писал он нередко о событиях уже давно прошедших, что иногда сказывалось на точности излагаемых им фактов и событий. Однако, в целом, в правдивости рассказов Ч. Майера можно не сомневаться. Он достаточно откровенно рассказывает и о том, что его отнюдь не украшает.

Как и К. Гагенбек, Ч. Майер прежде всего смелый и энергичный делец, бизнесмен, и он этого не думает скрывать перед своими читателями-американцами, для которых он писал свои воспоминания.

Звери для него прежде всего редкий и ценный товар — источник наживы, который можно и следует продать как можно выгоднее. Это не мешало ему быть привязанным к отдельным пойманным, или выращенным им животным. Торговля зверями не мешала ему по-своему любить богатую, дикую природу тропической Азии и жизнь, которую он там вел, — жизнь красочную, богатую впечатлениями и переживаниями, но весьма не легкую и связанную постоянно с риском и опасностями.

Недаром он писал: «Запах джунглей забыть невозможно. Я могу закрыть глаза и вызвать его в любую минуту».

Чарлз Майер отнюдь не был натуралистом, профессиональным ученым. Знания его животных тропической Азии были поверхностные, он хорошо знал лишь то, что нужно знать, чтобы успешно поймать зверя, и то часто более полагаясь на знания туземцев. Но он многое видел, и ему нельзя отказать в наблюдательности.

То, что он рассказывает о своих встречах с дикими животными, особенно наиболее крупными, опасными и редкими, о их нравах, поведении и способах их поимки, заслуживает доверия и представляет подлинный интерес не только для широкого круга читателей, но иногда и для специалистов.

Не обладая глубокими знаниями в зоологии и не придавая им большого значения, Ч. Майер нередко применяет сбивчивые и весьма неточные названия животных, с которыми имел дело. В ряде случаев с его слов невозможно понять, о каком виде у него идет речь. Значение его книги не в этом.

Она, безусловно, интересна и местами даже увлекательна: он многое видел, испытал в своей жизни — и на цирковой арене, и под тропиками, и ему есть о чем рассказать на склоне лет. Это рассказы о приключениях и жизни человека, посвятившего себя труд-

ной и увлекательной профессии. Несомненно интересно будет и любому посетителю зоосада узнать, как ловятся дикие звери для того, чтобы он мог на них любоваться за решетками клеток.

То, что Ч. Майер рассказывает о жизни, обычаях и характере туземных народов Малаккского полуострова, Суматры и Борнео имеет значительно меньший интерес и ценность.

Майер родился и вырос в XIX веке в США. И советскому читателю ясно видны многие отрицательные черты его характера. Однако его приключения, его опыт и наблюдения сохранили свой интерес до наших дней.

П. Б. Юргенсон

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тренгана — туземное княжество в восточной части Малаккского полуострова. Входит с 1948 г. в Малайскую Федерацию.
- ² Дюриан, или дурьян — *Durio zibetinus*. Плоды этого дерева из-за своего чрезвычайно резкого запаха не допускаются на английские пароходы, объедки их запрещено выбрасывать на улицы. Оценка вкусовых качеств крайне противоречива.
- ³ Сакаи — условное наименование племен охотников-собирателей в северной части Малаккского полуострова. По антропологическому типу близки к веддам о. Цейлон. Охотятся с помощью копья и духового ружья — сумпитана.
- ⁴ Цивета — хищный зверек, виверра цветочная, или азиатская. Принадлежит к семейству виверровых, разводится как домашнее животное ради ценного выделения анальных желез — циветина. Циветин применяется как закрепитель запахов в парфюмерной промышленности.
- ⁵ Селаданг — местное, малайское название одного из видов диких буйволов Малайского архипелага. Встречается на Малаккском полуострове, Суматре и Борнео. Отличается смелостью и злобным нравом. Малайцы говорят, что у смелого человека сердце селаданга. Селаданг задал слугу Ч. Майера — Али. К какому именно виду относится название селаданг, из книги Майера установить невозможно.
- ⁶ Пифон, чаще употребляется название питон. Это очень крупная, до 10 м длиной, неядовитая змея из семейства удавов. Вероятно, здесь речь идет о сетчатом питоне, самом крупном.
- ⁷ «Мышиные лани» — вероятно, автор имел здесь в виду очень маленьких безрогих копытных зверьков — оленчиков из особого подотряда *Traguloidea*, возможно, «нану», или иначе канчиль, *Tragulus javanicus*, но есть и другие виды. Термин «лань» автор вообще все время применяет неправильно. Настоящих ланей, или ланиэлей, в Юго-восточной Азии нет.
- ⁸ Какой вид из семейства кошек автор имел в виду под названием «дымчатый тигровый кот», сказать невозможно. Бинтуронг — это хищник из семейства виверр, иначе именуемый пальмовой куницей.
- ⁹ Понтианак — город в западной части о. Борнео. Отсюда Майер поднимался вверх по реке.

- ¹⁰ Пятнистый (дымчатый) тигр в действительности не тигр, а так называемый дымчатый, или туманный, леопард — *Felis nebulosa*.
- ¹¹ Длинноносая обезьяна *Nasalia larvatus*, или обезьяна-носач. Это очень редкий вид тонкотелых обезьян, свойственный только о. Борнео. Какого зверя Майер называл «медовым медведем», определить по его описанию нельзя.
- ¹² Бабирусса — *Babirussa alifurus* — кабан со спирально закрученными клыками. Это эндемичный вид о. Целебес. На Малаккском полуострове бабирусс нет. Вероятно, автор здесь ошибся. О каких ланях (оленях) и медведях пишет здесь автор, неизвестно.
- ¹³ Во многих случаях «бешенство» бродячих слонов — «роугов», при котором ими овладевает слепая жажда разрушения и убийства, может быть объяснено какой-нибудь чрезвычайно болезненной для слона травмой, например воспалением мякоти бивня (кариес), равносильным зубной боли; глубоко вонзившейся в ногу занозой и т. п. Обезумевший от боли слон не понимает ее причины и видит ее во всем его окружающем. В ряде случаев, убив такого слона, удавалось обнаружить причину его бешенства.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Гора Духов	5
Облава на слонов	18
Клетки за борт	37
Волшебная сеть	50
Битва тигра с буйволом	65
Носорог	77
На Борнео	83
История пирата	100
Мы побеждаем горных духов	105
Мой друг, султан Тренганы	117
Цирки на Западе и на Востоке	132
Сумасшедший слон	147
<i>П. Б. Юргенсон. Послесловие</i>	161
Примечания	164

Чарлз Майер

КАК Я ЛОВИЛ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ

Редактор *Ю. Г. Липец*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Э. Н. Виленская*

Корректор *З. А. Логинова*

Т-09455. Сдано в производство 13/V-58 г. Подписано в печать 30/IX-58 г.
Формат $84 \times 108^{1/32}$. Физических листов 5,25. Печатных листов 8,61.
Издательских листов 8,71. Тираж 150 000. Заказ № 3650. Цена 2 р. 65 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

**ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ ГЕОГРАФИЗА
О ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

- Осколкова О. Б.** Северная Индия, 1958, 318 стр., цена 10 р. 50 к.
- Юсов Б. В.** Тибет, 1958, 222 стр., цена 8 р. 60 к.
- Калесник С. В.** По Бразилии, 1958, 175 стр., ц. 4 р. 60 к.
- Дрда Ян.** Горящая Земля, 1958, 229 стр., цена 5 р. 90 к.
- Бурлака П. Н.** От Шкодера до Бутринто, 1958, 70 стр.
ц. 1 р. 5 к.
- Прошин Н. И.** Страны Аравийского полуострова, 1958, 198 стр.,
цена 3 р. 25 к.
- Першиц А.** Арабы Аравийского полуострова, 1958, 55 стр.
цена 80 к.
- Маунтфорд Ч.** Коричневые люди и красные пески (Путешествие по дикой Австралии) 1958, 143 стр., цена 2 р. 65 к.
- Фрид Н.** Улыбающаяся Гватемала, 1958, 368 стр., цена 8 р. 50 к.
- Капо-Рей Р.** Французская Сахара, 1958, 496 стр., цена 18 р.
- Дорофеев А. М.** Пакистан, 1958, 48 стр., цена 90 коп.

Из серии «У карты мира»

- Андреева В. М.** Новая Зеландия, 1958, 96 стр., ц. 1 р. 65 к.
- Гаврилов Н. И.** Марокко, 1958, 48 стр., цена 85 коп.
- Косолапов Б. Е.** Тунис, 1958, 44 стр., цена 80 коп.
- Мухин А. И.** Германия (ГДР и ФРГ), 1958, 104 стр., ц. 2 р. 25 к.
- Раковский С. Н.** Федеративная Народная Республика Югославия, 1958, 80 стр., цена 1 р. 40 к.

Эти книги продаются в местных магазинах. В случае их отсутствия направляйте заказы по адресу: Москва, Е-116, Энергетическая ул., д. 8, корп. 2. Магазин № 104 Москниготорга, отдел «Книга — почтой»

2 р. 65 к.

Географиз 1959